

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ**

2017 Том 16 № 1
DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1
<http://journals.rudn.ru/russian-history>
Научный журнал
Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ
Козьменко
Владимир Матвеевич,
доктор ист. наук, профессор,
РУДН, Россия
E-mail: kozmenko_ym@pfur.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Мосейкина
Марина Николаевна,
доктор ист. наук, профессор,
РУДН, Россия
E-mail: moseikina_mn@pfur.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
СЕРИИ
Корноухова
Гадиля Гизатуллаевна,
кандидат ист. наук, доцент,
РУДН, Россия
E-mail: kornoukhova_gg@pfur.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Арсланов Рафаэль Амирович, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, РФ
Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, Академический колледж Ахва, Биир-Тувиа, Израиль
Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ
Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Уральский Федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, РФ
Кемпер Михаэль, доктор наук, профессор, Амстердамский университет, Амстердам, Голландия
Козн Стивен, доктор наук, профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США
Мартин Александр, доктор наук, профессор, Нотрдамский университет, Нотр Дам, США
Юнусова Айслу Билаловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, Уфа, РФ

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикина*
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ**

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

<http://journals.rudn.ru/russian-history/index>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих
(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цель и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам публикаций.

Цель журнала – способствовать сотрудничеству и научному обмену в области исторического знания, публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по широкому кругу актуальных проблем российской истории, касающихся политики, экономики, культуры Российского государства, центральное место среди которых отводится истории народов России и проблемам российской регионалистики.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими достижениями отечественной и зарубежной исторической науки, дискуссионными проблемами российской истории, современными методологией и методами в области исторических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: социально-экономическая, политическая и социокультурная история народов России; российская общественно-политическая мысль; история национальной политики и межконфессиональных отношений в России; исторический опыт народов в периоды войн и конфликтов; контакты и связи народов России с народами мира; Русский мир; история эмиграции народов России и миграционная политика РФ; проблемы археологии, этнографии и антропологии народов России; российская регионалистика.

Кроме научных статей публикуются рецензии и историографические обзоры.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Подписано в печать 05.02.2017. Выход в свет 20.02.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,5. Тираж 500 экз. Заказ № 29. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk.@rfg.ru

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY

2017 Volume 16 № 1

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Scientific journal

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Kozmenko,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail: kozmenko_vm@pfur.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Marina Moseikina,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail: moseikina_mn@pfur.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya Kornoukhova,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail: kornoukhova_gg@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Rafael Arslanov, RUDN University, Moscow, Russia

Stephen Cohen, New York University, New York, USA

Vladimir Datsyshen, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Michael Kemper, University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands

Alexander M. Martin, University of Notre Dame, Notre Dame, USA

Olga Porshneva, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Irena Vladimirska, Academic College of Ahva, Beer-Tuvia, Israel

Aislu Yunusova, Chief Scientific Officer, Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev, Ufa, Russia

Copy Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

Ordzhonikidze St., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Russian History:

Miklukho-Makhlaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Published Four times a year in February, May, August, November.

<http://journals.rudn.ru/russian-history/index>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aim and Scope

RUDN Journal of Russian History is a peer-reviewed international academic journal publishing historical researches. It is international with regard to both its editorial board and contributing authors.

The goal of the *Journal* is to improve the research work efficiency in the field of historical knowledge, to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international researchers in the study of a wide range of issues (politics, economy and culture of the Ancient Russia – the Russian Empire – the Soviet Union – the Russian Federation), where the central place is given to the history of the peoples of Russia and Russian's regions.

General Journal Sections are the following: socio-economic, political and socio-cultural history of the peoples of Russia; history of national policies and inter-confessional relations in Russia; the historical experience of peoples during wars and conflicts; contacts and links of the peoples of Russia with the peoples of the world; the Russian world and the history of the emigration of peoples of Russia; migration policy of Russia; problems of archeology, ethnography and anthropology; Russian regionalistic.

In addition to research articles the journal also publishes book reviews and historiographical overviews.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ

- Авилов Р.С.** От солдатской безграмотности к революциям: низкий образовательный уровень нижних чинов как одна из причин Русской революции 1917 г. 7

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

- Асадуллин Ф.А.** Мусульманская община Москвы в 1917–1930-е гг. 20

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- Таймасова Я.В.** Вопросы модернизации судебной и образовательной системы пореформенной России на страницах газеты «Русские ведомости» (1870-е гг.) 34
- Меркулов П.А.** Комсомол в системе молодежных общественных организаций 1920-х гг. 49
- Саран А.Ю.** Фантомные общественные организации как инструмент репрессий в Центральном Черноземье 1920–1930-х гг. 59
- Лутошкин С.А.** Создание финансово-промышленных групп в России на рубеже XX–XXI вв. 70

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

- Головкин А.А.** Правовое положение русских эмигрантов в США в послевоенный период (1945–1950-е гг.) 81

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Пономарева С.А.** «Журнал путешествия в восточную страну России конечно будет для публики интересен...»: об участии Г.И. Спасского в деятельности Вольного общества любителей словесности, наук и художеств 97

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Фатума М.М. Мамлук.** Отношения Ливии периода Муаммара Каддафи с Советским Союзом и Россией (1969–2003 гг.) 110

РЕЦЕНЗИИ

- Бледный С.Н.** Рецензия на книгу: Веселов А.А. «Московские профессиональные объединения художественной интеллигенции во второй половине XIX – первой четверти XX вв.». М.: Издательский дом ГУУ, 2016. 128 с. 121
- Галас М.Л.** Рецензия на книгу: Ершов В.Ф. «Русский мир и Северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века». М.: ИНФРА-М, 2016. 420 с. 126

- НЕКРОЛОГ** 131

- НАШИ АВТОРЫ** 134

CONTENTS

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA

- Roman S. Avilov**, From soldiers' illiteracy to revolutions: low soldiers' educational level as one of the causes of the Russian Revolutions of 1917 7

CONFESSIONAL HISTORY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

- Farid A. Asadullin**, The Muslim community of Moscow in 1917–1930-ies 20

SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

- Yanina V. Taimasova**, Issues of the judicial and educational systems modernization in post-reform Russia in "Russkie vedomosti" newspaper in 1870s 34
- Pavel A. Merkulov**, The young communist league in the system of youth organization of the 1920s 49
- Aleksandr Yu. Saran**, Phantom public organizations as a tool of repression in the Central Chernozem region in 1920–1930s 59
- Sergei A. Loutoshkin**, Establishment of financial-industrial groups in Russia at the turn of the 20th–21st centuries 70

HISTORY OF RUSSIAN EMIGRATION

- Aleksandr A. Golovkin**, Russian innigrants' legal status in the USA in the post-war period (1945–1950s) 81

PERSONAL HISTORY

- Svetlana A. Ponomareva**, "The journal of travels to Russia's eastern land is sure to be interesting for the public...": on Grigory I. Spassky's participation in the activity of the Free Society of Lovers of Literature, Science and the Arts 97

RUSSIA IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Fatuma M. M. Mamlouk**, Muammar Gaddafi's foreign policy and relations of Libya with the USSR and Russia (1969–2003) 110

BOOK REVIEWS

- Sergei N. Bledny**, Book review of: Veselov A.A. Moskovskie professional'nye ob»edineniya khudozhestvennoi intelligentsii vo vtoroi polovine XIX – pervoi chetverti XX vv. (Moscow: Izdatel'skii dom GUU, 2016. 128 p.) 121
- Marina L. Galas**, Book review of: V.F. Ershov Russkii mir I Severokavkazskoe zarubezh'e v XX – nachale XXI veka (Moscow: INFRA-M, 2016. 420 p.) 126

- OBITUARY** 131

- OUR AUTHORS** 134

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-7-19

ОТ СОЛДАТСКОЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ К РЕВОЛЮЦИЯМ: НИЗКИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ НИЖНИХ ЧИНОВ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Р.С. Авилов¹

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
690001, Россия, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Дальневосточный федеральный университет
690095, Россия, Владивосток, ул. Алеутская, 65-б

В статье на основе архивных материалов исследуется наметившееся в годы Первой мировой войны влияние падения уровня военной грамотности нижних чинов запасных частей и дружин Государственного ополчения на их восприимчивость к революционной агитации. Использование документов текущего делопроизводства Приамурского военного округа дало возможность выявить объективные и субъективные причины снижения качества обучения и боевой подготовки солдат в 1915–1917 гг. Установлено, что падение образовательного уровня и боевой подготовки войск было одним из важнейших факторов успеха Российской революции 1917 г.

Ключевые слова: Приамурский военный округ, Государственное ополчение, Первая мировая война

Введение. С переходом в начале XX в. ведущих мировых государств к системе массовых армий проблема устойчивости армии к революционной и иной враждебной агитации стала одной из ключевых и остается таковой и в настоящее время. Наиболее острый характер она приобретает во время войн, поскольку необходимость развертывания армии в военное время посредством призыва в войска большого количества резервистов и запасных порождает возможность падения боеспособности войск в случае, если качество пополнения не соответствует минимальным требованиям к образовательному уровню, боевой подготовке и осознанию чувства воинского долга. Если же качество боевого пополнения падает ниже определенного уровня, то последствия становятся катастрофическими – армия разваливается и государство в лучшем случае теряет

¹ Адрес электронной почты: avilov-1987@mail.ru (Р.С. Авилов).

возможность обороняться, в худшем – перестает существовать. Именно это и произошло с Российской империей на четвертом году ее участия в Первой мировой войне в результате Февральской, а затем и Октябрьской революций 1917 г. Это делает необходимым анализ процессов, происходивших в русской армии в 1914–1917 гг., для понимания причин успеха революции 1917 г. в России.

Несмотря на наличие обобщающих работ по истории русской армии в годы Первой мировой войны [1; 2; 3, с. 4–23; 4; 5, с. 162–166; 6, с. 3–27; 7] и колоссальный пласт литературы по Февральской и Октябрьской революциям 1917 г. [8, с. 53–64; 9, с. 1–5; 10, с. 30–45; 11, с. 167–211; 12, с. 112–120], проблема влияния качества подготовки и обучения запасных частей и дружин Государственного ополчения Российской империи на восприимчивость их к революционной агитации, а соответственно, на успех революций остается исследованной явно недостаточно, особенно на материалах периферийных территорий империи.

В 1914–1917 гг. значительная часть запасных и ополченцев обучалась в военных округах Сибири и Дальнего Востока. Использование документов текущего делопроизводства Приамурского военного округа, находящихся в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) и Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ), позволяет достаточно полно восстановить картину происходившего.

Цель исследования – установить на материалах истории Приамурского военного округа, в какой степени падение уровня военной грамотности нижних чинов запасных частей и дружин Государственного ополчения, наметившееся в годы войны, повлияло на их восприимчивость к революционной агитации и способствовало успехам революции 1917 г. Задачи исследования заключаются в том, чтобы рассмотреть объективные и субъективные причины снижения качества обучения нижних чинов в годы войн, установить возможные закономерности между образовательным уровнем массы нижних чинов и восприимчивостью их к революционной агитации.

Исследование проблемы. Большая часть полевых войск Приамурского военного округа, а именно 1-й, 4-й и 5-й Сибирские армейские корпуса, были отправлены на фронт сразу по окончании мобилизации уже осенью 1914 г. После этого в округе остались лишь несколько задержанных по стратегическим соображениям полевых частей, развернутые по военному времени части Амурского и Уссурийского казачьих войск, а также караульные команды от ушедших на фронт частей. Во Владивостокской крепости остались еще кадровые крепостные части (артиллеристы, саперы, связисты) [13, ч. III, с. 112]. переброска частей и соединений из округа в Европейскую Россию происходила по Китайской Восточной железной дороге¹, а на замену им в ноябре 1914 г. начали прибывать ополченские части. К 24 ноября 1914 г. в округ прибыла

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 765 от 25 октября 1914 г. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Научно-справочная библиотека (НСБ). Ед. хр. 1530.

46-я бригада Государственного ополчения¹; к середине декабря прибыли уже три бригады Государственного ополчения: 46-я, 49-я и 51-я (каждая в составе 6 дружин и 1 саперной полуроты)². В дальнейшем состав и система подчинения дислоцировавшихся в округе ополченских дружин постоянно менялась³.

Различие в качестве отправленных на фронт регулярных полевых войск и пришедших им на замену ополченцев бросилось в глаза сразу. 19 декабря 1914 г. временно Командующий войсками округа генерал от артиллерии А.Н. Нищенков, осматривая помещение Окружного штаба с состоящей при нем командой нижних чинов от 274-й пешей Казанской дружины, с удивлением обнаружил, что «караульный Начальник не умел рапортовать, не ознакомился с находящейся в караульном помещении инструкцией и не знал, что делать и куда обращаться в случае тревоги. Ни у караула, ни в караульном помещении не было устава гарнизонной службы, между тем на столе валялись какие-то книжки для чтения...»⁴. Подобное катастрофическое состояние караула заставило его обратить самое серьезное внимание на находившиеся в округе ополченские части.

Оказалось, что реальной боевой силы на момент прибытия они не представляли, да и вероятность их боевого применения до Первой мировой войны считалась минимальной. Сначала на них возложили охрану военных объектов и транспортной инфраструктуры, но далее ситуация стала быстро меняться. Изначально, согласно «Уставу о воинской повинности 1874 г.», с изменениями, внесенными законом 1912 г., ратники Государственного ополчения делились на два разряда. В 1-м разряде состояли все отслужившие действительную службу и службу в запасе (возраст от 39 до 43 лет) и те, кто физически годен, но не был призван на действительную службу по результатам жеребьевки или был освобожден от нее льготами по семейному положению (2-го и 3-го разрядов). Во 2-м разряде состояли те, кто по своим физическим данным или по состоянию здоровья не были годны к строевой службе и те, кто имел льготы по семейному положению по 1-му разряду (единственные сыновья в семьях, единственные кормильцы и т.п.) Во время войны из ратников 1-го разряда предполагалось формировать ополченские дружины и ими же должны были

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 839 от 24 ноября 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1530.

² Приказ войскам Приамурского военного округа № 899 от 15 декабря 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1531.

³ Приказ войскам Приамурского военного округа № 921 от 24 декабря 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1530; Приказ войскам Приамурского военного округа № 928 от 31 декабря 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1530; Приказ войскам Приамурского военного округа № 17 от 20 января 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529; Приказ войскам Приамурского военного округа № 168 от 17 апреля 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 337. Лл. 7–12.

⁴ Приказ войскам Приамурского военного округа № 911 от 20 декабря 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1531.

пополняться потери действующих войск. Ратников 2-го разряда предполагалось использовать для охраны порядка в тылу, внутри государства, производства строительных работ и т.п., т.е. направлять их непосредственно на фронт для участия в боевых действиях изначально вообще не предполагалось [4, с. 21–24; 14, с. 41].

Однако потери в новой войне оказались столь большими, что уже через два месяца все ополченцы 1-го разряда, проходившие ранее действительную военную службу, были отправлены в Действующую армию. В результате 9 сентября 1914 г. была выпущена «Инструкция об организации пополнения убыли в пехоте в Действующих армиях», устанавливавшая порядок, по которому от каждой дружины, сформированной из ополченцев 1-го разряда, через определенный промежуток времени выделялась одна рота, передававшаяся затем в запасные батальоны¹ для более глубокого прохождения курса стрельбы и обучения тактике. Далее они отправлялись на фронт на пополнение убыли в войсках [15, с. 142–143]. Таким образом, уже с октября 1914 г. предвоенные взгляды на ополчение как на вспомогательные войска изменились с точностью до наоборот, и ополченские части начали активно использовать в боях наравне с полевыми войсками. Тыловые округа отдавали фронту как дружины целиком, так и отдельных ратников в составе маршевых рот, сохраняя часть дружин в качестве центра подготовки бойцов внутри страны [15, с. 144; 26].

В результате в Приамурском военном округе пришлось обратить серьезное внимание на обучение и боевую подготовку не только молодых солдат в кадрах Сибирских стрелковых полков и Владивостокской крепостной артиллерии, но и нижних чинов ополченских частей. Личное знакомство А.Н. Нищенкова 10–15 января 1915 г. с обучением ряда частей выявило множественные проблемы, причем практически повсеместно.

Молодые солдаты в кадрах Сибирских стрелковых полков не знали основных стрелковых команд, причин осечек, как целиться при боковом ветре, делали постоянные ошибки в прицеливании, а обязанности стрелка в цепи не усвоили. Разобраться в особенностях полевой и караульной службы им тоже было тяжело.

Молодые солдаты во Владивостокской крепостной артиллерии, несмотря на усилия офицеров, продемонстрировали «большое разнообразие в прицеливании» со всем возможным спектром ошибок, показав почти полное неумение обращаться с прицельными приспособлениями. В 4-й роте 1-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка вообще оказались молодые солдаты, не умеющие наводить орудие, устанавливать дистанционную трубку, а также держать патрон и обращаться с прицелами²!

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 711 от 30 декабря 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

² Приказ войскам Приамурского военного округа № 36 от 26 января 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

В осмотренной Нищенковым в апреле 1915 г. 726-й Пензенской дружине Государственного ополчения ситуация была еще хуже, поскольку «начальствующие лица начиная с ротного командира не знали всех подчиненных им нижних чинов». Свойств постоянного прицела ратники не знали, «не усвоили также разницы команд “курок” и “вынь патрон”». Значительная часть ополченцев не усвоила правила изготовления к стрельбе ни из одного положения (лежа, с колена, стоя)¹. Между тем всем им предстояло отправиться воевать, т.к. к ноябрю 1915 г. было уже официально признано, что дружины – это части, «назначенные не только для внутренней службы, но и для укомплектования Действующей Армии», и они «ныне готовят ратников для службы в поле и поэтому ни в каком отношении не должны быть ниже полевых войск 1-й очереди»².

Достичь последнего в условиях просчетов мирного времени и отсутствия в стране всеобщего начального образования было невозможно, но усилия прилагались колоссальные. 4 ноября 1915 г. А.Н. Нищенков отдал приказ: «Для обеспечения более прочных результатов в деле подготовки вновь призванных ратников, прошедших 6-ти недельное обучение и укрепления сведений у старослужащих ратников, приказываю с теми и другими безразлично пройти повторительный двух месячный курс. Для однообразного во всех дружинах ведения этого дела и достижения наилучших результатов приказываю во всех частях при прохождении этого повторительного курса строго руководствоваться прилагаемой при сем “примерной программой 2-х месячного повторительного курса обучения нижних чинов”»³. Последняя была разработана в Штабе округа на основе всех накопленных там за предвоенные и военные годы материалов, а также замечаний А.Н. Нищенкова уже военного времени. Рассчитанная на 7 недель, она включала в себя 7 «отделов обучения», т.е. курсов, с точным указанием тем, которые следовало разобрать. Ситуация была настолько катастрофическая, что программа, кроме изучения уставов, гимнастики, строевой и стрелковой подготовки предусматривала еще молитвы и общие сведения, среди которых были: «молитва Господня» и «заповеди Спасителя», а также разъяснения, что такое пехота, кавалерия и артиллерия⁴. В дальнейшем в штабе была разработана еще и программа духовно нравственных бесед с нижними чинами, разъяснявшая им самые элементарные основы христианского вероучения⁵.

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 202 от 30 апреля 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

² Приказ войскам Приамурского военного округа № 592 от 4 ноября 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Приложение к Приказу войскам Приамурского военного округа № 467 от 22 сентября 1916 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 2298.

Эти меры позволили хоть как-то стабилизировать ситуацию с ополченцами в округе, хотя переломить ее так и не удалось. Причин было несколько. С одной стороны, успешное обучение ополченских частей происходило лишь в тех случаях, когда их командиром становился человек деятельный и ответственный, а большая часть таковых сразу отправилась на фронт. «Отсиживаться трусами в тылу» мало кому из них хотелось, поэтому в округе таких офицеров остались единицы. С другой, сами ополченцы обустроивали свой быт с гораздо большим рвением, чем осваивали боевые науки. Например, осматривавший 10 ноября 1915 г. казармы расположенной в с. Шкотово 275-й пешей Казанской дружины А.Н. Нищенков отмечал, что в помещениях, где размещены дружины, – порядок, кухни и бани чистые. На стенах казармы 1-й роты «развешаны плакаты: о наших пленных у немцев, о немецких шпионах, о царской заботе о семьях воинов и прочие, но никто, видимо, не знаком с ними солдат, один из которых сказал, что это расписание занятий»¹.

Трудности с обучением и боевой подготовкой ополченских дружин были обусловлены целым рядом факторов, как объективных, так и субъективных. К первым следует отнести контингент, призванный ратниками в ополчение. Значительную его часть составляли мужчины поволжских, уральских и некоторых других губерний, где был высок процент населения, исповедовавшего ислам [16, с. 39], для значительной части которого русский язык был либо не родным, либо не первым родным. Этим же объясняется и периодическое получение А.Н. Нищенковым в ответ на воинское приветствие поклонов всех видов и разновидностей – типично восточного способа приветствия. Призванные в ополчение честно выказывали «начальству» все положенное уважение, но выражали его так, как привыкли и умели, а не как полагалось по уставу.

К субъективным причинам следует отнести нежелание ополченцев, оторванных на длительный срок от семей и хозяйства, нести службу и уж тем более отправиться на фронт. Поэтому никакого рвения в обучении и боевой подготовке они не проявляли, а при случае еще и демонстрировали ее полное отсутствие, тем более что доставалось за это прежде всего не им, а командующим ими офицерам.

Ситуация ухудшалась по мере того, как война принимала затяжной характер и фронт требовал все больше. В результате в 1915 г. в стране просто не хватало людей. Призыв ратников 1-го разряда прекратился по причине их полного исчерпания, т.е. весь обученный запас армии закончился. 5 сентября 1915 г. государство вынуждено было начать призыв для последующей отправки на фронт ратников ополчения 2-го разряда – той части мужского населения империи, которая вообще никогда не служила в армии. Это потребовало существенной корректировки законодательства, которое пришлось проводить

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 666 от 10 декабря 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

через Государственную Думу, что вызвало скрытое недовольство населения и резкое падение качества как поступающих в войска пополнений, так и самих ополченских дружин [4, с. 72–80, 83–101; 15, с. 148].

Недовольны были и еще чудом уцелевшие офицерские кадры мирного времени, ведь прибытие неподготовленного пополнения создавало им серьезные проблемы, «умножая количество едоков, но не увеличивая количества бойцов».

Что делать с маршевым пополнением, которое в массе своей после 3–6 недель обучения в запасных батальонах попадало на фронт безоружным, совершенно необученным и зачастую практически не имевшим ни малейшего представления о самых элементарных основах воинской службы, от дисциплины до заряжания винтовки из обоймы, было решительно непонятно. Ставить в строй их было просто нельзя. Поэтому войскам приходилось обучать такие пополнения непосредственно в ближайшем тылу средствами самих же частей и соединений в никем и ничем не предусмотренных сверхштатных «учебных» батальонах и командах, благо позиционная война давала командирам возможность это делать.

Столкнувшись с совершенно новой и непредвиденной в мирное время ситуацией, система комплектования армии на всех ее уровнях от присутствий по воинской повинности до запасных батальонов со своей задачей совершенно не справлялась. Между тем подобное положение дел оказывало все более отрицательное влияние на фронт. В целом, с этого времени русская армия начала постепенно превращаться во что-то, сильно напоминающее ополчение, поскольку потери 1915 г. еще «можно было пополнить, но их нельзя было заменить» [17, т. 3, с. 282, 318; там же, т. 4, с. 7, 250].

В такой ситуации принимаемые в Приамурском военном округе меры уже не только не давали положительного результата, но и не могли остановить стремительного падения боеспособности запасных и ополченских частей. 22 сентября 1916 г. А.Н. Нищенков с горечью отмечал: «Несмотря на то, что большинство нижних чинов в дружинах вступило уже в третий год службы, считая от объявления войны, до сих пор встречаются нижние чины слабо или даже вовсе неподготовленные для службы в поле... К сожалению мне попадались слабо подготовленные не только рядовые, но и унтер-офицеры»¹.

Той же осенью 1916 г., при очередной инспекции гарнизона Владивостокской крепости, А.Н. Нищенкову во 2-й роте 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка попались рядовые, не знавшие, как называется крепость, в которой они служат, и никто, даже ефрейтор, не смог ответить на вопрос, из чего состоит крепость, предлагая версии: «из гарнизона», «из полков», «из казарм» и даже – «из берегов»! В 4-й роте никто не знал, почему при присяге целуют крест

¹ Приложение к Приказу войскам Приамурского военного округа № 467 от 22 сентября 1916 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 2298.

и Евангелие; в 5-й – некоторые не знали молитвы за царя; в 6-й Либавской роте – не имели понятия, кому служит и присягает каждый военнослужащий, и в довершение всего заявили А.Н. Нищенкову, что «в артиллерии знаменем служит пушка»!¹ Подобные случаи отнюдь не были единичными, приобретая массовый характер, тем более, что к концу 1916 г. в империи был близок к исчерпанию и контингент ратников ополчения 2-го разряда [4, с. 72–80, 83–101; 15, с. 148].

В армии постепенно развивалась необратимая болезнь, проявившаяся во время революции 1917 г., поскольку при таком уровне знаний о своем государстве войска становились восприимчивы к любой пропаганде, совпадавшей с глубинными чаяниями солдат: мир, земля, возвращение домой и т.д. «Революционные солдаты и матросы» на самом деле в большинстве своем не были ни «солдатами», ни «матросами». Это были те самые плохо обученные, имеющие крайне мало представления о воинской дисциплине, чинопочитании и армии вообще, но зато озлобленные на власть за нарушение «своих законных прав» ратники ополчения 2-го разряда. Они в массе своей не горели желанием умирать за Отечество, не говоря уже о вере и царе. Решение собственных социальных вопросов интересовало их намного больше, чем судьба страны и государства.

Выводы. Промахи мирного времени катастрофически проявились уже в годы Первой мировой войны. Отсутствие в стране нормального школьного образования давало армии призывной контингент в основном малограмотный и плохо обучаемый, что невозможно было быстро исправить, тем более в условиях военного времени. Это существенно снижало возможности армии по подготовке бойцов, которых зачастую приходилось сначала учить хотя бы грамоте, а уже затем – всему остальному.

Большое количество неграмотных, т.е. несамостоятельных людей, особенно ослабило армию дни кризиса. Один из русских генералов писал о нижнем чине: «Он прекрасный солдат до тех пор, пока все идет хорошо, по программе, когда он слышит, где его офицеры, и слышит, как его поддерживают наши орудия, иначе говоря, во время удачной атаки или обороны в окопах, но когда приходит нечто неожиданное, как это бывает обычно в действиях против германцев, все меняется» [1, т. 1, с. 57]. Солдат, не умеющий самостоятельно думать, не умел и воевать без того, кто думал бы за него. Уже в эмиграции бывший Генерал-Квартирмейстер Главного штаба накануне Первой мировой войны и Генерал-Квартирмейстер Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича-младшего Ю.Н. Данилов признал: «Русский народ оказался психологически к войне неподготовленным. Главная масса его, крестьянство, едва ли отдавала себе ясный отчет, зачем его зовут на войну. Цели войны были ему не ясны. Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще испол-

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 579 от 30 ноября 1916 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 2298.

нять все то, что от него требовала власть; он терпеливо, но пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания» [Цит. по: 4, с. 290–291].

В Приамурском военном округе в годы войны делалось все возможное, чтобы поднять уровень грамотности призванных запасных и ратников ополчения 1-го, а затем и 2-го разряда хотя бы до минимально необходимого, и обучить их насколько возможно. Неофициальным центром такого обучения стала Владивостокская крепость, где всю войну оставались крепостные войска, т.е. регулярные кадровые армейские части, сохранившие костяк своего состава даже в 1915–1917 гг., когда в остальной армии таких уже не было, а личный состав воюющих частей и соединений сменился по несколько раз. Уровень боеготовности этих частей был в целом несравненно выше, чем у всех ополченских импровизаций, которые *de facto* на войска мало походили.

В целом же картина в округе была практически идентичной происходившему на остальной территории империи. Образовательный уровень нижних чинов запасных частей и ратников Государственного ополчения был столь низким, что не позволял привить им даже элементарные военные знания, т.к. чтобы научить их пользоваться прицелом винтовки, многих приходилось сначала учить цифрам.

Проблемы с пониманием основ православной веры, одного из столпов российской государственности до 1917 г., сводили на нет всю идеологическую составляющую подготовки – людям, не имевшим представления о символе православной веры и не знавшим даже молитвы за царя, объяснить, почему он «помазанник Божий» и растолковать сакральные основы самодержавной власти в России, было невозможно. Это, в свою очередь, делало самих запасных и ополченцев и, как следствие, все запасные и ополченские части, а заодно и все остальные части и соединения, куда эти нижние чины поступали в качестве маршевых пополнений, восприимчивыми к любой антивоенной и антиправительственной агитации, апеллировавшей к глубинным чаяниям народа. Чем сильнее падал по мере истощения людских ресурсов образовательный и культурный уровень призываемых, тем более восприимчивыми к агитации они становились.

Положение дел существенно ухудшало полиэтничность населения империи, власти которой, периодически проводя хотя и активную, но непродуманную и неудачную политику русификации проживавших на ее территории народов, так и не сумели создать в итоге кроме единого административного еще и единое историко-культурное и языковое пространство. Эффективного механизма адаптации в армии большого количества призывников, для которых русский язык был не родным или не первым родным, создано не было. Даже при желании с их стороны служить верой и правдой, что было далеко не всегда, воплощение этого желания в жизнь постоянно наталкивалось на культурно-языковые трудности.

Таким образом, когда исследователи говорят о выступлении определенной части войск в 1917 г. на стороне сил революции, нужно четко представлять, что эти «войска» в значительной степени были уже не армией, а малограмотным, плохо вооруженным и недостаточно снабженным всеми видами довольствия народом, который призвали на защиту Родины, так и не сумев объяснить, что страна ведет войну за выживание, в результате проигрыша в которой она может прекратить свое существование. В этой связи следует отметить, что повышение образовательного, культурного и интеллектуального уровня населения является важнейшей и жизненно необходимой мерой по повышению обороноспособности современной России и приданию дополнительной устойчивости ее государственному строю. Также необходима и постоянная работа над поддержанием в стране единого историко-культурного и языкового пространства, которая при современном уровне развития этнологии и антропологии может вестись не только без ущемления языков и культур живущих в стране народов, но даже с одновременным развитием, поддержкой и популяризацией последних. Принятие активных мер в указанных областях избавит страну даже от минимальной возможности повторения ошибок, допущенных в Российской империи и приведших впоследствии к революциям 1917 г.

© Авилов Р.С., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека (ГАХК. НСБ). Ед. хр. 1529.

ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1530.

ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1531.

ГАХК. НСБ. Ед. хр. 2298.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 337.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1–2. М.: ИД КДУ, 2014.
- [2] *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 3–4. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015.
- [3] *Булдаков В.П.* Первая мировая война: шанс на модернизацию России // Вестник Тверского государственного университета. Серия История России. 2014. № 1. С. 4–23.
- [4] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
- [5] *Гулин А.О.* Основные тенденции современной историографии Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 5. С. 162–166.

- [6] Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.
- [7] Мировые войны XX в.: В 4 кн. М.: Наука, 2002. Кн. 1. 686 с.
- [8] Булдаков В.П. Революция как проблема Российской истории // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 53–64.
- [9] Будник Г.А. Новые подходы к изучению Революции 1917 г. в России // Вестник ИГЭУ. 2008. Вып. 1. С. 1–5.
- [10] Макаренко П.В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 30–45.
- [11] Российские революции 90 лет спустя. «Круглые столы» в Институте Российской истории РАН // Отечественная история. 2008. № 6. С. 167–211.
- [12] Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 г. пролетарской? (Проблемы истории и историографии) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 112–120.
- [13] Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Владивосток: Дальнаука, 2013–2016. Ч. I–IV.
- [14] Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб.: Галлея Принт, 2001. 160 с.
- [15] Оськин М.В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 142–152.
- [16] Иконникова Т.Я. Ополченские дружины Приамурского военного округа в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 35–40.
- [17] Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3–4. М.: Голос, 1994.

**FROM SOLDIERS' ILLITERACY TO REVOLUTIONS:
LOW SOLDIERS' EDUCATIONAL LEVEL
AS ONE OF THE CAUSES
OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917**

Roman S. Avilov¹

Institute of History,
Archaeology and Ethnography of
the Peoples of the Far East FEB RAS
89 Pushkinskaya Str., Vladivostok, Russia, 690001

Far Eastern Federal University
65-b Aleutskaya Str., Vladivostok, Russia, 690095

The article deals with the problems of the falling of the soldiers' military literacy of the National Home Guard reserve forces and troops during World War I and their susceptibility to the revolution agitation influence. There are used the records from the State Archive of Khabarovsk Region (SA KR) and the Russian State Historical Archive of the Far East

¹ E-mail address: avilov-1987@mail.ru (R.S. Avilov).

(RSHA FE). The author analyzes the condition of the troops of the Amur Military District including Vladivostok Fortress, where real carrier-oriented fortress troops were deployed. It was found that these troops served as a base for reservists' military training and education.

Using the documents of everyday life of the Amur Military District, there were found the objective and subjective causes of falling of the soldiers' educational level and military training in 1915–1917, which were the primary factors of the success of the 1917 revolutions.

The author concludes that a great number of illiterate and non-initiative people paralyze the army, especially in a crisis time. There was no effective mechanism for the adaptation of oriental reservists who were not native Russian speakers. All this made reservists and the soldiers of the Nation Home Guard very susceptible to the antiwar and antigovernment agitation which appealed to people's most important needs. As for the troops on the side of the revolution in 1917, it should be emphasized that these "troops" were not a real army, but illiterate, poorly armed people, who were mobilized for defending the Homeland without the clear explanation that this war had critical significance for the state survival.

Key words: Amur Military District, Home Guard, World War I

REFERENCES

- [1] Airapetov OR. *Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917)*. Moscow: ID KDU, 2014; 1–2 (in Russian).
- [2] Airapetov OR. *Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917)*. Moscow: Kuchkovo pole; Voennaya kniga, 2015; 3–4 (in Russian).
- [3] Buldakov VP. Pervaya mirovaya voina: shans na modernizatsiyu Rossii. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya Rossii*. 2014; 1:4–23 (in Russian).
- [4] Golovin NN. *Voennye usiliya Rossii v Mirovoi voine*. Moscow: Kuchkovo pole, 2001 (in Russian).
- [5] Gulin AO. Osnovnye tendentsii sovremennoi istoriografii Pervoi mirovoi voiny. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2012; 5:162–166 (in Russian).
- [6] Kozenko BD. Otechestvennaya istoriografiya Pervoi mirovoi voiny. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2001; 3:3–27 (in Russian).
- [7] *Mirovye voiny XX v.: V 4 kn.* Moscow: Nauka, 2002; 1 (in Russian).
- [8] Buldakov VP. Revolyutsiya kak problema Rossiiskoi istorii. *Voprosy filosofii*. 2003; 1:53–64 (in Russian).
- [9] Budnik GA. Novye podkhody k izucheniyu Revolyutsii 1917 g. v Rossii. *Vestnik IGEU*. 2008; 1:1–5 (in Russian).
- [10] Makarenko PV. Germanskii faktor v Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 g. *Voprosy istorii*. 2008; 5:30–45 (in Russian).
- [11] Rossiiskie revolyutsii 90 let spustya. «Kruglye stoly» v Institute Rossiiskoi istorii RAN. *Otechestvennaya istoriya*. 2008; 6:167–211 (in Russian).
- [12] Fel'dman MA. Byla li Oktyabr'skaya revolyutsiya 1917 g. proletarskoi? (Problemy istorii i istoriografii). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2012; 5:112–120 (in Russian).

- [13] Avilov RS., Ayushin NB., Kalinin VI. *Vladivostokskaya krepost': voiska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi*. Vladivostok: Dal'nauka, 2013–2016; I–IV (in Russian).
- [14] Markov OD. *Russkaya armiya 1914–1917 gg.* St-Petersburg: Galleya Print, 2001 (in Russian).
- [15] Os'kin MV. Gosudarstvennoe opolchenie v period Pervoi mirovoi voiny. *Voprosy istorii*. 2013; 6:142–152 (in Russian).
- [16] Ikonnikova T.Ya. Opolchenskie druzhiny Priamurskogo voennogo okruga v 1914–1917 gg. *Voeno-istoricheskii zhurnal*. 2009; 2:35–40 (in Russian).
- [17] Kersnovskii AA. *Istoriya russkoi armii*. Moscow: Golos, 1994; 3–4 (in Russian).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-20-33

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА МОСКВЫ В 1917–1930-Е ГГ.

Ф.А. Асадуллин¹

Совет муфтиев России

129090 Россия, Москва, Выползов переулоч, 7

В данной статье рассматривается характер взаимоотношений между большевистским правительством и мусульманской умой Советской России в первые десятилетия существования большевистского правительства на примере мусульманской общины г. Москвы. Также ставится вопрос об изменении уровня религиозности среди мусульманского населения столицы в связи с проведением антирелигиозных кампаний 1920–1930-х гг. Автор признает, что в конце рассматриваемого периода мусульманское население Москвы стремилось лишней раз не демонстрировать свои религиозные чувства. В то же время в сознании людей вера продолжала занимать важное место.

Ключевые слова: мусульманская умма, татары, Москва, ислам, религиозность

Введение. В результате революционных событий 1917 г. столица России переместилась в Москву, которая исторически являлась духовной столицей и центром переплетения различных культур и конфессий. Здесь же на протяжении восьми столетий проживала многочисленная мусульманская община.

Между тем в российской и зарубежной историографии история мусульманской общины Москвы не получила должного освещения. В числе немногочисленных исследований по данной проблематике – работа Л.И. Розенберга, в которой представлен богатый фактологический материал по социально-сословному составу, особенностям расселения, профессиональной занятости татар Москвы в XVII – середине XIX вв. [1]. В исследовании В.Г. Садура, охватывающем более поздний период – с середины XIX в. до 1905 г., раскрывается проблема ассимиляции и межнационального общения внутри мусульманской общины, анализируются направления внутриэтнических связей [2]. Д.З. Хайретдинов анализирует историю формирования тюркского сообщества Москвы, его вклад в развитие города и проблему сохранения религиозных и этнических традиций к началу XX в. [3]

¹ Адрес электронной почты: a.farid@inbox.ru (Ф.А. Асадуллин).

В книге «Мусульмане изменяющейся России» мусульманам Москвы посвящен один из разделов, в котором показан этнический состав этой конфессиональной группы, особенности внутригруппового межэтнического взаимодействия и другие важнейшие вопросы.

В исследовании Ю.А. Гаврилова и А.Г. Шевченко рассматриваются вопросы взаимоотношений государственной власти России и российского исламского сообщества (в том числе и Москвы) с XV столетия до современности [5].

Аналізу предпринимательской активности мусульманской общины Москвы посвящена работа М.К. Шацилло, в которой автор делает вывод о том, что татарская община на протяжении XIX – начала XX в. не размывалась и процессы ассимиляции внутри ее протекали слабо [6, с. 303].

Таким образом, основная часть работ, посвященная изучению жизнедеятельности мусульман Москвы, связана с дореволюционным периодом. В данной статье рассматривается характер взаимоотношений между большевистским правительством и мусульманской уммой Советской России в первые десятилетия существования большевистского правительства на примере мусульманской общины Москвы. Также ставится вопрос об изменении уровня религиозности среди мусульманского населения Москвы в связи с проведением антирелигиозных кампаний и реализацией программы «безбожной пятилетки» (1932–1937 гг.)

Работа основана на документах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Центральном муниципальном архива Москвы (ЦММА), а также мемуарных и статистических источниках.

Исследование проблемы. После установления Советской власти и особенно после решения Реввоенсовета о переносе столицы Москва становится политико-административным центром страны. Однако наступивший после революции период Гражданской войны и «военного коммунизма» был временем разрухи и голода, а также тотального исхода городского населения Москвы в сельские регионы, где можно было пережить трудные времена. Имеющиеся статистические данные показывают, что в годы Гражданской войны только татарское население столицы сократилось и в относительном, и в абсолютном отношении. Если в 1912 г. в Москве проживало 8700 татар, то к 1920 г. – 2300 [7, с. 78]. Увидевший летом 1921 г. своими глазами разруху, муфтий Галимджан Баруди писал: «Благополучно прибыли в Москву в понедельник 26 июля, в час пополудни. Распределив вещи на троих, вышли с ними из вагона. Извозчиков мало, легкая телега-фаэтон стоит 8000 рублей. Тяжелая – 5–6 тысяч... За 5000 рублей наняли по-дервишески рессорную грузовую телегу и, погрузившись втроем, поехали. Трамваи не ходят, на улицах, по сравнению с прежними временами, мало пешеходов. Только на магистральных улицах можно увидеть немного трамваев, как бы для того, чтобы не забыли о их существовании. В настоящее время малосемейному человеку нужно для жизни

в месяц по меньшей мере 200 000 рублей. Нет возможности иметь половину, даже четверть означенной суммы» [8, с. 76].

Объявление государством новой экономической политики вновь разбудило присущую предприимчивой прослойке татар частную инициативу, что привело к оживлению торгово-хозяйственной деятельности предпринимателей-мусульман, например Карамышевых, Ходжаевых и других, которые в своих артелях нуждались как в профессиональной, так и сезонной рабочей силе. Этим во многом объясняется заметный рост численности татар в Москве и Подмосковье. К 1923 г. она составила 12 300 человек, т.е. по сравнению с 1920 г. увеличилась в 5 раз¹. Безусловно, на росте численности татарского населения сказался голод 1921 г. в Поволжье, вызвавший миграцию в относительно благополучные центрально-европейские регионы и особенно большие промышленные центры, где ощущалась деловая активность.

В эти трудные годы неоднозначно складывались отношения мусульманской общины Москвы с новым руководством страны. Придя к власти в октябре 1917 г., правительство большевиков официально заявило о праве наций на самоопределение. 3 декабря 1917 г. В.И. Ленин подписал Обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором говорилось: «Отныне ваши верования, обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете на это право!»².

Действительно, в первые годы Советской власти большевики не только на словах, но и на деле подтверждали выдвинутый ими лозунг о предоставлении религиозной свободы мусульманским народам.

Открывались национальные культурные центры, где московские мусульмане могли развивать свои национальные традиции и общаться на родном языке. В этот период главный мусульманский этнос столицы – московские татары – по-прежнему играли заметную роль в жизни Москвы, и в новых исторических условиях они стремились насколько возможно сохранять традиции привычной языковой среды соотечественников. Важную роль в этом сыграл Татарский культурный общественный центр, расположенный в историческом здании «Дома Асадуллаева». Здесь можно было встретить практически всех деятелей национальной татарской интеллигенции, ставших позднее широко известными: поэта Мусу Джалиля (1906–1944), работавшего после окончания филологического факультета Московского университета в различных детских и юношеских журналах (например, «Дитя Октября»), одного из первых профессиональных татарских актеров и режиссеров Газиза Айдарского (1898–1933) и его супругу Сару Садыхову (1906–1986),

¹ Статистический ежегодник Москвы и Московской губернии. М., 1927. С. 17.

² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 114.

композитора Назиба Жиганова (1911–1988), а также таких писателей и литераторов, как Хади Тахташ, Ахмет Файзи, Ахмет Ерикеев, Махмуд Максуд, Латыф Хамиди. В столице в эти годы действовала секция татарских писателей, татарская оперная студия при Московской государственной консерватории, татарский драматический театр «Эшче», общество татарских студентов, национальная школа, директором которой была уже упоминавшаяся Сара Садыхова. С Москвой связана судьба основоположника изобразительного искусства татарского народа Баки Урманче (1897–1990), который в 20-е гг. учился в Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), где получил высшее художественное образование. В подавляющем большинстве это были представители нарождающейся национальной интеллигенции советского образца.

Хотя Татарский культурный общественный центр был типичным советским учреждением, призванным воспитывать молодежь в духе «единственно научного и правильного» марксистско-ленинского мировоззрения, тем не менее в его стенах были размещены школа-семилетка (№ 27), где учились около 300 детей из татарских семей, а также детский сад [9, с. 7]. Всего к 1927 г. в Москве и Московской области (Серпухове, Подольске, Климовске, Орехово-Зуеве, Талдоме, Мытищах) существовало 13 татарских школ, из них 4 – в Москве, а также 2 татарские группы при русских школах. Кроме того, в заводских клубах и красных уголках проходили занятия на татарском языке для ликвидации безграмотности среди татарской молодежи, работающей на московских и подмосковных предприятиях. Эта работа проходила под контролем Московского отдела народного образования (МОНО) [10].

В 1925 г. в Москве также действовали Адыгей-Черкесское, Ингушское, Северо-Осетинское и Чеченское землячества. В основном в них входили молодые люди пролетарского происхождения, имевшие «положительные характеристики» из местных парторганизаций и обучающиеся в московских вузах, совпартшколах и высших военных учебных заведениях, на рабфаке¹. Среди активистов партийной ячейки Москвы следует упомянуть участника Октябрьской революции Шаймардана Ибрагимова (1899–1957), работавшего в Наркомате по делам национальностей РСФСР. Долгие годы Ибрагимов входил также в состав Исполкома Моссовета и внес заметный вклад в промышленное развитие и обустройство новых районов Москвы². В Москве раскрылся талант писательницы Лидии Сейфуллиной (1889–1954), блестяще владевшей татарским и русским языками. В 20-е гг. и позднее ее имя как автора знаменитой повести «Виринея» было на слуху широкого круга читателей и часто упоминалось в ряду с крупнейшими деятелями литературы и культуры Советской России М. Горьким, В. Маяковским, К. Фединым.

¹ Архивы и общество. Режим доступа: <http://archivesjournal.ru>.

² После его смерти одна из улиц на востоке Москвы, недалеко от станции метро «Семеновская», была названа в его честь.

Очень показательна судьба первой осетинской женщины-ученого Фатимы Бутаевой, выпускницы физико-математического отделения Московского университета, начавшей свою научную деятельность в 1930-е гг. во Всесоюзном электротехническом институте (ВЭИ) и внесшей огромный вклад в разработку лазера и развитие мировой физики XX в. в целом [11]. В научно-исследовательском институте органической химии им. Н.Д. Зелинского началась деятельность выпускника химфака МГУ, ученого с мировым именем Хабиба Миначева (1908–2002), в будущем академика. В Институте Красной профессуры учились многие ученые-историки и обществоведы, например отец всемирно известного писателя и общественного деятеля Чингиза Айтматова (1928–2008) Турекул Айтматов (1903–1937).

Важную роль в сохранении духовных ценностей мусульман в рассматриваемый период играли мечети, которые были не только местом богослужений и отправления традиционных мусульманских обрядов, но и центром, где пересекались интересы многих деятелей мусульманской общественности и деловых кругов Москвы.

Значительно вырос в это время статус второго мусульманского прихода, во главе которого стояли имам Абдрахман Алимов (? – 1928) и ахун и имам-хатыб Абдельвадуд Фаттахетдинов (1884–1954). Этому способствовало особое внимание муфтия Г. Баруди, который нередко вместе с высокими зарубежными делегациями посещал мечеть в Выползовом переулке и проводил здесь свои встречи и беседы. Об одной из таких встреч, а именно с афганским везирем Валиханом в августе 1920 г., Г. Баруди написал в своем дневнике. В ходе двухчасовой беседы с везирем и сопровождавшими его лицами муфтий обсуждал текущие события в мусульманском мире и особенно интересовался мнением гостя о том, насколько приемлемы, например, «некоторые действия коммунистов» в отношении мусульман.

«Если какие-то их правила будут неприемлемы, – читаем в дневнике Г. Баруди ответ везира, – то мусульманин может опираться на свою веру, действовать на основании своего вероучения» [8, с. 101]. В квартальной мечети в эти годы началась деятельность известных московским мусульманам муэдзина Шейхульислама Салямова (1883–1965) и имама-хатыба Абдуллы хазрата Сулейманова (Сулеймани (1886–1937), который попеременно с Абдельвадудом Фаттахетдиновым читал пятничные проповеди. В предвоенные годы началась многолетняя духовная деятельность Ахметзяна-хазрата Мустафина (1902–1986), блестящая религиозная подготовка которого позволила ему снискать уважение среди мусульман города и администрации мечети, которую продолжал возглавлять имам-хатыб Халиль-хазрат Насретдинов¹. В послевоенные годы приступил к работе в Москве земляк и в дальнейшем близкий соратник Ахметзяна хазрата Мустафина, выпускник бухарского

¹ Ислам минбаре. 1991. № 9. С. 5.

медресе Риза хазрат Басыров (1907–1994). Благодаря своим знаниям и, главное, глубокой верности своему духовному призванию Риза хазрат стал важным связующим звеном между руководством мечети и ее прихожанами.

При этом нельзя говорить об однородности отношения мусульман к советскому правительству. Сложные и далеко неоднозначные процессы, происходившие в эти годы в духовной жизни и отражавшиеся на сознании московских мусульман, имели очень широкую амплитуду: от осторожно выжидательной и амбивалентной позиции по известному житейскому принципу: «поживем – увидим», к которой склонялась одна часть мусульманской интеллигенции, до настроений восторженной поддержки и показной лояльности, которую демонстрировали, например, «красные муллы» – передовой отряд революционного духовенства.

В своих проповедях «красные муллы» называли Пророка Мухаммада провозвестником социализма, призывая молодое поколение мусульман найти свое место не среди «отсталых» единоверцев, а в рядах активных сторонников новой жизни. Согласно их убеждениям, «революция была осуществлена по всем правилам, установленным Кораном и с соблюдением законов Мухаммада», из чего следовало, что враги Советской власти являются «противоборствующими богу и пророку» [12, с. 16].

С другой стороны, немало мусульман, по примеру одного образованного московского мусульманина-кабардинца, которого упоминает в своих путевых заметках Галимджан Баруди, могли бы про себя сказать: «По идейным и жизненным убеждениям я коммунист, по религии – мусульманин» [8, с. 70]. Эти слова как нельзя лучше характеризуют внутреннее самоощущение человека, стремящегося найти компромисс между верой и окружающей действительностью, которая заставляет его жить с оглядкой на доминирующую в обществе идеологию и новые порядки. Другой очевидец складывающихся в стране новых революционных порядков – Заки Валиди, известный политический деятель и ученый-тюрколог, писал об одном осевшем в Москве в начале 1920-х гг. богатом ташкентце: «Он был из тех членов коммунистической партии, которые не пропускали ни одного из пяти намазов» [13, с. 377].

Однако после периода относительной идиллии в отношениях между большевистским правительством и российским мусульманством началось время противостояния государства и ислама. Это было связано с изменением правительственного курса, когда в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) было объявлено о необходимости постепенного изживания религиозных предрассудков в сознании масс путем атеистического воспитания населения и распространения научных знаний. С этого момента активизировалась антирелигиозная кампания, направленная в том числе и против ислама. В 1924 г. начала свою деятельность так называемая «Лига воинствующих безбожников», которая повсеместно инициировала шутовские «суды над Богом»; в пионерских организациях проходили собрания учащихся с единственным

вопросом на повестке дня – о существовании Бога. В принятых единогласно резолюциях утверждалось, что Бога нет. На употребление слов «Бог», «Аллах» накладывалось административное наказание.

Лица духовного сословия и члены их семей ущемлялись в своих правах. В частности, детям духовенства запрещалось учиться в высших учебных заведениях Москвы. В этой связи в сентябре 1923 г. из Сельхозакадемии им. Тимирязева с соответствующей формулировкой был отчислен один из сыновей муфтия Ризы Фахретдинова – Сагит. Потребовалось вмешательство Председателя ВЦИК М.И. Калинина, после которого юноша был восстановлен в этом учебном заведении. В том же году в ноябре за антисоветскую деятельность был арестован уже снискавший известность в мусульманском мире ученый-теолог Муса Бигеев, которому инкриминировалась «тесная связь с контрреволюционными группировками». В его защиту и за освобождение выступила не только мусульманская общественность Москвы, но и финские татары, которые хорошо знали Бигиева по его проповеднической деятельности. Вынужден был вмешаться также турецкий представитель в Лиге Наций Исмет-паша (Исмет Иненю), в будущем – премьер-министр Турецкой Республики. Через три месяца Бигиев был освобожден из-под стражи, но по решению суда ему было предписано три года не покидать Москвы. Известно, что во время своей московской ссылки он жил на Большой Татарской улице в семье Хакимжановых [14, с. 89].

Жертвой антирелигиозных законов стал имам Абдрахман Алимов, который, несмотря на чинимые властью препятствия, продолжал изо дня в день проводить богослужения в мечети. Имам Алимов до конца сопротивлялся давлению ГПУ прекратить деятельность среди верующих и отречься от ислама. После одной из таких бесед на Лубянке, где находилась внутренняя тюрьма ГПУ, он, отдавший служению веры всю свою сознательную жизнь, не смог пережить очередного унижения. С ним случился острый сердечный приступ, и через 10 дней, в феврале 1928 г., его не стало. Его смерть совпала с развернувшейся в стране новой кампанией против распространения арабского языка и арабского письма, которые объявлялись орудиями мусульманской реакции, и последовавшей затем тотальной латинизацией письменности мусульманских народов. Перевод с арабской письменности на специально разработанный на основе латинской графики шрифт – яналиф – преследовал цель оторвать мусульман от своего традиционного богословского наследия, основанного на арабском языке. Для идеологов новой России эта акция была инструментом «борьбы с пантюркизмом».

В самом начале 1930-х гг., после того, как в Москве был взорван Храм Христа Спасителя, кампания против «носителей религиозных предрассудков» и в целом против религии еще более усилилась. Началось закрытие и мусульманских мечетей. В 1936 г. была закрыта Первая московская мечеть в Замоскворечье. Вторая мечеть получила новый городской статус – Московская Соборная мечеть и осталась сначала единственной в Москве, а затем, после того как

в Ленинграде в 1939 г. была закрыта Кафедральная мечеть – последним сохранившимся мусульманским храмом в Центрально-Европейской части СССР.

Перед началом Второй мировой войны, когда деятельность уфимского Духовного управления в результате сталинских чисток оказалась полностью парализованной, а значительная часть мусульманской элиты погибла в застенках НКВД и лагерях, единственным напоминанием об исламе для миллионов советских мусульман и зарубежных гостей оставалась Московская Соборная мечеть. Она, как и православный Елоховский собор, не тронутый «воинствующими безбожниками», нужна была Сталину из-за сугубо конъюнктурных политических соображений.

В соответствии с принятой в 1936 г. Конституцией СССР провозглашалось право граждан свободно исповедовать любую религию. Для советской пропаганды располагавшаяся в нескольких километрах от Кремля мечеть была большим козырем демонстрации торжества «подлинной» свободы совести в СССР. По воспоминаниям дипломатов, работавших в Москве в то время, даже в условиях тотальной антирелигиозной пропаганды живший в подвале мечети глава мусульманской общины столицы имам Халиль Насретдинов (1890–1964), человек большого личного мужества и стойкости, регулярно рассылал в посольства всех мусульманских стран приглашения на праздничные богослужения¹.

Продолжавшиеся в 1930-е гг. репрессии затронули практически всю духовную элиту московских мусульман – не только упоминавшихся Абдрахмана Алимова и Абдуллу Шамсутдинова, но и имамов квартальной мечети по Выползову переулку Абдульвадуда Фаттахетдинова и Абдуллу Сулеймани, судьба и жизнь которых также оказалась трагичной. Известно, что в 1927 г. имама А. Фаттахетдинова, жившего с семьей в доме, расположенном во дворе мечети, выслали из Москвы, а позднее репрессировали. Новый имам А. Сулеймани, вставший во главе мусульманской общины в 1929 г., уже в начале 1930-х гг. был арестован².

Среди руководства московских мечетей новой жертвой стал имам-хатыб Абдулла Шамсутдинов. В 1930 г. его арестовали по сфабрикованному обвинению за участие в контрреволюционной и националистической деятельности. Проведя в застенках НКВД и подвалах Лубянки несколько лет, в 1937 г. он был расстрелян на территории Донского монастыря, а тело его было похоронено в общей могиле; позднее, уже в 1950-е гг., его останки были перезахоронены на Даниловском кладбище³. Дочь имама Ильсия Шамсут-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 87. Л. 1.

² Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

³ В ноябре 1992 г. в увековечивание памяти Абдуллы Шамсутдинова муфтий Равиль Гайнутдин на Даниловском кладбище провел поминальную молитву – джаназа, на которую собрались несколько десятков верующих, включая дочь покойного имама и его близких родственников.

динова, рассказывая о тяжелой моральной обстановке, царившей в эти годы в жизни верующих, вспоминала, что каждый день, выходя из отцовского дома, расположенного во дворе мечети, в свой адрес слышала крики: «Мулла кызы, мулла кызы!» («Дочь муллы, дочь муллы!»), а затем после ареста отца: «Душман кызы!» («Дочь врага народа!»). Супруга имама ненадолго пережила мужа: вместе с другими верующими татарами-москвичами ее сослали в мордовский лагерь на станции Потьма, где она и скончалась¹. Сама мечеть, где Абдулла-хазрат около двух десятилетий нес службу, в 1937 г. была закрыта и отдана в распоряжение городских властей. Вплоть до начала 1990-х гг. там находился военкомат, потом отделение ДОСААФ и типография.

Под молох репрессивной машины попали не только представители мусульманского духовенства, но и другие представители мусульманской интеллигенции столицы. Был репрессирован Турекул Айтматов (1903–1937) – отец известного писателя Чингиза Айтматова. По воспоминаниям матери писателя Наимы Хамзаевны, на руках которой осталось четверо детей, семье удалось избежать расправы только потому, что ее муж, предчувствуя близкую развязку, незадолго до ареста успел отправить семью домой в Киргизию².

Та же судьба постигла многих других представителей национальных элит, включая советских дипломатов Карима Хакимова и Назира Тюрякулова, выпускника юридического факультета МГУ, видного общественного и государственного деятеля Алибека Тахо-Годи, а также Турара Рыскулова, председателя Мусульманского бюро Туркестана и затем полпреда Коминтерна в Монголии³.

В контексте стремительно происходивших изменений в жизни мусульманской общины Москвы немаловажным вопросом является проблема сохранения религиозности среди народных слоев столичной уммы.

Советская власть предприняла немалые усилия для ликвидации религиозности среди мусульманского населения. Интересно, что при этом советское правительство внешне демонстрировало свою симпатию к проведению различных мероприятий национального характера. Так, в 1927 г. в Москве и губернии профсоюзами было организовано и проведено 11 «советских сабантуев».

Этот праздник носил массовый и одновременно консолидирующий татарское население характер. Поэтому на первый взгляд советское руководство не должно было быть заинтересовано в их проведении. Однако, судя по всему, сабантуй рассматривался как меньшее зло по сравнению с более

¹ Большой город. 2012. № 14 (303) [Bol'shoi gorod. 2012; 14 (303) (in Russian)].

² Из личной беседы с писателем Чингизом Айтматовым 5.12. 2000 г.

³ Именно по его инициативе столица Монголии получила название Улан-Батор (Красный богатырь). На Покровском бульваре, 14, в доме, в котором он жил в 1931–1934 гг., установлена мемориальная доска.

значимым праздником – Ураза-Байрамом. Поэтому профсоюзы инициировали проведение сабантуев, чтобы при скоплении большого числа мусульман вести массированную антирелигиозную пропаганду с целью переключить внимание мусульман от праздника Ураза-байрам и провести альтернативный праздник [7, с. 85].

До середины 30-х гг. Москва и Московская область составляли административное целое, и поэтому на проводившиеся в Нескучном саду городские сабантуи собирались не только москвичи, но и жители близлежащих Люберец, Химок, Кунцева, Щелкова, Подольска и Мытищ, а также более отдаленных Богородска (ныне Ногинск), Орехово-Зуева, Коломны, Серпухова, Наро-Фоминска, Клина и Можайска.

В 1930-е гг. борьба с исламом стала вестись более откровенными способами. В 1937 г. специальным постановлением все национальные общества были признаны вредительскими, после чего большинство национальных учреждений культуры, библиотек, клубов и школ было закрыто¹. В них разместились светские организации конторского типа, производственные предприятия, склады, гаражи, кинотеатры и физкультурные залы и даже общественные туалеты [15, с. 68]. Единственный существовавший в это время журнал «Ислам маджаллясе» («Исламский журнал»), издававшийся с 1923 г. и освещавший жизнь советских мусульман, постигла та же участь.

Все идеологические кампании того времени, направленные на унификацию национальных культур на основе новых социалистических ценностей и формирование нового советского человека, безусловно, не могли пройти бесследно. Вспоминая о своем детстве, внучка основателя Московской Соборной мечети Салиха Ерзина Рауза Кострова (1911–2012) отмечала, что уже в 1920-е гг. практически все ее сверстники были двуязычными: «учились в русских школах, дома говорили по-татарски, на улице и в школе по-русски», многие из них посещали религиозную школу при мечети и в то же время не забывали приобщаться к модным в то время у молодежи увлечениям – танцевать фокстрот и танго [16].

В эти годы на стройки пятилетки в Москву стала съезжаться трудящаяся молодежь. Для этого поколения строителей новой жизни была характерна привитая духом сталинской эпохи социальная мимикрия. Многие из них, испытывавшие каждый день прессинг советского образа жизни и социалистической пропаганды, стремились лишней раз не демонстрировать свои религиозные чувства, чтобы не казаться отсталыми и политически неграмотными. По воспоминаниям очевидцев, татары из Большой Сухаревки в районе Сретенки по большим советским праздникам, например, принимали участие в украшении фасадов домов, в подвальных помещениях которых сами

¹ ЦМММ. Ф. 528. Оп. 7. Д. 20. Л. 1.

жили, символами социалистического строя и воззваниями типа «Владыкой мира станет труд!» или «Отдайся революции, как это сделал товарищ Ленин!»¹. Тем не менее, в условиях, когда огромная пропагандистская государственная машина работала на советизацию и борьбу с религией, вера в сознании людей продолжала занимать важное место.

В три московские татарские школы (находившиеся по следующим адресам: Малый Татарский пер., 8; Садово-Спасская, д. 6; Арбат, д. 35) большинство детей приходили с религиозными убеждениями, с которыми педагоги вели борьбу. Архивные данные красноречиво свидетельствуют об этом: в 1931 г. в дни крупных религиозных праздников 56% детей не посещали школу, а в 1932 г. – 68%².

Журнал «Безбожник» от 10 марта 1934 г., приводя примеры по фабрично-заводским и средним учебным заведениям Москвы, рапортовал о проделанной антирелигиозной работе, косвенно признавая ее безуспешность: «В школе аффинажного завода во время уразы постилось 13 ребят. После беседы, проведенной безбожниками, осталось поститься сначала трое, а потом один. В 17-й школе Замоскворецкого района постилось 20 школьников» [17, с. 36–37]. В этой школе всего было свыше 400 учеников. Снижение подобных показателей вовсе не означало отказа многих из них от религии, верующие дети просто научились скрывать свою религиозность. Несмотря на все усилия школы по борьбе с исламом, вера у многих татарских школьников благодаря семейному воспитанию держалась крепко.

Выводы. Оценивая межвоенный период жизни мусульманского и прежде всего татарского населения столицы, которое вплоть до середины 1950-х гг. оставалось самой эндогамной этнической группой в Москве, следует отметить не только сохранение национальных и религиозных традиций в их среде, но и формирование в условиях интенсивной урбанизации новой русскоязычной мусульманской (прежде всего татарской) интеллигенции. Этому во многом способствовали рост межэтнических контактов, усвоение русского языка как средства межнационального общения, унификация быта, а также полная включенность в реалии социалистической действительности, что объективно выводило московских мусульман из состояния этнической замкнутости. Этот процесс в дальнейшем пошел с удвоенной силой. В результате именно первые десятилетия Советской власти дали толчок формированию национальных научных кадров и научной интеллигенции в стране в целом. Однако нельзя не отметить, что не прекращавшиеся идеологические кампании того времени против «национализма», «пантюркизма», «панисламизма», «султан-

¹ Личная беседа с Шавкатом Расулевым, внуком уфимского муфтия Габдрахмана Расулева. 1.11.2012.

² ЦМММ. Ф. 528. Оп. 7. Д. 20.

галиевщины», направленные на унификацию национальных культур, нанесли заметный ущерб процессу формирования национальной мусульманской интеллигенции в России.

© Асадуллин Ф.А., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Архивы и общество. Режим доступа: <http://archivesjournal.ru>.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 87.
Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I.
Статистический ежегодник Москвы и Московской губернии. М., 1927.
Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 528. Оп. 7. Д. 20.
ЦМАМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 35.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Розенберг Л.И.* Татары в Москве XVII – середины XIX веков // Этнические группы в городах Европейской части СССР. М., 1987.
- [2] *Садур В.Г.* Татарское население Москвы (1860–1905) // Этнические группы в городах Европейской части СССР. М., 1987.
- [3] *Хайретдинов Д.З.* Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Нижний Новгород, 2002.
- [4] Мусульмане изменяющейся России. М.: РОССПЭН, 2002. 336 с.
- [5] *Гаврилов Ю.А. Шевченко А.Г.* Ислам и православно-мусульманские отношения в России в зеркале истории и социологии. М.: Культурная революция, 2010.
- [6] *Шаццлло М.К.* Мусульмане-предприниматели Москвы и Петербурга // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2010. С. 292–303.
- [7] *Гончарова Н.С.* Татары в Москве. Опыт историко-статистического исследования. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- [8] *Баруди Г.* Памятная книжка (Хатер дафтаре). Казань: Иман, 2000.
- [9] Кто есть кто в татарской общине Москвы / Подготовил Ф. Азизов. М.: Арбат, 2001.
- [10] *Галимов А.* Двойной рывок // Татарский мир. 2008, № 6 (6293).
- [11] *Бутаев Б., Морозов В.* Фатима Бутаева: у истоков создания лазера // Наука и жизнь, 2007. № 12. С. 8–15.
- [12] *Аширов Н.* Эволюция ислама в СССР. М., 1973.
- [13] *Тоган З.В.* Воспоминания. М., 1997.
- [14] *Аминов Д.А.* Татары в Ст. Петербурге. Исторический очерк. СПб., 1994.
- [15] Москва на рубеже XX–XXI вв. М., 2003.
- [16] *Опарин Д.* Рауза Кострова // Большой город. № 14 (280). 9 августа 2011 г.
- [17] *Климович Л.* Праздники и посты ислама. М., 1941.

THE MUSLIM COMMUNITY OF MOSCOW IN 1917–1930-IES

Farid A. Asadullin¹

The Council of Muftis of Russia
7 Vypolzov lane, Moscow, Russia, 129090

The article deals with the relationship between the Bolshevik government and the Muslim ummah of the Soviet Russia in the first decades of the Bolshevik period through the example of the Muslim community of Moscow. Besides, there is considered the issue of the level of religiosity among the Muslim population of Moscow in connection with the anti-religious campaigns and the implementation of the program “atheistic five-year plan” in 1932–1937.

The author emphasizes two steps in the relations of the state and Islam. The first period, 1917 – the early 1920s, was characterized by the intensification of the spiritual life of the Muslim community and its willingness of cooperation with the Bolshevik government. It was the reaction to the implementation of the Bolshevik slogan of the right of religious freedom.

The second period, the early 1920s – 1930s, was associated with conducting anti-religious campaigns, including the ones against Islam. Most mosques were closed. These events were based on the new socialist values. In 1937 all national organizations were recognized wrecking, whereupon most national cultural institutions in Moscow were closed.

The author admits that under the influence of the daily socialist propaganda pressure, the Muslim population of Moscow hid their religious feelings. At the same time, the author points out that the belief in people’s minds still occupied an important place. This conclusion is based on the documents from the Central Municipal Archives of Moscow (TSMAM), as well as the statistics showing a high rate of Muslims in Moscow. The greatest attention of the Soviet Government during the period was paid to the atheistic education of children. In this regard the atheistic propaganda was a success, but it does not mean that many people abandoned their faith. Under the circumstances, people learned to hide their religion. Despite the efforts to fight against Islam in schools, the faith of many pupils of the capital, especially of the Tatar nationality, was strong thanks to family education.

Key words: Muslim Ummah, Tatars, Moscow, Islam, religion

REFERENCES

- [1] Rozenberg LI. *Tatary v Moskve XVII – serediny XIX vekov. Etnicheskie gruppy v gorodakh Evropeiskoi chasti SSSR*. Moscow; 1987 (in Russian).
- [2] Sadur VG. *Tatarskoe naselenie Moskvyy (1860–1905). Etnicheskie gruppy v gorodakh Evropeiskoi chaste SSSR*. Moscow, 1987 (in Russian).
- [3] Khairetdinov DZ. *Musul'manskaya obshchina Moskvyy v XIV – nachale XX veka*. Nizhnii Novgorod, 2002 (in Russian).
- [4] *Musul'mane izmenyayushcheysya Rossii*. Moscow: ROSSPEN, 2002 (in Russian).

¹ E-mail address: a.farid@inbox.ru (F.A. Asadullin).

- [5] Gavrilov YuA. Shevchenko AG. *Islam i pravoslavno-musul'manskie otnosheniya v Rossii v zerkale istorii i sotsiologii*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2010 (in Russian).
- [6] Shatsillo MK. *Musul'mane-predprinimateli Moskvyy i Peterburga. Chastnoe predprinimatel'stvo v dorevol'yutsionnoi Rossii: etnokonfessional'naya struktura i regional'noe razvitiye, XIX – nachalo XX v.* Moscow: ROSSPEN, 2010: 292–303 (in Russian).
- [7] Goncharova NS. *Tatary v Moskve. Opyt istoriko-statisticheskogo issledovaniya* [PhD thesis]. Moscow; 2003 (in Russian).
- [8] Barudi G. *Pamyatnaya knizhka (Khater daftare)*. Kazan': Iman, 2000 (in Russian).
- [9] Azizov F (Editor). *Kto est' kto v tatarskoi obshchine Moskvyy*. Moscow; 2001 (in Russian).
- [10] Galimov A. Dvoynoi ryvok. *Tatarskii mir*. 2008; 6 (6293). (in Russian).
- [11] Butaev B, Morozov V. Fatima Butaeva: uistokovsozdaniyalazera. *Naukaizhizn'*. 2007; 12:8–15 (in Russian).
- [12] Ashirov N. *Evol'yutsiya islama v SSSR*. Moscow; 1973 (in Russian).
- [13] Togan ZV. *Vospominaniya*. Moscow; 1997 (in Russian).
- [14] Aminov DA. *Tatary v St. Peterburge. Istoricheskii ocherk*. St-Petersburg, 1994 (in Russian).
- [15] Kuz'min AV. (editor) *Moskva na rubezhe XX–XXI vv.* Moscow, 2003 (in Russian).
- [16] Oparin D. Rauza Kostrova. *Bol'shoi gorod*. 9 August 2011; 14 (280). (in Russian).
- [17] Klimovich L. *Prazdniki i posty islama*. Moscow, 1941 (in Russian).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-34-48

**ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
СУДЕБНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ»
(1870-Е ГГ.)**

Я.В. Таймасова¹

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается общественно-политическая программа газеты «Русские ведомости» по реформированию судебно-правовой системы и модернизации высшего образования. Газета, будучи органом либеральной печати, отстаивала необходимость формирования в России независимого суда. Особую значимость газета отводила созданию в России института присяжных заседателей и развитию адвокатуры. Газета отстаивала принципы автономии высших учебных заведений, защищала человеческое достоинство.

Ключевые слова: модернизация, пореформенная Россия, либерализм, судебная реформа, высшее образование в России, автономия университетов

Введение. Проблема модернизации и социальной реконструкции России занимает центральное место в отечественной публицистике середины XIX в. Не было ни одного журнала или газеты, которая бы не отозвалась на актуальные проблемы российской действительности, будь то вопросы последовательного проведения в жизнь либеральных реформ, помощи крестьянству в преодолении проблемы малоземелья, повышения грамотности населения. Публицисты «Вестника Европы», «Отечественных записок», «Московских ведомостей», «Земства» – все они не оставались в стороне от обсуждения важнейших вопросов русской жизни. Не была исключением и «профессорская газета» – «Русские ведомости», ставшая своеобразным экспертом во внутренней и внешней политике страны. Идейно-политическую программу газеты формулировали выдающиеся отечественные журналисты и ученые профессора-экономисты А.С. Посников, А.И. Чупров, В.М. Соболевский, Д.Н. Анучин и др.

¹ Адрес электронной почты E-mail: siriys80@mail.ru (Я.В. Таймасова).

Вместе с тем не теряет своей актуальности вопрос о модели преобразований, которые предлагали «профессора» газеты, ее места в либеральной мысли пореформенной России.

Отстаиваемая редакцией газеты модель преобразований России, в частности вопросы реформирования судебной системы и модернизации образования, между тем не были достаточно полно и всесторонне исследованы в историографии. В дореволюционной историографии отдельные аспекты общественно-политической программы издания рассматривались В.А. Розенбергом. Историка отечественной журналистики интересовали главным образом цензурные вопросы, проблемы роли прессы в развитии страны [1]. Отдельные аспекты программы реформирования России, предлагаемой «Русскими ведомостями», были рассмотрены в диссертации Н.Д. Середы [2]. Анализ «идейного вклада» редакторов А.И. Чупрова и А.С. Посникова осуществлен в трудах Н.Б. Хайловой [3; 4]. Между тем проблема анализа модели модернизации, предложенной газетой, до сих пор не исследована, хотя вопрос типологии отечественных форм либерализма до сих пор остается актуальным в отечественном научном дискурсе [5–10]. Общетеоретическое и методологическое значение для предложенного исследования имеют обобщающие труды по истории реформ в России [11; 12].

Обширный и неисчерпаемый пласт работ, необходимых для заявленного исследования, составляет труды по истории земств, одного из важнейших элементов модернизации системы самоуправления России [13–15] и истории русской тюрьмы [16]. К сожалению, в указанном корпусе исследований общественно-политическая деятельность газеты не нашла должного освещения, особенно вопросов реформирования судебной системы и образования. К массиву работ о газете примыкают исследования литературоведческого плана [17; 18], ценность которых для решения заявленной задачи весьма низка. Общественно-политическая программа газеты специально исследовалась в статье Е.А. Локшина [19]. Однако обозначенные проблемы, как и многие другие аспекты программы реформирования России, не нашли отражения в статье исследователя.

Анализ историографии проблемы показывает актуальность и необходимость анализа программных общественно-политических позиций газеты по реформированию судебно-правовой системы России и высшего образования.

Основным источником для решения заявленной проблемы являются редакционные статьи газеты, которые, как правило, шли без подписи. Однако доподлинно известно, что в эти годы (конец 1860-х – начало 1880-х гг.) редактором газеты, организатором ее деятельности являлся Н.С. Скворцов, «за спиной» которого стояли выдающиеся научные силы в лице известных экономистов – А.И. Чупрова и А.С. Постникова. Приметы времени емко переданы в публицистике А.Д. Градовского [20].

Исследование проблемы. Анализ общественно-политической программы по социальному переустройству России, предложенный публицистами

газеты «Русские ведомости», предполагает необходимость рассмотрения прежде всего правовых вопросов. Вопросы законности, отстаивание прав личности всегда занимали в либеральной доктрине первенствующее место. В этой связи вполне объяснимо стремление публицистов газеты к освещению вопросов, связанных с реализацией судебной реформы и реформированием системы наказания.

Как известно, судебная реформа 1864 г. явилась одной из самых либеральных и последовательных, а ее реализация и возникающие при этом проблемы приковывали внимание общества. Поэтому ход реформы оказался в центре внимания газеты. В первую очередь ее интересовало утверждение нового для России института присяжных заседателей, вопросы независимости суда, развития адвокатуры. Обращаясь к первому из вышеназванных аспектов, отметим, что газета решительно отстаивала передовые европейские формы судостроительства. В заметке от 1 февраля 1875 г. газета заявила свою позицию о необходимости защиты суда присяжных. Так, газета «Московские ведомости» (№ 16 от 1875 г.) выступила с поддержкой инициатив Министерства юстиции о замене суда присяжных на суд шеффенов. «Русские ведомости» провели серьезную экспертизу этому начинанию. По мнению газеты, эта инициатива более чем спорная, поскольку даже в Германии введение суда шеффенов вызвало недовольство. Газета проанализировала историю вопроса.

«Было время, когда суды шеффенов существовали повсеместно в Германии, и когда существование их имело вполне разумное основание. До вторжения в Германию римского права, давшего толчок законодательству и научной разработке права, единственным основанием к решению уголовных дел давало обычное право. Вследствие этого, хотя в уголовном суде вместе с народными представителями (шеффенами) и заседал коронный судья... Но он не совмещал в себе ни научного знакомства с юриспруденцией, ни знакомства с действующим правом; единственным носителем права был в то время народ, единственными знатоками обычаев – народные представители...»¹.

Со временем положение изменилось, а коронные суды и ученые законоведы «делаются единственными уголовными судьями», и народный обычай, да и сами представители – шеффены теряют свое значение². По мнению газеты, суд шеффенов была одной из форм народного суда, в котором народные представители являлись самостоятельными судьями.

Газета выразила несогласие с позицией «Московских ведомостей», которая доказывала, что «присяжные» лишь решают вопросы «факта» (т.е. только устанавливают факт виновности), а шеффены, напротив, решают как вопросы факта, так и права.

¹ Русские ведомости. № 26 от 1 февраля 1875 г.

² Русские ведомости. № 26 от 1 февраля 1875 г.

«Странно, что “Московским ведомостям” неизвестна давно доказанная истина, что присяжных невозможно считать только судьями факта», – отвечали «Русские ведомости»¹.

Отличительную черту шеффенов от присяжных газета видела «в форме организации суда». «Тогда как в суде присяжных народные представители действуют всегда самостоятельно, эти последние (шеффены. – Я.Т.) действуют постоянно при участии коронных судей... При суде присяжных Председатель суда может влиять на народных представителей, но там это делается во-первых, публично под контролем гласности, а во-вторых, председатель может иметь в виду, только *всю скамью присяжных, как нечто целое*, – отдельные же заседатели свободны от его влияния; при суде шеффенов, наоборот, влиянию *доступны индивидуальные личности*. Вот почему понятно, что побуждением к введению суда шеффенов может быть *только желание держать народных представителей за узду и суд этот не может быть назван в строгом смысле народным судом*» (курсив мой. – Я.Т.)².

Таким образом, газета твердо стояла на позициях отстаивания независимости суда присяжных, видя в этом источник полноценного правосудия. Суд чиновников, даже если бы он прикрывался народным элементом – шеффенами был неприемлем для либеральной газеты. Газета регулярно напоминала читателям о значении суда присяжных. «...Суд присяжных есть его (правосудия – Я.Т.) существеннейшая часть и необходимое условие его правильного отправления. В наше время если и могут возникать вопросы в умах людей, искренно стремящихся к прогрессу и чистосердечно преданных благу своей страны, то лишь вопрос о развитии суда присяжных и о правильной его организации, но никак о его уничтожении»³.

Отвечая сторонникам отмены суда присяжных, которых, по мнению газеты, много как в Германии, так и России, газета называла три условия, препятствующие развитию суда присяжных. К ним она относила «деспотическое правление в стране», «крайнюю дикость населения, делающую невозможность исполнения такой обязанности», «враждебное отношение между классами общества»⁴.

Газета твердо отстаивала принцип несменяемости судей. «Влияние этого обстоятельства (отсутствие суда присяжных. – Я.Т.) еще усугубляется тем, что Положение не признает и другого основного начала – несменяемости судей, которое есть необходимое условие их независимости»⁵.

Другим «наследием судебной реформы», ставшим предметом обсуждения газеты, стал вопрос об адвокатуре. Газета стояла на твердых позициях

¹ Русские ведомости. № 26 от 1 февраля 1875 г.

² Русские ведомости. № 26 от 1 февраля 1875 г.

³ Русские ведомости. № 26 от 1 февраля 1875 г.

⁴ Русские ведомости. № 26 от 1 февраля 1875 г.

⁵ Русские ведомости. № 26 от 1 февраля 1875 г.

защиты адвокатуры. Судебные Уставы, несмотря на их поистине эпохальное значение для российского правосудия, тем не менее, не всегда были последовательны. Согласно Уставу гражданского судопроизводства вводился особый институт помощников присяжных поверенных, которые по истечении пяти лет стажировки у адвоката могли стать адвокатами¹. Однако сфера полномочий и помощников не была проработана и осталась неопределенной. На это обстоятельство и обратила внимание газета.

«Мы не раз указывали на ненормальность существующую в Положении помощников присяжных поверенных. Являясь, с одной стороны, кандидатами на звание этих последних, а с другой – действуя на практике в качестве самостоятельных адвокатов этот класс лиц, более многочисленный, нежели класс присяжных поверенных нуждается в легальном выяснении своего положения. Но к несчастью, законодательство слишком мало занимается его нуждами. Судебные Уставы упоминают о нем как-бы вскользь... Затем, в течение целых десяти лет законодательство о помощниках совершенно умалчивает»².

Газета призывала признать факт, что часто помощники исполняют роль адвокатов. «Действительность, впрочем, разрешила это вопрос в том смысле, что помощники присяжных поверенных всегда являлись в качестве самостоятельных адвокатов, и такое толкование признано было, надо полагать, совершенно верным»³.

Естественно, вставал вопрос об управлении помощниками присяжных поверенных. На предложение подчинить помощников Совету присяжных поверенных газета предложила подчинить помощников специально созданному органу. «Правильнее было бы поручить надзор за помощниками не совету, который и без того имеет немало работы, а специальному органу из среды присяжных, который выработал бы для надзора за помощниками особые правила и следил бы за ними при участии патронов» (т.е. наставников из присяжных поверенных. – *Я.Т.*)⁴.

По мнению газеты, качество адвокатов в России чрезвычайно низкое. Адвокатский корпус составляют зачастую случайные люди, чиновники, лица, выгнанные из службы «за разные проделки». Для них узнать судебные формальности не трудно, тем более, что доверчивых людей больше чем осмотрительных. Издание отмечает, что государство пытается решить проблему, издав 23 мая 1874 г. правила о лицах, имеющих право быть поверенными в судебных делах, но кардинально проблему они не решили. «Новые правила не привлекли новых лиц на арену адвокатской деятельности и окружные суды принуждены были наградить свидетельствами “частных поверенных” тех же самых лиц, которые действовали в данной местности в качестве частных ходатаев»⁵.

¹ Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. I. СПб., 1867. Ст. 245.

² Русские Ведомости № 175 от 15 августа 1875.

³ Русские Ведомости № 175 от 15 августа 1875.

⁴ Русские Ведомости № 175 от 15 августа 1875.

⁵ Русские Ведомости № 171 от 8 августа 1875 г.

Как же решить кадровую проблему нехватки адвокатов? Издание рекомендует расширять сферу юридического образования. «Помочь этому горю может лишь привлечение в провинции лиц с высшим юридическим образованием»¹.

В начале 1880-х гг. газета подвела предварительные итоги осуществления судебной реформы. По убеждению редакции, судебная реформа поступательно развивалась, а действия судебных уставов распространялись на новые территории. Анализ оценок судебной реформы, произведенный газетой, показывает, что она всецело поддерживала судебную реформу. Любые попытки ревизии реформы газета отвергала. Именно этим обстоятельством была вызвана полемика с консервативными «Московскими ведомостями», призывавшими ввести народные суды. Однако газета «Русские ведомости» последовательно и принципиально стояла за идею развития адвокатуры и суда присяжных.

Особое место в проблеме реформирования правовой системы государства на страницах газеты занимала реформа системы наказания (тюремная реформа). Публицисты газеты справедливо отмечали, что «реформа эта давно уже ожидается; настоятельная необходимость ее не подлежит ни малейшему сомнению»².

Состояние системы заключения в России было плачевным. Можно сослаться на авторитетное исследование М.Н. Гернета. «Надо припомнить, что первое издание Устава о содержащихся под стражею было опубликовано за 40 лет перед тем, в 1832 году, и оно представляло набор выдержек из ранее изданных законов... Учреждение новых судебных установлений и издание Устава уголовного судопроизводства оказали большое влияние на изменения судебной репрессии и, в частности, на роль тюрьмы как карательной меры и как средства предупреждения способов уклонения от следствия и суда. При таких условиях неизбежно вставал вопрос о тюремной реформе» [16].

На чем строился проект реформирования тюремной системы? Согласно проекту в одних тюрьмах предполагалась одиночное заключение, в других – «ночное разобщение». Проектом предполагались и либеральные меры, такие, например, как запрет на ограничение пищи. Хотя проект был направлен «против денежных штрафов, против “выговоров и оскорбления самолюбия”, но это не помешало разработчикам оставить телесные наказания для осужденных к каторге, а для всех арестантов – карцер на том основании, что “на опыте доказано”, что карцер внушает арестантам ужас несравненно выше всех других наказаний!... Мы не удивляемся тому, что внушавшие арестантам ужас карцеры были сохранены либеральными авторами проекта» [16].

М. Гернет отмечает, что «дальше слов о вреде ограничения пищи, о тягости лишения права свидания и т.п. дело не пошло» [16]. Для комиссии не были

¹ Русские Ведомости № 171 от 8 августа 1875 г.

² Русские Ведомости № 171 от 8 августа 1875 г.

ясны цели реформирования, Проект формулировались весьма туманно. Проект положения о местах заключения гражданского ведомства, разработанный комиссией под председательством графа Соллогуба, был 19 мая 1873 г. по повелению Александра II передан на рассмотрение особого комитета для окончательного обсуждения тюремного преобразования под председательством графа Зубова. Сразу же выявилась финансовая проблема нехватки средств для проведения реформы [16].

Основным направлением в реформировании системы наказания газета связывала не с карательной, а перевоспитывающей функцией тюремного наказания. «Русские ведомости» отстаивали идею создания системы реабилитации осужденных, вышедших из заключения. С этой целью газета предлагала создать специальные Общества. Публицисты «Русских ведомостей» были убеждены, что в реформировании системы наказания должны активно участвовать общественные силы.

Важным инструментом преобразования российского общества для либералов «профессорской газеты» явилось образование. Вопросы образования находились всегда в центре внимания газеты, потому что образование и основанная на нем свободная мысль рассматривалась либералами как базовая ценность. В центре внимания газеты находились три сферы образования: профессиональное, начальная школа и высшее университетское образование. Но именно университетское образование, защита либерального Устава 1863 г. оказалась в центре деятельности газеты. Университеты являлись средоточием распространения либеральных и радикально-социалистических идей не только среди студентов. В Университетах сформировался довольно влиятельный корпус либеральной профессуры. Вполне закономерно, что вопрос о содержании реформы занял центральное место в публицистической деятельности газеты.

В начале 1868 г. «Русские ведомости» в редакционной статье неожиданно сообщили, что «внутренняя жизнь Университета (Московского университета. – *Я.Т.*)... вообще мало соприкасается с гласностью»¹. «Русские ведомости» намекали о ходивших слухах о «выходе в отставку шести профессоров». Причем газета констатировала, что «причины, побудившие их к этому, остались тайной»². Кроме того, газета сообщила, что известие об отставке профессора Б.Н. Чичерина побудило М.П. Погодина обнародовать два письма, адресованные как ректору, так и профессорам. «Почтенный историк берет в них (письмах. – *Я.Т.*) на себя роль примирителя»³.

Газета стала трибуной общественной полемики о свободе мнений. Так, профессор Ф. Дмитриев укорял М. Погодина в том, что тот публикует письма, одновременно заявляя, что не знает существа дела: «Вы уверены, что при-

¹ Русские Ведомости № 5 от 26 января 1875 г.

² Русские Ведомости № 5 от 26 января 1875 г.

³ Русские Ведомости № 5 от 26 января 1875 г.

чиною нашей отставки было неодобрение наших действий начальством... Неодобрение естественно вытекает из различного взгляда на вещи...» [21]. Развивая мысль о свободе мнения, т.е. базовых демократических свободах, которые должны существовать в обществе, Ф. Дмитриев подчеркивал: «У нас оспаривалось право делать предложения и право протеста в тех размерах, в коих они признаются законом, и общим, и частным, университетским» [21].

По мнению Ф. Дмитриева, без «свободного голоса всех и каждого» самоуправление невозможно. Конфликт в университете, по мнению Ф. Дмитриева, состоял в том, что «устранялся не только протест против неправильных действий, устранялась самая возможность протеста» [21].

На страницах газеты было опубликовано обращение Б.Н. Чичерина к своим слушателям. Через несколько дней газета опубликовала пространный репортаж о прощальном обеде, где еще раз было подчеркнута причина отставки Б.Н. Чичерина. «На Совете было нарушено право свободного голоса, незаконно устранялись предложения и протесты членов» [22].

Показателен еще один важный факт: репортаж о прощальном обеде в честь Б.Н. Чичерина был подготовлен «Студентом», будущим редактором «Русских ведомостей», студентом третьего курса В.М. Соболевским, «принявшим активное участие в газетной кампании 1868 года». «В сотрудничестве с товарищами-студентами, устроителями публичного чествования Чичерина, он составил описание этого “прощального обеда”, принеся его Скворцову» [1, с. 50]. В. Розенберг справедливо отметил, что «моральный успех в этой первой по времени кампании “Русских ведомостей” был весьма значителен» [1, с. 49].

На основании анализа публицистики газеты можно смело утверждать, что «Русские ведомости» стали трибуной отечественного либерализма: газета в лице профессоров Московского университета отстаивала не только автономию университета, но и принципы права, законности. Немаловажным фактором и был нравственный – газета защищала человеческое достоинство как профессоров, так и студенчества. Из будущих редакторов газеты активно в защите университетского устава принимали участие В.М. Соболевский.

Рассматривая проблемы высшего образования, газета не могла не обращаться к проблемам современной молодежи, и прежде всего студенчества. В начале апреля в 1878 г. в Москву были доставлены несколько карет заключенных киевских студентов. Во время их следования раздались крики сочувствия студентов, что спровоцировало массовые погромы со стороны московских обывателей. Газета так оценивает московские события.

«Это был какой-то разгром, производимый озверевшей чернью над всем, что попадало под руку... Полный разгул яростного бешенства, которому предалась толпа. Но что привело в такую ярость этого легко натравливаемого зверя? Говорят, что раздражили его крики сочувствия, вырвавшиеся из рядов молодежи...»¹.

¹ Русские ведомости № 87 от 5 апреля 1878 г.

Какова же позиция газеты? Она двойственная. С одной стороны, газета осуждает бесчинства толпы и бездействие полиции: «Но где же была власть, где были органы, обязанные блюсти благочиние в нашей столице и оберегать безопасность ее мирных обывателей?»¹

С другой стороны, публицисты либеральной газеты осуждают и «манифестирующую молодежь», мотивы которой полиция должна была хорошо знать. «Молодежь собиралась на вокзале Курской дороги еще задолго до прихода поезда, не трудно было бы разгадать ее цели и предупредить те симпатии, которые она намеревалась высказать...»².

Словом, газета стоит на позициях строгого соблюдения закона, но при этом симпатии газеты все-же на стороне студенчества. «Русские ведомости» осуждают позицию М.Н. Каткова, поддержавшего погром студентов. «К стыду, к позору печатного слова, нашлись газеты, готовые рукоплескать этому постыднейшему из зрелищ, которыми когда-либо осквернялись улицы нашей столицы. Московские ведомости приветствуют эту “расправу” так называемого ими “народа”, который громадной массой окружил университет, держал его как-бы в “осаде”, и даже имя “Белого царя” включает он в их реляцию о подвигах московских мясников, потешавшихся над гражданами столицы»³.

В другой заметке, вышедшей за подписью «Скромный наблюдатель», газета вновь подвергла критике «Московские ведомости». «Великим стратегам Страстного бульвара необходимо во что бы то ни стало доказать, что с выходом в отставку гр. Толстого и кн. Мещерского наши гимназии и университеты обратились в мерзость запустения и сделались ареной для всевозможных беспорядков. За все многочисленные студенческие истории, бывшие во времена графа Толстого, обвинялась исключительно молодежь, начальство же выставилось рыцарями без страха и упрека»⁴.

Очевидно, что газета стояла на стороне студенчества, а в «московских мясниках» видела реакционную националистическую силу. В студенчестве, которое рассматривалось консервативными органами печати как революционная, антигосударственная сила, «Русские ведомости» видели залог дальнейшего процветания страны. Газета фиксировала появление нового явления в социальной жизни страны – студенческой корпорации. По инициативе министерской коллегии было разрешено даровать студентам право иметь свои кассы, депутатии для сношений с университетским начальством.

По мнению редакторов газеты, положительный опыт корпоративной жизни российское студенчество уже имело в 1850–1860-е гг. Тогда уровень образования был высок, а в самом московском университете уже сложилась

¹ Русские ведомости № 87 от 5 апреля 1878 г.

² Русские ведомости № 87 от 5 апреля 1878 г.

³ Русские ведомости № 87 от 5 апреля 1878 г.

⁴ Скромный Наблюдатель. Наблюдения и заметки // Русские ведомости № 11 от 11 января 1881 г.

студенческая корпорация. Общественные волнения среди студентов происходили, но их не было там, где существовала студенческая корпорация.

«Брожение, существовавшее среди молодежи, совершалось вне этих, чисто университетских учреждений, и ни одного из них не коснулось. Напротив, оно именно усилилось со временем закрытия этих корпораций в 1865–1866 гг.»¹.

Газета осуждала проявления крайностей, осуждала терроризм. Можно согласиться с мнением А.Е. Локшина: «Весьма сложной представляется отношение либеральной газеты к террористической деятельности, к которой перешла в конце 1870-х гг. только что созданная партия “Народная воля”. Впервые “Русские ведомости” откликнулись на действия революционеров передовой статьей в апреле 1879 года после выстрела А.К. Соловьева в Александра II» [19, с. 71].

А.Е. Локшин справедливо отметил, что газета не вдавалась в причины терроризма и не предлагала никаких мер в борьбе с ним, а лишь называла исполнителей таких поступков «людьми с помутнившимся рассудком» [Там же].

На наш взгляд, такая оценка была в духе газеты, если учесть, что принцип законности в общественной жизни для нее был всегда приоритетом.

Наряду с оценками студенчества газета не могла пройти мимо вопроса о роли российской интеллигенции.

Вопрос о роли интеллигенции, взаимоотношении ее с народом был одним из стержневых вопросов пореформенной мысли России. Анализируя проблему взаимоотношений «народа – интеллигенции», думается, разумно определить, насколько она соответствовала взглядам современников. Консервативные публицисты, такие как М.Н. Катков, критически относились к интеллигенции за ее нигилизм, отрыв от народа. «Но нельзя сказать, чтоб интеллигенция, носящаяся над Россией и имеющая свое средоточие в Петербурге, откуда она и распространяет повсюду свое действие, нельзя сказать, чтоб эта интеллигенция была русским народным разумом, чтоб она была органом русского патриотического духа, чтоб она в своих мнениях и действиях управлялась русскими историческими началами...» [23]. Катков пишет о «зле и пагубе этой беспочвенной и пустой интеллигенции». Для лидера отечественных консерваторов интеллигенция – носительница «чужих идей», союзница антирусских элементов, обманывающих народ [23]. Таким образом, Катков противопоставлял интеллигенцию народу как антинациональной силы.

Для народников-революционеров вопрос стоял в иной плоскости. Так, кумир народничества Н.К. Михайловский полагал, что между народом и интеллигенцией стоит глубокая пропасть, вызванная культурной отсталостью страны. Бескультурье и непросвещенность не позволяет передовой интеллигенции вести за собой народ. Условиями своего быта он превращается в толпу, которой легко манипулировать.

¹ Скромный Наблюдатель. Наблюдения и заметки // Русские ведомости № 11 от 11 января 1881 г.

Очевидно, что часть демократической интеллигенции не верила в созидательные силы народа. В этих условиях позиция либеральной газеты очевидна – она полагала, что непреодолимого различия между народом и интеллигенцией нет, а вовлечение его в общественное строительство может оказаться позитивным фактором.

Как же оценить позицию газеты по вопросу о взаимоотношениях интеллигенции и народа? Есть все основания полагать, что «Русские ведомости» размышляли об этих вопросах в мейнстриме либеральной мысли. Схожим образом о культуротворческой и созидательной роли интеллигенции размышлял К.Д. Кавелин, который в отсталости народа видел тормоз социального прогресса России. Исследователь наследия К.Д. Кавелина Р.А. Арсланов отмечает: «Отсутствие же общей культуры и культуры труда, “бытовую неустроенность” и “невозможные нравы” Кавелин объяснял тем, что русский народ “все свои несомненные способности всецело и исключительно посвятил на политическое творчество и создание русского государства и этому делу принес все остальное”». Тем самым Кавелин подводил к мысли об историческом долге государства перед народом, созвучной по своему содержанию знаменитой и получившей широкое распространение идее теоретика народничества П.Л. Лаврова о долге интеллигенции...» [9, с. 338].

Схожим образом размышлял и публицист «Вестника Европы» А.Д. Градовский, который увидел реальную сферу применения интеллигентского труда – удовлетворение местных нужд и местного самоуправления. А.Д. Градовский отмечал: «“Интеллигенция” могла дать силу и значение местным установлениям, сделать из них основу для дальнейших реформ, под одним условием: сойтись с народом, сделаться его естественным, законным и доверенным представителем. Но для этого ей следовало быть на местах, крепко сидеть на этой земле...» [20, с. 245].

Как видно, взгляды публицистов «Русских ведомостей» сходились с либералами «Вестника Европы», с идеями наиболее крупной и авторитетной фигуры отечественного либерализма К.Д. Кавелина о возможности творческого взаимодействия интеллигенции и народа. В определенной степени это коррелировалось с народнической концепцией интеллигенции.

Анализ взглядов публицистов «Русских ведомостей» по проблемам высшего образования позволяет заключить, что лейтмотивом идейно-политической деятельности в конце 1860-х гг. стала борьба газеты за отстаивание университетского Устава 1863 г., который подвергся ревизии со стороны власти и проявлялся в ущемлении прав университетского Совета в зажиме прав профессоров свободно обсуждать внутренние вопросы университетской жизни. Газета фактически становится общественной площадкой для дискуссии о свободе мнений в университете, отстаивает принципы законности.

Сотрудники газеты в лице В.М. Соболевского активно защищали нравственную позицию Б.Н. Чичерина. Благодаря газете Устав 1863 г. удалось отстоять.

Среди важных аспектов деятельности газеты в 1870-е гг. становится защита интеллигенции. Подобно либералам «Вестника Европы», К.Д. Кавелину, публицисты либерального издания верили в творческий, плодотворный союз интеллигенции и народа на благо страны.

Выводы. Анализ состояния судебно-правовой и тюремной системы России, произведенный газетой «Русские ведомости», позволяет заключить, что газета последовательно отстаивала принципы судебных уставов 1864 г. на протяжении 1870-х гг. и констатировала очевидный успех судебной реформы.

Полноценным условием развития суда, по мнению сотрудников газеты, является институт присяжных. Газета решительно выступила против т.н. народного суда «шеффенов», который предлагали «Московские ведомости». Важным условием успешности судебной реформы, по мнению газеты, является закрепление в судебном уставе положения о несменяемости судей, утверждению принципов правового государства в России, по мнению газеты, должна способствовать тюремная реформа. Газета констатировала бедственное положение заключенных в тюрьмах, необходимость реформирования системы наказания. Надежды по реформированию системы наказаний газета связывала с деятельностью Комиссии под руководством графа Соллогуба, однако вскоре констатировала, что дальше разговоров и общих рассуждений дело не пошло. Тем не менее, газета активно участвовала в обсуждении положений о реформе системы наказания. Основным направлением в реформировании системы наказания газета видела в том, чтобы тюрьма не только наказывала преступников, но и создавала условия для их перевоспитания.

Последовательное проведение в жизнь либеральных реформ, как в направлении совершенствования судебной системы, так и развития и демократизации образования, должно было способствовать модернизации России.

© Таймасова Я.В., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Русские ведомости. № 22. 8 января 1868 г.

Русские Ведомости № 5 от 26 января 1875 г.

Русские ведомости. № 26 от 1 февраля 1875 г.

Русские Ведомости № 171 от 8 августа 1875 г.

Русские Ведомости № 175 от 15 августа 1875 г.

Русские ведомости № 87 от 5 апреля 1878 г.

Русские ведомости № 11 от 11 января 1881 г.

Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. I. СПб., 1867. Ст. 245.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Розенберг В.* Из истории русской печати. Прага, 1924.
- [2] *Середын Н.Д.* Газета «Русские Ведомости» в 1860-е – 1870-е гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2001.
- [3] *Хайлова Н.Б.* Русский экономист А.С. Посников: мыслитель и борец // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. Сб. статей к 60-летию проф. В.В. Шелохаева. М., 2001.
- [4] *Хайлова Н.Б.* Александр Чупров // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010.
- [5] *Китаев В.А.* Сколько лиц у русского либерализма // Освободительное движение в России. Саратов: СГУ, 2007. Вып. 22. С. 180–192.
- [6] *Шелохаев В.В.* На разные темы. М.: РОССПЭН, 2016. 710 с.
- [7] *Шелохаев В.В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей исторической литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–17.
- [8] *Шнейдер К.И.* Генезис русского либерализма: постановка проблемы // Власть. 2009. Вып. № 6. С. 125–127.
- [9] *Арсланов Р.А.* К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М.: РУДН, 2000. 376 с.
- [10] *Арсланов Р.А., Блохин В.В.* Интеллигенция в воззрениях российских либералов и реформаторов-демократов конца XIX – начала XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 2. С. 22–37.
- [11] *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011.
- [12] Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. Вторая половина XIX – начало XX в. / Подготовили: В.В. Шелохаев, В.А. Демин, К.А. Соловьев, И.А. Христофоров. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 3.
- [13] *Жукова Л.А.* Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество. М.: Хронограф, 1998.
- [14] *Зак С.С.* Демократизация земства. М., 1906.
- [15] *Петровичева Е.М.* Роль земств центральной России в развитии народного просвещения в начале XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокенетика. 2011. Т. 17. № 2. С. 213–219.
- [16] *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1951. Том 3.
- [17] *Богданова Е.М.* Газета «Русские ведомости»: издатели-редакторы и сотрудники // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунард. науч. конф. (СПб., февраль. 2012). СПб.: Реноме. 2012. С. 181–191.
- [18] *Богданова Е.М.* Художественно-публицистические выступления П.Д. Боборыкина в газете «Русские Ведомости» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2–4. С. 994–997.
- [19] *Локишин А.Е.* «Русские ведомости» и общественная борьба 1878–82 гг. // Вторая революционная ситуация в России. Отклики на страницах прессы. Сб. статей. М., 1981.
- [20] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). М., 2007.
- [21] *Дмитриев Ф.* К издателю газеты «Русский» // Русские ведомости. № 22. 26 января 1868 г.

- [22] Чичерин Б.Н. Прощальное письмо моим слушателям // Русские ведомости. № 26. 31 января 1868 г.
- [23] Катков М.Н. «Русский народ» и Петербургская интеллигенция (Ответ К.Д. Кавелину) // Московские ведомости. 1880, № 66. 7 марта.

ISSUES OF THE JUDICIAL AND EDUCATIONAL SYSTEMS MODERNISATION IN POST-REFORM RUSSIA IN “RUSSKIYE VEDOMOSTI” NEWSPAPER IN 1870s

Yanina V. Taimasova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

The activities of the liberal newspaper “Russkiye Vedomosti” were mainly focused on the struggle for social modernization of Russia and implementation of the liberal reforms of the 1860–1870s. The newspaper actively defended the liberal principles for the implementation of the judicial reform and the education system. The editorial staff members were well-known liberal scholars N.S. Skvortsov, A.I. Chuprov, A. Postnikov, and others.

N.S. Skvortsov’s “liberal team” believed that it was necessary to consistently implement the Judicial statutes of 1864 and develop the jury system. “Russkiye Vedomosti” was opposed to the idea of “people’s trial”, proposed by M.N. Katkov. The lack of lawyers hampered the development of the legal profession, so the newspaper made a project on the involvement of lawyers and their assistants. The newspaper consistently defended the principles of the Charter of 1863, it supported the autonomy of universities. “Russkiye Vedomosti” informed in detail its readers of the conflict of liberal professors Dmitriev and Chicherin with the leadership of the Moscow University.

The newspaper actively campaigned for the prison reform. The liberal paper’s staff believed that the main obstacle to the development of the judicial-legal system was the cultural backwardness of the country and the despotic form of government. The newspaper actively defended freedom of expression. Liberal commentators denounced revolutionary terror, because it violated the law and the right, but the political sympathies of the newspaper were on the side of the students.

Key words: modernization, post-reform Russia, liberalism, judicial reform, higher education in Russia, the autonomy of the universities

REFERENCES

- [1] Rozenberg V. *Iz istorii russkoy pechati*. Praga, 1924 (in Russian).
- [2] Sereda ND. *Gazeta “RusskieVedomosti” v 1860-e – 1870-e gg.* [PhD thesis abstract]. Moscow; 2001 (in Russian).
- [3] Khaylova NB. *Russkii economist A.S. Posnikov: myslitel’ i borec. Prizvanie istorika. Problemy duhovnoi i politicheskoy istorii Rossii. Sbornik statei k 60-tiletiyu professor V.V. Shelohaeva*. Moscow; 2001 (in Russian).

- [4] Khailova NB. AleksandrChuprov. *Rossii liberalism serediny XVIII – nachala XX veka: enciklopediya*. Moscow; 2010 (in Russian).
- [5] Kitaev VA. Skol'ko lic u russkogo liberalizma. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii*. Saratov: SGU, 2007; 22:180–192 (in Russian).
- [6] Shelohaev VV. Na raznye temy. Moscow: ROSSPJeN, 2016 (in Russian).
- [7] Shelohaev VV. Diskussionnye problemy storii russkogo liberalizma v noveyshey istoricheskoy literature. *Voprosy istorii*. 2007; 5:3–17 (in Russian).
- [8] Shneyder KI. Genesis russkogo liberalizma: postanovka problem. *Vlast'*. 2009; 6:125–127 (in Russian).
- [9] Arslanov RA. *K.D. Kavelin: chelovekimyslitel'*. Moscow: RUDN, 2000 (in Russian).
- [10] Arslanov RA., Blohin V.V. Intelligentsia in views of Russian liberals and reformers-democrats of late XIXth – the early XXth centuries. *RUDN Journal of Russian History*. 2014; 2:22–37 (in Russian).
- [11] Zakharova LG. *Aleksandr II iotmenakrepostnogoprava v Rossii*. Moscow: ROSSPEN, 2011 (in Russian).
- [12] Shelohaev VV, Demin VA, Solov'ev KA, Khristoforov IA, editors. *Reformy v Rossii s drevneyshih vremen do konca XX veka. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* Moscow: ROSSPEN, 2016; 3 (in Russian).
- [13] Zhukova LA. *Zemskoe samoupravlenie I byurokratiya v Rossii: konflikty I sotrudnichestvo*. Moscow Hronograf, 1998 (in Russian).
- [14] Zak SS. *Demokratizatsiya zemstva*. Moscow, 1906 (in Russian).
- [15] Petrovicheva EM. *Rol' zemstv o central'noy Rossii v razvitiu narodnogo prosveshcheniya v nachale XX veka // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokenetika*. 2011; 17(2):213–219 (in Russian).
- [16] Gernet MN. *Istoriya tsarskoi tyur'my*. Moscow, 1951; 3 (in Russian).
- [17] Bogdanova EM. Gazeta «Russkievedomosti»: izdateli-redaktoryisotrudniki. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy mezhdunarod. nauch. konf. (SPb., fevral'. 2012)*. St-Petersburg: Renome, 2012; pp. 181–191 (in Russian).
- [18] Bogdanova EM. Hudozhestvenno-publicisticheskie vystupleniya P.D. Boborykina v gazete «Russkie Vedomosti». *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoy akademii nauk*. 2012; 14(2–4):994–997 (in Russian).
- [19] Lokshin AE. «Russkievedomosti» Iobshhestvennaja bor'ba 1878–1882 gg. *Vtoraya revolyucionnaya situatsiya v Rossii. Otkliki na stranicah pressy. Sb. statey*. Moscow; 1981 (in Russian).
- [20] Gradovskiy AD. *Trudnye gody (1876–1880)*. Moscow, 2007 (in Russian).
- [21] Dmitriev F. K izdatelyu gazety «Russkii». *Russkie vedomosti*. № 22. 26 January 1868.
- [22] Chicherin BN. Proshchal'noe pis'mo moim slushatelyam. *Russkie vedomosti*. № 26. 31 January 1868.
- [23] Katkov MN. «Russkii narod» i Peterburgskaya intelligentsiya (Otvét K.D. Kavelinu). *Moskovskie vedomosti*. № 66. 7 March 1880.

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-49-58

КОМСОМОЛ В СИСТЕМЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 1920-Х ГГ.

П.А. Меркулов¹

Орловский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
302028, Россия, Орел, б-р Победы, 5а

В статье анализируется развитие системы молодежных организаций в России в 1920-е гг. Автор приходит к выводу, что вслед за ВКП(б) и под ее руководством комсомол берет курс на ликвидацию альтернативных молодежных организаций, вытесняя из системы молодежных организаций все несоциалистические объединения, национальные молодежные организации и пр. Вместе с тем в процессе собственного развития комсомол тесно сближается с органами государственной власти, такими как ОГПУ, активно используя их возможности для достижения монопольного положения в молодежной среде.

Ключевые слова: комсомол, молодежные организации, Евкомол

Введение. На протяжении всей советской истории существовали элементы организованной молодежной политики, связанные как с формированием альтернативных течений, так и с попытками воздействовать на курс правящей партии. Комсомол первоначально был одной из коммунистических молодежных организаций в системе разнородных объединений молодежи, которые сложились в первые послереволюционные годы. В течение 1920-х гг. комсомол занимает монопольное положение в молодежной среде.

Документы, раскрывающие отношение комсомола с другими организациями, опубликованы в сборнике «Молодежное движение в России (1917–1928 гг.). Документы и материалы» (М., 1993). В фондах ГАРФ находятся материалы о деятельности отдельных молодежных организаций, существовавших параллельно с ВЛКСМ; в их числе – материалы Российского социал-демократического союза рабочей молодежи (РСДСРМ, фонд 5574). Комплексный и всеобъемлющий характер носят материалы по истории комсомола, выявленные в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Среди них – дела Комиссии по изучению

¹ Адрес электронной почты: merkulov-pa@ganepa.ru (П.А. Меркулов).

юношеского движения в СССР при ЦК ВЛКСМ (Истмол) за 1921–1930 гг. (фонд М-26). Также были использованы документы, сосредоточенные в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.).

Литература 1920-х гг., посвященная истории молодежных организаций в СССР, несет на себе отпечаток острой идеологической борьбы и затрагивает, как правило, текущие политические кампании [1; 2; 3; 4; 5]. Работы 1950–1980-х гг. посвящены преимущественно собственно истории комсомола, оставляя за рамками исследования другие молодежные организации [6; 7]. Новейшая отечественная историография подходит к рассмотрению проблем молодежного движения многосторонне, затрагивая отношения с другими организациями молодежи [8–10].

Целью исследования является анализ процессов в среде молодежных организаций в первые годы советской власти, в результате которых постепенно исчезло разнообразие объединений молодежи, что позволит глубже понять процессы формирования государственной молодежной политики большевиков, главным инструментом которой к началу 1930-х гг. становится комсомол.

Исследование проблемы. Первые объединения рабочей молодежи были созданы в Петрограде еще в ходе Февральской революции в результате борьбы молодежи за улучшение своего экономического положения, за представительство в Советах и фабзавкоммах. В эти дни был издан Манифест Всероссийского Совета Петроградской пролетарской юношеской организации «Труд и свет»¹.

22 июня 1917 г. городское собрание молодежи приняло решение о создании «Межрайонного социалистического союза рабочей молодежи» с целью сплочения революционных союзов молодежи Петрограда в единую общегородскую пролетарскую юношескую организацию. 18 августа 1917 г. состоялась Первая петроградская общегородская конференция пролетарских юношеских организаций, которая провозгласила создание Социалистического союза рабочей молодежи (ССРМ), приняла программу и устав организации, избрала первый Петроградский комитет СССРМ, переименованный в соответствии с решением I Всероссийского съезда союзов молодежи (29 октября 1918 г.) в Петроградский комитет РКСМ. В августе 1920 г. ПК РКСМ был объединен с Петроградским губкомом РКСМ².

Протоколы собрания исполнительного комитета Социалистической организации учащихся средне-учебных заведений г. Москвы свидетельствуют, что в этот же период отмечаются обращения относительно организации I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи, инициативной

¹ РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 62. Лл. 1–15.

² Ленинградский губернский комитет ВЛКСМ (1919–1928) // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. К-601. Оп. 1. Д. 123. Лл. 1–23.

группы молодежи о записи в кружок социалистической молодежи (1917)¹, Центральной еврейской секции – к еврейской молодежи об организации еврейских секций при комитетах РКСМ; Петербургского комитета РКСМ – к членам союза о формировании отрядов особого назначения для обороны Петрограда (1919).

Для развития молодежного движения в стране известное значение имело и решение «О работе среди национальных меньшинств», принятое II съездом РКСМ². В этой деятельности пропаганда собственных идей и работа среди молодежи, не относящейся к титульной нации, сочеталась с активным противодействием национальным молодежным организациям. При этом в число противников последовательно попадали как сторонники собственно националистической идеологии, так и национальные организации коммунистической ориентации [8, с. 239].

С окончанием Гражданской войны правящая партия и ее молодежное объединение активизировали борьбу с анархистскими организациями (которые, как известно, поле революции считались союзниками большевиков), в результате чего их численность, по подсчетам советских историков, сократилась к 1921 г. практически в десять раз [7, с. 112]. Еще в июле 1919 г. на Пленуме ЦК РКСМ в рамках обсуждения вопроса «Об отношении к культурно-просветительным и другим организациям молодежи» была сформулирована позиция комсомола по отношению к анархистам. «Мы должны вступить с ними на путь борьбы, – говорилось в резолюции, – должны заявить, что будем их разгонять, как разгоняет Советская власть другие организации»³. Выступая на Пленуме, тогдашний лидер РКСМ Л.А. Шацкий говорил, что, «если это партии несоветские, а контрреволюционные, то такими же являются и организации молодежи, которые идут под их знаменем, и по отношению к этим организациям мы будем принимать те меры, которые предпринял т. Дзержинский по отношению к анархистской молодежи»⁴, что в тех условиях означало арест.

В Циркулярном письме от 16 февраля 1922 г. «О некоммунистических организациях молодежи» ЦК РКСМ также указывал на то, что «Союз должен зорко следить за своими противниками и быть готовым к борьбе, если она понадобится». В письме также отмечалось: «ЦК информирует вас о тех фактах, пока еще немногочисленных, которые у него имеются, о деятельности противников, и дает первые указания в области отношения к ним РКСМ» [16]. Тактика действий, которая была определена в письме, была выдержана в духе бескомпромиссности, свойственной и революционной эпохе вообще и тому

¹ РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 47. Лл. 1–9.

² Молодежное движение в России. 1917–1928 гг. Документы и материалы. Ч. 1. М., 1993. С. 284.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 1. Лл. 7–8.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 1. Лл. 14, 21.

общему курсу на монополизацию политической и государственной власти, который последовательно принимала компартия и комсомол. «В тех случаях, где имеются противники, немедленно усилить работу среди широких масс молодежи, – указывалось в письме ЦК РКСМ, – тщательно собирать материал о противниках, тщательно готовить выступающих против них ораторов»¹.

В дальнейшем в местные организации направлялись аналогичные материалы: Постановления бюро ЦК комсомола «О некоммунистических организациях молодежи» (от 4 января 1922 г.), «О письме № 3 о некоммунистических организациях. О тактике по отношению к антисоветским группировкам среди молодежи» (июнь 1922 г.); информационное письмо «О некоммунистических организациях молодежи» (октябрь 1922 г.), Постановление ЦКРКСМ «О скаутских организациях» (от 25 августа 1925 г.). Аналогичное содержание было и в той части резолюции Пятого съезда комсомола «О работе в деревне», где речь шла о борьбе с некоммунистическими организациями².

В этих документах, помимо определения стратегической линии, что в условиях известной идеологической вольницы и невысокой способности работников на местах к адекватной оценке складывавшейся ситуации, несомненно, имело важное значение, определяются и конкретные тактические приемы работы. В документе ЦК комсомола «О письме № 3 о некоммунистических организациях. О тактике по отношению к антисоветским группировкам среди молодежи» от 17 июня 1922 г. речь шла о таких приемах работы, как возбуждение преследования властями за нелегальные собрания и издания, сбор материалов об отношении союза меньшевистской молодежи к Красной Армии и необходимости провести «на основании этого полосу репрессий», «голову интеллигентов ликвидировать – сослать», разрушить систему связей РСДРМ с заграничными структурами [10, с. 109].

Сходную тактику в отношении анархистов определил в своем Постановлении июльский Пленум ЦК РКСМ, определивший, что «анархическое течение есть течение оппортунистическое, с которым мы должны бороться и всячески мешать работать этим организациям. Необходимо срывать анархические митинги и употреблять в отношении анархических организаций ту политику, которая применялась социал-демократической рабочей партией, когда она была в меньшинстве»³. Более конкретен был в своем выступлении Л.А. Шацкий, считавший, что по отношению к молодежной организации анархистов «может быть только одна тактика: арест, разгон, суд над виновниками. Мы должны их разгонять»⁴.

Комсомол активно боролся даже с конкурентами, ориентированными на коммунистическую идеологию. Особого внимания по части нормативного

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 3. Лл. 90–91.

² Решения Пятого Всероссийского съезда РКСМ. М., 1922. С. 18–19.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 1. Л. 12.

внутрисоюзного уставного творчества удостоился коммунистический союз еврейской молодежи (Евкомол). В отношении последнего были приняты специальные документы: письмо «Об еврейском коммунистическом союзе молодежи» Центрального бюро Еврейских секций ЦК РКСМ (октябрь 1920 г.) и Постановление бюро ЦК РКСМ от 9 февраля 1923 г. «Об антикоммунистических влияниях среди еврейской молодежи»¹. Не обошлось, конечно же, без проблематики Евкомола и в Циркулярном письме ЦК РКСМ «О некоммунистических организациях молодежи», где речь шла о том, чтобы «всюду усилить работу против еврейской молодежи»².

В информации «Об еврейском коммунистическом союзе молодежи» ЦБ Еврейских секций ЦК РКСМ, документе явно идеологического характера, содержалась несколько неожиданная характеристика этой организации. Из документа следовало, что Еврейский коммунистический союз молодежи возглавили «горсточка мелко-буржуазной и интеллигентской молодежи», причем здесь же появляется стандартное обвинение в том, что эти лидеры вышли «из загнанных в подполье буржуазно-сионистских кружков и организаций», став носителями соответствующей (читай непролетарской) идеологии. Члены Евкомола на данном этапе объявлялись скорее жертвами, которых вовлекли, использовали неосознанно и т.п.

В этом пункте содержалось противоречие в формулировках. Получалось так, что «некоторым мелким организациям... удалось вовлечь в свои ряды значительные массы рабочей молодежи». Выходило, что в общей организации мелкие, но массы крупные.

Однако суть проблемы видна, скорее, в третьей части обвинения, где речь идет о том, что «Евкомол повсеместно, где возникают его организации, основывает клубы и пытается организовать национально-еврейские организации по предприятиям»³.

Именно на ликвидацию конкурента, который идеологически и организационно выступал на поле комсомола, хотя и с национальным акцентом, были направлены требования управленческих документов, выработанных центральными комсомольскими органами. Они содержали видение этой важнейшей компоненты государственной молодежной политики первых лет советской власти – установление монополии в организации молодежного движения [11, с. 181].

Система борьбы за влияние на молодежь в сфере организации новой для большей части населения страны области спорта не отличалась разнообразием приемов от иных направлений борьбы комсомола за монопольное влияние на молодежь. Прежде всего, комсомол активно препятствовал возникновению и деятельности неподконтрольных ему спортивных организаций. Ориентируясь

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 17. Лл. 61–62.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 3. Л. 90.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 17. Л. 62.

на тесный союз с правящей партией, органы руководства комсомолом принимают решения, находящиеся на уровне типичных решений органов государственного управления. Речь идет прежде всего о резолюции Второго съезда комсомола в октябре 1919 г., в которой предусматривалась ревизия всех спортивных, а не только молодежных организаций на предмет политической благонадежности. При этом уже в тексте резолюции мы находим четкое указание на сущность и цели данного вида политического (читай: государственного) контроля. Комсомол полагал себя вправе определять политический характер спортивных и физкультурных обществ и организаций, а в том случае, если, по его мнению, они имели «буржуазный или контрреволюционный характер», то должны были быть ликвидированы. Именно по этим причинам были ликвидированы скаутские организации, которые, по мнению руководящих комсомольских органов, не могли соответствовать требованиям, предъявляемым к физическому воспитанию рабочей молодежи¹.

Соответственно, себе комсомол присвоил монопольные «функции по физическому развитию молодежи». В октябре 1919 г. Второй съезд принимает резолюцию «О физическом воспитании и скаутизме». В решениях съезда скаутская система квалифицировалась как «чисто буржуазная», проводящая духовное и физическое воспитание молодежи «в духе империалистическом». В резолюцию съезда включили положение о том, что комсомол считает роспуск всех существующих в Советской России бойскаутских организаций необходимым².

Прежде всего, в перечень неблагонадежных попадали организации с дореволюционным прошлым, т.е. скаутские и сокольские. Несколько позднее, уже на Пятом съезде РКСМ, проходившем в 1922 г., определялось отношение комсомола к созданию такой организации, как «Красный союз по физическому воспитанию». ЦК комсомола традиционно встал на позиции отрицания необходимости существования данной организации. В основе подобного подхода лежало стремление не допустить отлучения даже части молодежи от комсомольских структур.

Примером реализации схемы «партия сказала “Надо” – комсомол ответил “Есть!”» стали кампании середины 1920-х гг., когда происходит формирование системы органов управления с поиском своих ниш для комсомола, профсоюзов, иных проходящих стадию включения в систему политической власти в СССР общественных организаций.

V съезд комсомола по поручению партии принимает шефство над ВВС – Красным флотом. В ходе мобилизации 1923 г. комсомол послал на флот более 7,5 тысяч комсомольцев.

Укрепление Красной Армии и флота, переходивших на кадрированную систему комплектования, поставило вопрос о вневойсковой подготовке молодежи к военной службе. Эта задача решалась в рамках общественных орга-

¹ Второй Всероссийский съезд РКСМ. М.-Л., 1926. С. 160.

² Второй Всероссийский съезд РКСМ. М.-Л., 1926. С. 160.

низаций, главной из которых было ОСОАВИАХИМ («Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР»)¹. Неотъемлемой стороной государственной политики 1920-х гг. стала подготовка молодежи к военной службе, внимание к ее участию в спортивных секциях и кружках. В связи с новой задачей меняется и структура управления комсомолом, в частности, в обкоме комсомола по Центрально-Черноземной области появляется должность секретаря ВЛКСМ по военной работе [13, с. 173]. Ведущая роль принадлежала здесь государственным (военные комиссариаты) и общественным (комсомол, ОСОАВИАХИМ) структурам. В целом они выполнили поставленную перед ними задачу по масштабному развитию как физкультурного движения в целом, так и его военно-прикладной составляющей.

Правящая партия не поддерживала идеи создания организаций сельской молодежи. Она обоснованно полагала, что это приведет к потере влияния комсомола, а возможно, и появления его альтернативы, что не соответствовало планам построения государства мобилизационного типа. Главным направлением государственной молодежной политики за влияние на сельскую молодежь, тяготевшую к внеидеологическим, культурно-просветительным формам объединения, стала борьба за влияние на различные формы этих объединений, которые стремились реорганизовать в комсомольские ячейки решением Пленумов ЦК РКСМ². Было принято соответствующее решение «Об отношении к культурно-просветительным и другим организациям молодежи»³.

Параллельно комсомолу процессами в крестьянской среде занималось ОГПУ, задачей которого была борьба с организациями контрреволюционного характера в среде сельской молодежи.

Установление монополии комсомола как важнейшее направление государственной молодежной политики этого периода реализовывалось, в частности, в процессе сотрудничества с ВЧК – ОГПУ, свидетельством чему – корпус документов в фондах бывшего Центрального архива ВЛКСМ.

Формы организационного взаимодействия включали в себя обмен информацией, совместные мероприятия различного характера, подбор и расстановку кадров [9, с. 114]. Характерным в этом отношении примером может служить обращение ЦК РКСМ к руководству ОГПУ с предложением о введении обязательной регистрации отделений, создаваемых молодежными организациями некоммунистического характера. Однако главным направлением стало открыто силовое подавление деятельности конкурентов комсомола со стороны карательных органов.

Выводы. Таким образом, начальный период советской власти, когда происходило становление нового типа государственности, становление

¹ Малая советская энциклопедия. М., 1933. Т. 10. С. 188.

² Славный путь Ленинского комсомола. Т. 1. М., 1974. С. 82.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

и развитие аффилированных государством молодежных организаций (РКСМ, ВЛКСМ), характеризовался параллельным существованием альтернативных государственным молодежных организаций.

Однако параллельно в течение 1920-х гг., опираясь на партийное руководство и при содействии ОГПУ, комсомол последовательно боролся со всеми конкурентами в борьбе за влияние на молодежь, повторяя во многом на своем уровне практику правящей партии. Вначале шла борьба с организациями, враждебными революции в целом, далее наступает черед бывших союзников (социал-демократов и анархистов), затем комсомол борется с молодежными (преимущественно национальными) организациями, ориентированными на коммунистическую идеологию. Завершается период ликвидацией практически всех системных проявлений оппозиционности. В процессе этой борьбы комсомол расширяет сферу собственных интересов, интегрируя при этом свою деятельность с другими прогосударственными структурами с целью выполнения решений правящей партии.

© Меркулов П.А., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Второй Всероссийский съезд РКСМ. М.–Л., 1926.

Малая советская энциклопедия. М., 1933. Т. 10.

Молодежное движение в России. 1917–1928 гг. Документы и материалы. Ч. 1. М., 1993.

Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).
Ф. М-1. Оп. 2. Д. 1.

РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 3.

РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 17.

РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 3.

РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 47.

РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 62.

Решения Пятого Всероссийского съезда РКСМ. М., 1922.

Славный путь Ленинского комсомола. Т. 1. М., 1974.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. К-601. Оп. 1. Д. 123.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Кондрашин Н.* Кризиссоюза. Орел, 1921.
- [2] *Шохин А.* Комсомольская деревня. М., 1923.
- [3] *Москатов К.* Борьба за молодежь: О параллельных комсомолу организациях // Юный коммунист. 1926. № 17–18. С. 51–56.
- [4] *Ханин Д.* Большевицкое воспитание молодежи и оппозиция. М., 1926.

- [5] *Бобръшев И.* Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М.–Л., 1928.
- [6] Вопросы истории ВЛКСМ. Сб. научных трудов. М., 1978.
- [7] *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма. 1917–1922 гг. М., 1974.
- [8] *Соколов В.И.* Российское молодежное движение: от многообразия к унитаризму. 1917–1925 гг. М., 1996.
- [9] *Цветлюк Л.С.* Политический контроль в молодежной среде. 1920–1930-е годы. М., 2001.
- [10] *Криворученко В.К., Цветлюк Л.С.* Молодежь. Комсомол. Общество: от Октябрьской революции до Отечественной войны. М., 2012.
- [11] *Меркулов П.А.* Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.). Орел: издательство ОФ РАНХиГС, 2014.
- [12] *Криворученко В.К., Цветлюк Л.С.* Юношеское движение России. 20–30-е годы XX столетия // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 3. URL: http://www.zpujournal.ru/ezpu/2011/3/Krivoruchenko~Tsvetliuk_%20Juvenile_Movement/#_ftn7. Дата обращения: 23.12.2013 г.
- [13] *Саран А.Ю.* Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. Москва – Орел: изд. ОГАУ, 2003.

THE YOUNG COMMUNIST LEAGUE IN THE SYSTEM OF YOUTH ORGANIZATIONS OF THE 1920S

Pavel A. Merkulov¹

Orel branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
5A Boulevard Pobedy, Orel, Russia, 302028

The article analyzes the development of the system of youth organizations in our country in the 1920s. The Young Communist League (Komsomol) was formed as one of the Communist organizations among diverse youth entities which were engaged in addressing social challenges the young generation faced in the first decade after the revolution. The Komsomol acted along with political, peasant, national, sports youth organizations. Following the VKP(b) and under its leadership, the Komsomol pursued the policy of expulsion and elimination of alternative organizations. Firstly, all the non-socialist entities disappeared from the system of youth organizations in the course of a fierce struggle, and then came the turn of anarchists and other Communist organizations. The Komsomol actively participated in the defeat of the scout movement, in part by accepting some of its functions on the organization of youth sports. The Young Communist League struggled with national youth organizations, seeking their dissolution, as in the case of the Communist Union of Jewish youth (Jewkomol). However, the Young Communist League cooperated with other Pro-government public organizations such as the OSOAVIAKHIM.

¹ E-mail address: merkulov-pa@ranepa.ru (P.A. Merkulov).

In the course of its development, the Young Communist League was closely connected with state authorities, such as the OGPU, actively using their abilities to achieve a monopoly position in the youth environment.

Key words: Komsomol, youth organizations, Jewkomol

REFERENCES

- [1] Kondrashin N. *Krizis soyuza*. Orel, 1921 (in Russian).
- [2] Shokhin A. *Komsomol'skaya derevnya*. Moscow; 1923 (in Russian).
- [3] Moskatov K. Bor'ba za molodezh': O parallel'nykh komsomolu organizatsiyakh. *Yunyi kommunist*. 1926; 17–18:51–56 (in Russian).
- [4] Khanin D. *Bol'shevistskoe vospitanie molodezhi i oppozitsiya*. Moscow; 1926 (in Russian).
- [5] Bobryshev I. *Melkoburzhuznye vliyaniya sredi molodezhi*. Moscow-Leningrad; 1928 (in Russian).
- [6] *Voprosy istorii VLKSM. Sb. nauchnykh trudov*. Moscow; 1978.
- [7] Kanev SN. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i krakh anarkhizma. 1917–1922 gg.* Moscow; 1974 (in Russian).
- [8] Sokolov VI. *Rossiiskoe molodezhnoe dvizhenie: ot mnogoobraziya k unitarizmu. 1917–1925 gg.* Moscow; 1996 (in Russian).
- [9] Tsvetlyuk LS. *Politicheskii kontrol' v molodezhnoi srede. 1920–1930-e gody*. Moscow; 2001 (in Russian).
- [10] Krivoruchenko VK., Tsvetlyuk LS. *Molodezh'. Komsomol. Obshchestvo: ot Oktyabr'skoi revolyutsii do Otechestvennoi voiny*. Moscow; 2012 (in Russian).
- [11] Merkulov PA. *Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii (vtoraya polovina XIX v. – nachalo XXI v.)*. Orel: izdatel'stvo OF RANKhiGS, 2014 (in Russian).
- [12] Krivoruchenko VK., Tsvetlyuk LS. Yunosheskoe dvizhenie Rossii. 20–30-e gody XX stoletiya. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. 2011; 3. URL: <http://www.zpu-journal.ru>. Accessed: 23 December 2013 (in Russian).
- [13] Saran AYu. *Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Tsentral'noi Rossii. 1928–1934 gg.* Moscow – Orel: OGAU, 2003 (in Russian).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-59-69

ФАНТОМНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕССИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ 1920–1930-Х ГГ.

А.Ю. Саран¹

Орловский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
302028, Россия, Орел, б-р Победы, 5а

В статье общественные организации рассматриваются как основа для создания гражданского общества, определяются понятия «общественная организация» и «фантомная общественная организация». Исследуется роль фантомных организаций в реализации репрессивной политики как способа проведения упреждающих репрессий, метода расширения состава репрессируемых, средства повышения выполнения плановых показателей правоохранительных органов по раскрытию особо опасных групповых преступлений, а также в качестве одного из способов контроля центрального аппарата ОГПУ-НКВД над своими региональными подразделениями.

Ключевые слова: Центрально-Черноземная область, общественные организации, репрессии, ОГПУ, НКВД

Введение. Общественные организации являются основой для создания гражданского общества. Автор относит к общественным организациям негосударственные некоммерческие структурированные иерархические образования в социальной системе, имеющие определенные социальные, политические или личностные цели, проявляющиеся в каких-либо действиях, а также связанные ощущением единства их членов.

Классификация общественных организаций возможна через принцип классификации задач, которые решают эти социальные структурированные образования. Выделим три группы целей общественной деятельности: различные аспекты взаимоотношений социума с природой (охрана природы, освоение природных ресурсов, модификация компонентов природы и т.п.) выделим

¹ Адрес электронной почты: asaran1958@yandex.ru (А.Ю. Саран).

как первую группу; взаимоотношения внутри самого социума (между и внутри поколений, между властными структурами и обществом, между социальными стратами, отношения, связанные с профессиональной деятельностью и досугом) составят вторую группу; в третью включим общественную деятельность, связанную с решением личностных проблем (от вопросов жизнеобеспечения, здоровья и смерти до проблем интеллектуального развития личности).

Феномен фантомных организаций может быть отнесен ко второй группе общественных организаций, к подвиду политических объединений. Его возникновение связано с обострением конфликта государства с обществом. В данной работе рассматривается период 1920–1930-х гг., когда в СССР политическая власть разными способами изменяла социум под решение собственных идеологических задач. Для ликвидации активного и пассивного сопротивления общественные организации подчинялись власти или ликвидировались. А для того, чтобы не допустить создания или возрождения неподконтрольных власти общественных организаций, репрессиям подвергались даже потенциальные создатели и участники таких объединений.

Чтобы придать законную форму таким упреждающим репрессиям, правоохранительные органы фальсифицировали наличие общественных организаций, искусственно причисляя к ним часть своих подследственных. Судебные или внесудебные органы с такими же полномочиями по итогам таких фальсификаций выносили приговоры, в которых псевдо-участие в фантомных организациях рассматривалась как реальная вина и основание для вынесения обвинительного приговора. Таким образом, фантомные организации становились фактом реальной жизни, что дает основание рассматривать их в качестве социального феномена.

Проблема истории общественных организаций, существовавших в СССР в 1920–1930-е гг., исследуется в историографии, начиная с этих же десятилетий [1–8].

Историография 1940–1980-х гг. рассматривала добровольные и общественные организации 1920–1930-х гг. уже в качестве составной части политической системы советского государства. Работы часто носили обобщающий характер, в некоторых из них анализировалась деятельность целых групп общественных организаций [9–12].

Новейшая историография освободилась от жестких идеологических ограничений и получила возможность исследовать исторические проблемы с академических позиций. В этих условиях проявилось повышение интереса исследователей к изучению общественно-политической ситуации в стране в 1920–1930-е гг. Авторы получили возможность использовать ранее закрытые архивные материалы, и часть ученых попыталась по-новому взглянуть на общественно-политическую жизнь этого периода [13–17]. Начинают рассматриваться ранее полностью закрытые для исследования темы, в частности вопросы социального контроля [18]. Фантомные организации, которые пока

не становились предметом специального исследования, по нашему мнению, могут быть отнесены как раз к одному из механизмов социального контроля.

Для понимания особенностей формирования и функционирования политической системы СССР необходим анализ места и роли в ней общественных организаций. Для решения подобной задачи требуется систематизировать состав общественных организаций.

Рассмотрим общественные организации на региональном уровне, что позволяет использовать как фактологический, так и теоретический уровни исследования. Определим место фантомных общественных организаций в системе общественных объединений и их роль в политической жизни СССР в 1920–1930-е гг. на примере одного из регионов Центральной России.

Исследование проблемы. Центрально-Черноземная область (ЦЧО), образованная в 1928 г., объединила в своих границах региональные социумы сразу четырех губерний – Воронежской, Орловской, Тамбовской и Курской, а также частично Рязанской губернии. К началу 1930-х гг. численность населения ЦЧО превысила 12 млн человек. Такая площадь территории и численность населения позволяют считать ЦЧО вполне представительным регионом Центральной России, процессы политического и социального развития в котором возможно в значительной степени экстраполировать на общегосударственный уровень.

Именно в 1920–1930-е гг. происходит формирование политической системы, которая просуществовала до распада СССР в 1991 г. Эта политическая система характеризуется почти полным доминированием власти над обществом, когда развитая – разветвленная и многоуровневая – система государственных организаций сопровождалась немногочисленными, так называемыми «массовыми организациями», которые лишь номинально обозначали функцию общественного представительства. Эти «массовые организации» рассматривались властью лишь в качестве одного из «приводных ремней» от партийно-государственной машины к обществу.

Разнообразие состава многочисленных общественных организаций, сложившихся в России в первые два десятилетия XX в., окончательно было ликвидировано именно в 1920–1930-е гг. И ликвидация разнообразия форм общественной самоорганизации происходило с использованием целого арсенала методов, среди которого находились и законодательные ограничения, и разрешительный порядок деятельности общественных организаций, и репрессии правоохранительных органов. Создание реально не существующих, фиктивных общественных организаций – «фантомов» как раз и стало одним из инструментов репрессий в отношении общества со стороны государства.

Рассмотрим, какое место занимали фантомные организации в системе региональных общественных организаций ЦЧО.

Автором предлагается собственная классификация общественных организаций, основанная, скорее, на функциональном принципе, т.е. с точки зрения жизнедеятельности общества как единого целого. Наиболее широким по-

нятием в этом случае можно считать взаимодействие общественного организма с внешним миром – природой, такие организации составят первую группу. Более узким по отношению к системе отношений «общество – природа» будет понятие «структура общества»; в эту группу войдут общественные организации, связанные с осуществлением внутрисоциальных функций. Следующим по степени детализации понятием можно считать «человек как часть общества». В эту, третью, группу включаются общественные организации, решающие проблемы личностного развития.

В обобщенном виде классификация общественных организаций Центрально-Черноземной области может быть представлена следующим образом:

1. Общественные организации системы «общество – природа»

2. Общественные организации социальной направленности:

2.1. Возрастные организации:

2.1.1. Детские:

2.1.1.1. Собственно детские.

2.1.1.2. Решающие проблемы детей.

2.1.2. Ветеранов.

2.2. Политические организации:

2.2.1. Собственно политические.

2.2.2. Вспомогательные политические.

2.2.3. Организации отставных политиков.

2.2.4. Фантомные политические.

2.3. Профессиональные организации.

2.4. Досуговые организации.

3. Общественные организации личностной направленности:

3.1. Общественные организации витально-летальной проблематики.

3.2. Общественные организации социализации личности.

3.3. Общественные организации интеллектуального развития личности.

3.4. Религиозные организации.

3.5. Общественные организации искусств [19, с. 155].

Вторая группа общественных организаций, которые отражают разнообразные формы взаимодействия между различными частями самого общества, наиболее многочисленна. Организации, связанные с интересами разных поколений, условно делятся на детские и ветеранские. Среди общественных организаций второй группы выделяются политические организации четырех подвидов: которые непосредственно занимались политической деятельностью; вспомогательные политические организации; организации отставных политиков и фантомные организации. Последние существовали не в самом обществе, а лишь в чьем-либо сознании, но сведения о них были задокументированы.

К фантомным организациям относятся «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», «Контрреволюционная офицерская монархическая организация», «Трудовая крестьянская партия», «Зеленая армия»,

«Крестьянская партия народной свободы», «Крестьянский союз», «Партия Дубинина». Они проходили по документам партийных и репрессивных органов, о некоторых из них писали в газетах, журналах и книгах. За мнимое участие в них пострадали люди, но реально таких организаций не существовало.

Фантомные образования являются последним подвидом общественно-политических организаций. Вопрос о том, отнести упоминаемую в источниках общественно-политическую организацию к первому подвиду – действующих или к четвертому – фантомных, автором решался после изучения всей суммы выявленных материалов (чаще всего – по рассекреченным уголовным делам). При этом учитывался наработанный в современной историографии опыт изучения фальсифицированных уголовно-политических процессов и работы следователей по их подготовке. Ведь многие сфальсифицированные в Центрально-Черноземной области дела составной частью входили в межрегиональные – такие, как «дело краеведов», «дело трудовой крестьянской партии», «дело офицеров». Как раз эти дела отличаются большей продуманностью возможных мотивов поведения «преступников», подгонкой показаний свидетелей и подследственных к единой схеме, согласованными действиями следственных органов разных регионов страны. Слабым местом этих дел обычно является отсутствие каких-либо доказательств, кроме словесных, да и в них обычно ощущается дефицит – ведь лишь немногие из подследственных шли на сделку с чекистами, и именно их показания своеобразными «паровозами» двигали следствие. К этим массовым делам было привлечено внимание общественности, и дожившие до периода массовой реабилитации участники оставили достаточно полные воспоминания о реальном ходе следствия и обстоятельствах фабрикации дел.

Большую работу по разоблачению фальсификаций проделали работники прокуратуры в 1950–1990-х гг. по многим делам периода существования ЦЧО. В ряде дел надуманность и слабость обвинений в создании преступной общественно-политической организации была очевидна и тогдашним начальникам следователей (более крепкие дела они отправляли в суды, а «хлипкие» – на рассмотрение во внесудебные органы), и судебным органам (отдельные дела «рассыпались» в ходе судебного следствия, и значительная часть обвиняемых освобождалась по решению судов). По некоторым делам вывод о фантомности организаций сделан автором на основании следственных материалов, в которых отсутствовали описания признаков организации: целей, внутренней иерархии и внутриорганизационных норм.

Когда во второй половине 1930-х гг. проходила окончательная зачистка общества и ранее репрессированных настигали новые волны террора, проходившие по «делу краеведов» орловцы были вновь арестованы. В обвинительном заключении по этому делу записано: «Орловское общество краеведов... **якобы**, (выделено автором – А.С.) проводило контрреволюционную работу»¹.

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Орловской области. Архивное уголовное дело № 6. 757-П. Л. 26.

То есть в 1937 г. чекисты-следователи сомневались в доказанности обвинения, по которому тройка Постоянного представительства ОГПУ по ЦЧО в 1931 г. осудила обвиняемых на различные наказания. Впрочем, эти сомнения в отношении предшественников не помешали деятелям репрессивных органов создать такое же фальсифицированное дело, а особой тройке теперь уже Управления НКВД по Орловской области 28 декабря 1937 г. осудить на 10 лет лагерей троих краеведов¹.

Список реально не существовавших общественно-политических организаций, но проходивших по документам властных структур ЦЧО, в настоящей работе не исчерпан, выявленные сведения позволяют отнести к фантомным лишь Воронежскую областную контрреволюционную монархическую организацию, Контрреволюционную офицерскую монархическую организацию, Трудовую крестьянскую партию, Зеленую армию, Крестьянскую партию народной свободы, Крестьянский союз и Партию Дубинина.

Дело о Воронежской областной контрреволюционной монархической организации, как ее называли работники постоянного представительства ОГПУ по ЦЧО, «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», основывалось на системе краеведческих организаций Центральной России. Оно служило задаче осуществления репрессий в отношении интеллигенции в рассматриваемый период. По делу было проведено 92 человека, из которых пятерых расстреляли, всех остальных, за исключением одного оправданного, коллегия ОГПУ 5 июня 1931 г. приговорила к разным срокам заключения в концентрационные лагеря или к ссылке².

Еще один социальный фантом под чекистским названием «Контрреволюционная офицерская монархическая организация» якобы существовал в Воронеже и Орле в 1928–1930 гг. Он был создан для удаления из государственных, кооперативных и общественных организаций по возможности большего количества представителей офицерского корпуса старой российской армии. По Центрально-Черноземной области были арестованы 47 человек. Основным доказательством террористической деятельности послужили слова «руководителя организации» С.С. Беляева, произнесенные во время учебного сбора студентов Воронежского университета. Им демонстрировалась работа огнемета, взрыв артиллерийского снаряда, подрыв железнодорожного рельса. Показ производился в присутствии директора ВГУ и «кого-то из обкома» ВКП(б). Беляев неудачно пошутил: «Вот бы бросить бомбу сейчас, номер был бы!»³. Шутку товарищи из обкома не поняли, и «номер» случился с самим С.С. Беляевым – его расстреляли вместе с 12 товарищами, обвинив не только

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Орловской области. Архивное уголовное дело № 6. 757-П.

² Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-16.967. Т. 8. Л. 117.

³ ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-13.558. Т. 8. Л. 57.

в терроризме, но еще и в шпионаже (поскольку он общался с родственниками, которые оказались подданными Германии, о положении в Красной Армии). Еще 33 бывших офицеров приговорили к разным срокам заключения в концлагеря, а одного сослали в Казахстан¹.

В целях осуществления репрессий против сельской интеллигенции и зажиточной части крестьян ОГПУ в 1928–1929 гг. создает фантомную организацию под названием «Трудовой крестьянской партии» (ТКП). Отделения этого фантомного образования, по мнению местных работников ОГПУ, существовали и во многих округах Центрально-Черноземной области. По делу были проведены 779 человек, из которых 541 осужден, по 100 обвиняемым дела выделены в отдельное производство. Причем из этих сотен людей лишь 79 жителям ЦЧО судебные органы приписали участие в ТКП², остальные – преподаватели, крестьяне-опытники, агрономы – пострадали «за компанию», в рамках репрессий, сопутствующих сплошной коллективизации³.

Для изъятия наиболее активной части крестьян, которая еще не объединилась на почве борьбы с властью, но уже проявляла явное недовольство проведением насильственной коллективизации, репрессивными органами в 1929–1932 гг. были созданы такие фантомные общественные организации, как «Зеленая армия», «Крестьянская партия народной свободы» (Бобровский, Лево-Россошанский, Панинский районы, 1932); «Крестьянский союз» (ЦЧО, 1929); «Партия Дубинина» (Бутурлиновский район, 1928–1929).

Например, «Зеленая армия», судя по материалам дела, состояла из более чем 100 раскулаченных крестьян 18 деревень Нижнедевицкого и Горшечненского районов, одни из которых еще жили дома, другие уже скитались в лесах. Крестьяне собирались в июле-августе 1931 г. в лесу и ругали разные мероприятия властей. Судя по материалам следствия, собирались они случайными группами по 30 человек, иногда некоторые приносили с собой оружие (дробовики и обрезы винтовок). В обвинительном заключении написано, что однажды было совершено нападение на коммунистических активистов, причем один активист был убит, но в деле не приводятся ни имена пострадавших, ни материалы расследования, ни имен убийц⁴, что оставляет впечатление легкомысленной выдумки следователей секретно-политического отдела постоянного представительства ОГПУ по ЦЧО.

Организация «Зеленая армия» якобы готовила и свержение советской власти. Но и эти обвинения выглядят довольно легковесно: «В день восстания

¹ ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-13.558. Т. 1. Лл. 392–393.

² ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-10.083. Т. 9. Л. 226.

³ Во всем деле постоянно подчеркиваются индивидуалистические настроения обвиняемых по делу ТКП, противостояние их проводимой коллективизации. См.: Архив Управления Федеральной службы безопасности по Орловской области. Архивное уголовное дело № 10.405-П. Лл. 155–156.

⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 22.451. Т. 7. Л. 57.

захватим пишущую машинку и напечатаем афиши, будем звонить в колокола, вот так мы и свергнем Советы»¹. Были предусмотрены и дальнейшие действия: «Поднимем флаги, по ним Красная армия бить не будет, а рабочие нас поддержат». В качестве факта, свидетельствующего о подготовке восстания, фигурируют сборы денег – по 3 рубля с человека для покупки ситца для флагов и фонарей – на всякий случай восставать решили ночью, и флаги желательно было осветить². Правда, деньги сдали лишь несколько человек, и не приводится никаких данных об их расходовании.

Ликвидация «Зеленой армии» была столь же знаменательна, как и ее деятельность. Работники ОГПУ и отряд милиции окружили группу собравшихся в лесу крестьян, последовала «перестрелка при задержании [продолжалась] 10 минут, один из организаторов [«Зеленой армии»] был ранен». Пострадали и представители властей: «Головной убор уполномоченного З.Н. Герасимова был прострелен»³ [26, л. 166]. Это дало основание ходатайствовать о награждении Герасимова орденом Красного Знамени [26, л. 179].

Даже коллегия ОГПУ не смогла проигнорировать шаткость обвинения, приговорив на своем заседании 26 января 1932 г. пятерых «руководителей» «Зеленой армии» к расстрелу. Поэтому расстрел тут же был заменен 10 годами заключения в концлагере. Разные сроки заключения получил еще 81 человек, шестерых крестьян выслали в Северный край, а восьмерых просто отпустили [25, том 7, л. 85]. При повторном рассмотрении дела в 1960-е гг. все осужденные были реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Материалы следствия позволяют говорить об этой группе крестьян как о зародыше организации без оформившейся структуры, определившегося лидера, программы и без целенаправленной деятельности, т.е. прото-организации. Многочисленные подробности существования «Зеленой армии», приведенные в деле, оставляют впечатление надуманности, причем придумали их уже по ходу ведения следствия для «дотягивания» дела до более или менее приемлемого вида с целью скорейшей сдачи в суд. Возможно, окажись среди этих недовольных крестьянских групп лидер, похожий на Т.Р. Говорова, то здесь и могла бы сформироваться организация типа «Правой оппортунизмы», но этого на момент ареста крестьян не произошло, и организация «Зеленая армия» так и осталась фантомом.

Выводы. Таким образом, исследование истории общественно-политических организаций Центрально-Черноземной области показывает, что на рубеже 1920–1930-х гг. власти, помимо того, что ликвидировали остатки оппозиционных режиму политических партий, пресекали деятельность появившихся общественных объединений политического характера, но еще и осуществляли политику репрессий в упреждающем режиме – против прото-организаций, и с

¹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 22.451. Т. 7. Л. 29.

² ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 22.451. Т. 7. Л. 35.

³ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1.487. Л. 166.

большим запасом – против граждан, потенциально способных на объединение в оппозиционные общественно-политические организации. Такие особенности репрессий 1920–1930-х гг. и породили феномен фантомных организаций.

В условиях планового характера репрессий оформление придуманных сотрудниками правоохранительных органов общественных организаций-фантомов способствовало привлечению к следственным, а значит, и судебным делам одновременно большего числа граждан, чем это позволяла делать практика индивидуальных репрессий, что содействовало выполнению плановых показателей.

Помимо этого коллективные преступления по закону наказывались более строго, чем индивидуальные. Поэтому создание фантомных организаций обеспечивало репрессивным органам раскрытие более тяжких преступлений, чем этого возможно было добиться при индивидуальных обвинениях, в итоге это благотворно сказывалось на их отчетных показателях.

Особенностью деятельности региональных репрессивных органов в 1920–1930-е гг. было их участие в создании фантомных общественных организаций, задуманных в центральном аппарате ОГПУ–НКВД и одновременно реализуемых на территории различных регионов страны. Подобная централизация решала сразу несколько задач, а масштабность химерических дел придавала им большую правдоподобность, чем локальным задумкам. В этих условиях не всегда опытные и способные местные следователи в коллективной работе под руководством центра получали необходимую практику фальсификации уголовных дел, столь востребованную в 1930-е гг., а центральное руководство правоохранительных органов приобретало дополнительный канал контроля над деятельностью региональных подразделений, что было крайне важно в условиях постоянных перемен в проводимой политике репрессий.

© Саран А.Ю., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Архив Управления Федеральной службы безопасности по Орловской области. Архивное уголовное дело № 6. 757-П.; № 10.405-П.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. 487.

ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-10.083. Т. 9.

ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-13.558. Тт. 1, 8.

ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. П-16.967. Т. 8.

ГАОПИ ВО. Ф. 9.353. Оп. 2. Д. 22.451. Т. 7.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] Успенский В. Общество друзей советской кинематографии. М., 1926.

[2] Ивановский Е. Что такое РОКК. М., 1928.

- [3] *Стасова Е.Д.* Пять лет МОПР и современные его задачи. М., 1928.
- [4] *Сталь Л.* Итоги и перспективы работы ОДН. М., 1931.
- [5] *Мюнценберг В.* 10 лет Межрабпома. М., 1931.
- [6] *Бернар Л.* 10 летМОПРа. М., 1932.
- [7] *Олещук Ф.Н.* X лет Союза воинствующих безбожников. СССР. М., 1936.
- [8] *Каттель Б.* 15 лет МОПРСССР. М., 1937.
- [9] 100 лет Красного Креста в нашей стране. М., 1967.
- [10] Научно-технические общества СССР. Исторический очерк. М., 1968.
- [11] *Мищенко М.А.* Партия и массовые организации трудящихся. Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1981.
- [12] *Алексеев Г.М.* Движение изобретателей и рационализаторов в СССР 1917–1982 гг. М., 1983.
- [13] *Иванова Г.М.* Профсоюзы: независимость или огосударствление // Формирование административно-командной системы. 20–30-е годы. М., 1992. С. 95–115.
- [14] *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. М., 1995.
- [15] *Елисеев А.Л.* Антирелигиозное движение в СССР в 20–30-е годы // Научные труды Орловского государственного технического университета. Т. 9. Исследования в области гуманитарных наук. Орел, 1996. Т. 9. С. 37–42.
- [16] *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001.
- [17] *Меркулов П.А.* Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России. (Вторая половина XIX в. – начало XXI в.). Орел: издательство ОФ РАНХиГС, 2014.
- [18] *Измолик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995.
- [19] *Саран А.Ю.* Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. Москва – Орел: изд. ОГАУ, 2003.

**PHANTOM PUBLIC ORGANIZATIONS
AS A TOOL OF REPRESSION
IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION
IN THE 1920–1930S**

Aleksandr Yu. Saran¹

Orel branch of the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
5a Boulevard Pobedy, Orel, Russia 302028

The author considers that the emergence of the phenomenon of phantom organizations in the Central Chernozem region was connected with the aggravation of the conflict between the government and the society in the period of the 1920–1930s in the USSR, when the political power eliminated the active and passive resistance of the public. Simultaneously, in order

¹ E-mail address: asaran1958@yandex.ru (A. Yu. Saran).

to make repression legal, the law enforcement authorities falsified the presence of non-governmental organizations, relating some of their suspects to them. The judicial or extra-judicial authorities with the same powers on the basis of such fraud passed sentences in which pseudo-participation in phantom organizations was seen as a real fault and the basis for conviction. Thus, phantom organizations became a fact of real life.

The author has found out that the phantom-governmental organizations were established by the Central Office of the NKVD and simultaneously functioned in the territory of several regions of the country. Such centralization simultaneously solved several problems – the scale of the chimeric affairs gave them more credence than local ideas; inexperienced local investigators got the necessary practice of fabrication of criminal cases in collective work under the direction of the centre; the central governance of the law enforcement authorities got additional tool of control over the activities of regional offices.

Key words: Central Chernozem region, public organizations, repressions, OGPU, NKVD

REFERENCES

- [1] Uspenskii V. *Obshchestvo družei sovetskoï kinematografii*. Moscow, 1926 (in Russian).
- [2] Ivanovskii E. *Chto takoe ROKK*. Moscow, 1928 (in Russian).
- [3] Stasova ED. *Pyat' let MOPR i sovremennye ego zadachi*. Moscow, 1928 (in Russian).
- [4] Stal' L. *Itogi i perspektivy raboty ODN*. Moscow, 1931 (in Russian).
- [5] Myuntsenberg V. *10 let Mezhrabpoma*. Moscow, 1931 (in Russian).
- [6] Bernar L. *10 let MOPRa*. Moscow, 1932 (in Russian).
- [7] Oleshchuk FN. *X let Soyuza voïnstvuyushchikh bezbozhnikov. SSSR*. Moscow, 1936 (in Russian).
- [8] Kattel' B. *15 let MOPR SSSR*. Moscow, 1937 (in Russian).
- [9] *100 let Krasnogo Kresta v nashei strane*. Moscow, 1967 (in Russian).
- [10] *Nauchno-tekhnicheskie obshchestva SSSR. Istoricheskii ocherk*. Moscow, 1968 (in Russian).
- [11] Mishenov MA. *Partiya i massovye organizatsii trudyashchikhsya* [PhD thesis]. Leningrad, 1981 (in Russian).
- [12] Alekseev GM. *Dvizhenie izobretatelei i ratsionalizatorov v SSSR 1917–1982 gg.* Moscow, 1983 (in Russian).
- [13] Ivanova GM. Profsoyuzy: nezavisimost' ili ogosudarstvlenie. *Formirovanie administrativno-komandnoi sistemy. 20–30-e gody*. Moscow, 1992:95–115 (in Russian).
- [14] Gimpel'son EG. *Formirovanie sovetskoï politicheskoi sistemy*. Moscow, 1995 (in Russian).
- [15] Eliseev AL. Antireligioznoe dvizhenie v SSSR v 20–30-e gody. *Nauchnye trudy Orlovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Orel, 1996; 9:37–42 (in Russian).
- [16] Il'ina IN. *Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody*. Moscow, 2001 (in Russian).
- [17] Merkulov PA. *Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii. (Vtoraya polovina XIX v. – nachalo XXI v.)*. Orel: izdatel'stvo OF RANKhiGS; 2014 (in Russian).
- [18] Izmozik BC. *Glaza i ushi rezhima. Gosudarstvenny I politicheskii kontrol' za naseleniem Sovetskoï Rossii v 1918–1928 gg.* St. Petersburg, 1995 (in Russian).
- [19] Saran AYu. *Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Tsentral'noi Rossii. 1928–1934 gg.* Moscow – Orel: izd. OGAU, 2003 (in Russian).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-70-80

СОЗДАНИЕ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

С.А. Лутошкин¹

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье рассматривается процесс создания финансово-промышленных групп (ФПГ) в Российской Федерации на рубеже XX–XXI вв. Проанализирована историческая специфика формирования крупных промышленно-финансовых объединений в постсоветский период на основе анализа структуры и механизма функционирования ФПГ. Автор подробно показывает основные этапы развития ФПГ, которые были обусловлены объективными экономическими и политическими процессами в стране.

Ключевые слова: финансово-промышленные группы, государственная корпорация, банковский капитал, «Газпром», «Лукойл»

Введение. Политические и экономические преобразования в России в 1990-е гг. получили весьма неоднозначные оценки в современном обществе. Одним из главных порождений глобальных экономических перемен стало появление крупного капитала в виде финансово-промышленных групп (ФПГ). Зарождение и эволюция ФПГ в постсоветской России требует глубокого и детального анализа с исторической точки зрения для научного понимания целостной картины происходящих в стране политических и экономических процессов. Добавляет актуальности и высокий общественный интерес к данной проблеме не только в России, но и за рубежом.

Анализ эволюции крупных объединений в XX в. дает возможность вскрыть логику перехода от более простых форм монополий к более сложным холдинговым структурам. В постсоветской России данный процесс имел свои особенности, которые, естественно, вызывают исследовательский интерес.

На фоне множества работ публицистического характера на страницах различных средств массовой информации выделяется ряд первых научных исследований по отдельным аспектам ФПГ. Так, Я.Ш. Паппэ попытался создать экономическую хронику зарождения и развития финансовой «олигархии» в

¹ Адрес электронной почты: moto-man@mail.ru (С.А. Лутошкин).

постсоветской России [1]. С.Ф. Гребениченко исследовал социальные и экономические факторы и политические условия создания крупных финансово-промышленных объединений в 1990-е гг. [2; 3; 4]. В свою очередь, Г.П. Черников и Д.А. Черникова рассмотрели связь крупного российского капитала и политической власти в постсоветской России [5]. В.П. Давыдов выявил растущую взаимосвязь транснациональных корпораций с российскими ФПГ в 2000-е гг. [6; 7]. М.С. Ильин и А.Г. Тихонов акцентировали внимание на проблеме защиты национальных интересов в экономике в условиях новейших вызовов глобализирующегося мира с помощью создания мощных корпоративных структур [8]. С.П. Перегудов, Н.Ю. Лапина, И.С. Семенов проанализировали совпадения групп интересов ФПГ и российского государства в сферах развития отечественного бизнеса и укрепления политической системы страны [9]. Т.В. Олейник исследовал противоречивый процесс становления российских ФПГ в условиях перехода от ваучерной приватизации к денежной и его влияние на российский политический процесс [10]. М.В. Курбатова, Д.В. Кислицын уделили большое внимание научной классификации и организационно-экономическому структурированию ФПГ, выработали теоретическое понятие «бизнес-группа» [11]. В.А. Цветков в контексте реальной хозяйственной практики проанализировал складывающиеся в постсоветский период традиции, нормы и ценности российской модели организации крупного бизнеса [12]. К.В. Хлебцевич исследовал феномен политической активности крупного российского капитала на начальном этапе становления новой политической системы Российской Федерации [13]. М.А. Измайлова рассмотрела исторический и мировоззренческий аспекты эволюции корпоративных структур, провела обзор основных концепций формирования корпоративных структур и подвергла анализу различные научные подходы к определению корпораций [14]. О.В. Проколопова и В.В. Курченков подвергли скрупулезному анализу процесс образования и развития корпоративных отношений в Российской Федерации [15]. И.П. Николаева и В.А. Кривопапов рассмотрели зарождение и эволюцию финансово-промышленной олигархии в постсоветской России [16]. С.К. Ашванян сделал упор на анализе участия российских транснациональных групп в экономическом переделе сфер влияния в мире в новейших условиях глобализации [17]. И.Ю. Беляева, М.А. Эскиндаров теоретически обосновали природу первоначального капитала финансово-промышленных корпоративных структур в экономике современной России [18]. А.А. Мухин обратился к проблематике исторических биографий российских олигархов, показав неоднозначность их взаимоотношений с политической властью в России. Одной из главных форм взаимодействия крупного бизнеса и государственной власти, по мнению автора, на протяжении двух последних десятилетий стало построение лоббистских групп и их трансформация в ходе смены правящей политической элиты в 1998–2003 гг. [19].

Однако следует подчеркнуть, что в настоящий период времени процесс создания и эволюции финансово-промышленных групп в России в конце XX – начале XXI вв. только оформляется в качестве самостоятельной проблемы современной отечественной историографии.

Цель исследования – выявить специфику зарождения и развития финансово-промышленных групп в России на рубеже XX–XXI вв.

Исследование проблемы. В новейшем российском законодательстве финансово-промышленную группу определяют как «совокупность юридических лиц, действующих как основное и дочерние общества, либо как компании, полностью или частично объединившие свои материальные и нематериальные активы (система участия) на основе договора о создании группы в целях технологической или экономической интеграции для реализации инвестиционных и иных проектов и программ, направленных на повышение конкурентоспособности и расширение рынков сбыта товаров и услуг, повышение эффективности производства, создание новых рабочих мест».¹

Несмотря на то, что все современные российские промышленно-финансовые объединения появились в постсоветский период, в условиях планово-распорядительной экономики СССР все-таки был накоплен определенный опыт построения и функционирования крупных объединений в недрах отраслевых союзных министерств газовой, авиационной, автомобильной промышленности и др. По своему размаху и формам они напоминали западные корпоративные структуры. У таких министерств, отраслевых ведомств и объединений имелась своя четко выстроенная структура с подведомственным производственным комплексом, материально-технической базой, научной и внутренней расчетно-финансовой системой. Следует признать, что в советский период старались (и не безуспешно!) эффективно концентрировать материальное производство, что впоследствии – уже в период рыночных отношений суверенной России – способствовало оперативному созданию ФПГ [20, с. 13–19, 23–27].

С развалом советской экономической системы в стране возникли серьезные экономические трудности: резкий спад во всех отраслях производства, безудержная инфляция, бартер в качестве взаиморасчетов между предприятиями, повсеместная невыплата заработной платы, чудовищное обнищание населения, др. Снижение народнохозяйственной роли потребителя, в свою очередь, сразу вело к сужению социальной базы рыночных реформ, к ухудшению материального положения семей, к нежеланию и невозможности людей планировать и делать крупные покупки промышленных товаров, к исчезновению у все большей части населения стимулов и мотивов для ссудо-сберегательных операций [21, с. 33–43].

¹ Собрание Законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 2.

Понятно, что в прошлом, в условиях плановой социалистической экономики поведение отечественных потребителей регулировалось государством путем распределения товаров и услуг, контроля над ценами. В переходный период от плановой к рыночной экономике в начале 1990-х гг. личное потребление должно было приобрести решающее значение для развития всего народнохозяйственного комплекса и его капитализации, поэтому при принятии решений государство и крупные производители должны были прежде всего учитывать интересы массовых потребителей, ежедневно покупающих и планирующих свои семейные бюджеты миллионов людей. Во многом от степени развития внутреннего потребительского рынка зависело будущее и тип экономики России [22, с. 30–33, 39–40].

В условиях, когда объем промышленного производства, в том числе ориентированного на массового потребителя, упал за первые два года суверенитета России на 1/3, ряд бывших союзных министерств, прежде всего занимавшихся энергоресурсами, были при поддержке государственной власти акционированы, как правило, малыми группами лиц, т.е. фактически форсировано перестроены «сверху» в коммерческие организации, которые вскоре все более и более обретали очертания западных ФПГ.

Указ Президента РФ от 2 ноября 1994 г. № 2057 «О создании с участием акционерных обществ “АвтоВАЗ” и “КамАЗ” Волжско-Камской автомобильной ФПГ» актуализировал необходимость «концентрации материальных и финансовых ресурсов, направленных на развитие отечественного автомобилестроения, повышение его экспортного потенциала и конкурентоспособности»¹. В этой связи важно было повысить капитализацию и укрепить производственные мощности крупных предприятий, создать технологические и сбытовые возможности их выхода на международные рынки. На высшем государственном уровне была велика уверенность в том, что именно приватизация станет ключевым катализатором оживления всей российской экономики.

Инициаторами акционирования таких двух крупных советских производств, как «АвтоВАЗ» и «КамАЗ», стали Правительство Республики Татарстан, Администрация Самарской области, Государственный комитет РФ по промышленной политике, Комитет РФ по машиностроению, Государственный комитет РФ по антимонопольной политике и поддержки новых экономических структур, Министерство экономики РФ, Государственный комитет по управлению государственным имуществом и другие заинтересованные министерства и ведомства².

Региональные власти в лице Правительства Республики Татарстан и Администрация Самарской области проявляли особый интерес в приватизации находящихся на их территории хозяйственных комплексов «АвтоВАЗа» и

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10200. Оп. 4. Д. 8844. Л. 7.

² ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 8844. Л. 7.

«КамАЗа», которые еще в советский период являлись локомотивами экономического развития среднего Поволжья. Таким образом, инициаторами приватизации были не только крупные государственные учреждения и новоявленные миллионеры, а также органы власти субъектов РФ и стоящие за ними местные элиты. Так складывалась система построения региональных ФПГ.

В 1990-е гг. возникали и межгосударственные ФПГ на основе старых технологических связей республик бывшего СССР. В экономическом отношении большинство областей в поздний советский период были связаны между собой тесными узами кооперации крупных производственных комплексов. Так, у предприятий РСФСР было много смежных предприятий в других союзных республиках. Полный разрыв этих производственно-кооперационных связей мог привести к коллапсу предприятий в новых суверенных постсоветских государствах, оставить население без работы, ослабить национальные бюджеты. Поэтому между Правительством РФ и правительствами бывших союзных республик заключались соглашения о создании межгосударственных или транснациональных ФПГ. Примеров такого рода было немало, один из них – корпорация «Илюшин», которая была создана в результате Соглашения между Правительством РФ и Правительством Республики Узбекистан от 24 июня 1995 г.¹ Другим примером создания межгосударственной ФПГ является образование концерна «Бел Рус Авто» в результате заключения Соглашения между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 30 сентября 1997 г.²

Многие производственные предприятия в 1990-е гг. стали обращаться за кредитами к коммерческим банкам в надежде на их помощь в деле выхода из кризисного состояния. Так происходило слияние банковского и промышленного капиталов.

Вместе с тем уровень концентрации банковского капитала в первой половине 1990-х гг. был значительно ниже промышленного. Сказывалось наследие мощных промышленных объединений, существовавших в СССР. Банковская сфера была в основном представлена небольшими банками с незначительным уставным капиталом. У многих банков, включаемых в систему ФПГ, изначально не было достаточного количества оборотных средств для полного финансирования той или иной промышленной группы в целом. Это и стало одной из причин возвышения и стабильного развития тех ФПГ, которые имели крупное промышленное ядро, их стали называть «государственными ФПГ».

В период второго этапа приватизации, начавшегося в 1996 г. и известного как «залоговые аукционы», наблюдалось активное стремление уже нескольких окрепших российских финансовых институтов к покупке государственных краткосрочных облигаций (ГКО). Последующая переориентация

¹ ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 1785. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 10058. Л. 30.

основного центра ФПГ от финансовых институтов к мощным промышленным производствам, как правило в энергетической сфере, было вызвано экономическим кризисом 1998 г. Поэтому многие ФПГ, у которых отсутствовала сильная промышленная база в виде крупных топливных и металлургических комплексов, попросту исчезли. Также последствием кризиса 1998 г. стало образование более крупных и масштабных групп, которые, как предполагалось тогда, в условиях предстоящих экономических катаклизмов могли бы быть менее уязвимы [23, с. 26–31].

Показательны примеры создания российских финансово-промышленных групп на основе бывших советских отраслевых министерств. Это, прежде всего, «Лукойл» и «Газпром». Не секрет, что в поздние годы Советского Союза наметились глубокие экономические преобразования, они коснулись и крупных технологических комплексов, в частности в нефтяной и газовой отрасли, которые в рамках «старой» министерской системы уже не могли эффективно функционировать. Так, из части союзного нефтегазового министерства был образован государственный нефтяной концерн, в состав которого вошли три крупных нефтеносных района «Лангепас», «Урай» и «Когалым» с соответствующей инфраструктурой, необходимой для добычи и переработки углеводородов. Это стало прологом к образованию финансово-промышленной группы «Лукойл». В результате последовавшей приватизационной компании 1994–1997 гг. у государства сохранилось лишь 1/4 часть акций компании «Лукойл» [24, с. 102].

Еще одной финансово-промышленной группой, образованной на основе бывшего советского отраслевого министерства, стала компания «Газпром». Министерство газовой промышленности в 1989 г. было реорганизовано в Государственный газовый концерн «Газпром». В 1992 г. компания была преобразована в Российское акционерное общество «Газпром». В январе 1997 г. «Газпром» стал холдинговой компанией.

Главным акционером «Газпрома» является государство, поскольку у него находится «блокирующий пакет» акций (35%), около 10% акций имеется в ведении самой компании, а остальными 55% владеют различные физические и юридические лица. Государство всемерно и тщательно контролирует «Газпром». Даже периодические реструктуризации РАО «Газпром» осуществляются под непосредственным руководством Правительства РФ¹. По существу, этот концерн является подведомственной хозяйственной структурой Правительства РФ.

Главным инициатором создания «Газпрома» в свое время выступил В.С. Черномырдин, задумавший в самом конце 1980-х гг. создать углеводородную корпорацию, отвечающую новым требованиям времени. Отнюдь не случайно в скором времени он сам ее и возглавил. В 1996 г. экспорт

¹ ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 8367. Л. 3.

«Газпромом» природного газа в страны дальнего зарубежья достиг почти 124 млрд. куб. м., что составило примерно треть мирового экспорта газа в тот период времени [25, с. 66].

В экономике России к началу XXI в. воочию происходило расширение государственного сектора за счет приобретения государственными (или с участием государства) финансово-промышленными группами пакетов акций частных компаний, «выстраивание» именно крупного бизнеса. В активе отечественных миллиардеров к середине 2000-х гг. уже находилось более 290 млрд долл., т. е. на 110 млрд больше, чем составлял федеральный бюджет России, скажем, в 2006 г. [26, с. 293].

Укрепление государственного контроля над стратегически важными секторами промышленности выходило в 2000-е гг. далеко за пределы нефтегазовой отрасли, где монопольно господствовали «Роснефть» и «Газпром». Так, в результате слияния РУСАЛа, СУАЛа и Glencore International AG появилась крупнейшая в мире компания – производитель алюминия и глинозема. Штат новой организации составил около 110 тысяч сотрудников в 17 странах на 5 континентах. Государственный Внешторгбанк, приобретя несколько частных банков, поглотив Гута-Банк, в результате стал одним из крупнейших игроков на российском рынке финансовых услуг. Внешторгбанк приобрел иностранные дочерние банки, принадлежавшие Центральному банку России. В авиастроительной промышленности имел место аналогичный процесс – частный производитель самолетов-истребителей ОАО «Иркут» вошел в состав крупного государственного консорциума «Объединенная авиастроительная корпорация». После слияния компаний «Совкомфлот» и «Новошип» образовалась «Объединенная судостроительная корпорация». А осенью 2007 г. была создана госкорпорация «Росатом» [27, с. 67–71]. Даже для организации и проведения Олимпийских игр 2014 года в г. Сочи была сформирована специальная госкорпорация.

Выводы. За сравнительно короткий период времени российским ФПГ удалось пройти сложный путь от простейших корпоративных структур до диверсифицированных финансово-промышленных объединений. Такой быстрый эволюционный путь обусловлен объективными экономическими и политическими реалиями, сложившимися на территории России в период конца XX – начала XXI вв.

От государственной политики в сфере ФПГ во многом к рубежу 2010-х гг. стало зависеть будущее российской экономики, возможность ее «вписывания» в мировой баланс сил в условиях объявленных Западом санкций, и в определенной мере формирование Россией направления и сути перспективных макроэкономических процессов глобализации. В тяжелых экономических условиях ФПГ стали донором финансовых средств для российской экономики. Самое яркое свидетельство тому – приватизация «Роснефти» в конце 2016 г.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10200. Оп. 4. Д. 8844.
ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 1785.
ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 8367.
ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 10058.
Собрание Законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Паппэ Я. Ш. «Олигархи»: Экономическая хроника, 1992–2000. М., 2000. 232 с.
- [2] Гребениченко С.Ф. Куда и почему идет Россия? // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 33–43.
- [3] Гребениченко С.Ф. К обновлению России! // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук в высшей школе. Сборник научных трудов. М., 2012. С. 65–75.
- [4] Grebenichenko D.K., Grebenichenko S.F. Consumer expectations: Russia has a long way to go // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 31–42.
- [5] Черников Г. П., Черникова Д.А. Людиивласть. Кто владеет Россией? М., 1998. 503 с.
- [6] Гребениченко С.Ф., Давыдов В.П. ПутинскаяРоссия. М., 2007. 367 с.
- [7] Давыдов В.П., Гребениченко С.Ф. Мировой кризис: «чужие» цели и интересы России // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2. С. 19–44.
- [8] Ильин М.С., Тихонов А.Г. Финансово-промышленная интеграция и корпоративные структуры: мировой опыт и реалии России. М., 2002. 287 с.
- [9] Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и российское государство. М., 1999. 350 с.
- [10] Олейник Т.В. Государство и формирование ведущих финансово-промышленных групп России (1993–1997 гг.): к истокам взаимоотношений // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 118–123.
- [11] Курбатова М.В., Кислицын Д.В. Интегрированная бизнес-группа как основная форма существования российского крупного бизнеса // Вестник КемГУ. 2008. № 2. С. 238–244.
- [12] Цветков В.А. Специфические особенности национальной модели рыночной экономики // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 2–11.
- [13] Хлебцевич К.В. Олигархический капитал и становление политической системы Российской Федерации (1993–1999 гг.) // Наука и школа. 2009. № 6. С. 77–78.
- [14] Измайлова М.А. Исторический и мировоззренческий аспекты эволюции корпоративных структур // Научно-теоретический журнал. 2013. № 6. С. 150–156.
- [15] Проколова О.В., Курченков В.В. Тенденция развития корпоративных отношений в российской экономике // Региональная экономика. Юг России. 2008. № 9. С. 154–163.
- [16] Николаева И.П., Кривопапов В.А. Финансово-промышленная олигархия как социально-экономическая категория, ее сущность, цели и функции // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2006. № 5. С. 44–50.
- [17] Ашванян С.К. Транснационализация российского капитала // Экономические науки. 2004. № 283. С. 105–109.
- [18] Беляева И.Ю., Эскиндаев М.А. Капитал финансово-промышленных корпоративных структур: теория и практика. М., 2001. 399 с.

- [19] *Мухин А.А.* Бизнес-элита и государственная власть: Кто владеет Россией на рубеже веков? М., 2001. 190 с.
- [20] *Гребениченко С.Ф., Давыдов В.П.* Россия на пути в цивилизацию: проблемы и перспективы. Политологические очерки. Челябинск, 1992. 71 с.
- [21] *Гребениченко С.Ф.* Куда и почему идет Россия? // Социологические исследования. М. 1999. № 7. С. 33–43.
- [22] *Grebenichenko D.K., Grebenichenko S.F.* Consumer expectations: Russia has a long way to go // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 31–42.
- [23] *Давыдов В.П., Гребениченко С.Ф.* Мировой кризис: «чужие» цели и интересы России // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2. С. 19–44.
- [24] *Паннэ Я.Ш.* «Олигархи»: Экономическая хроника, 1992–2000. М., 2000. 232 с.
- [25] *Черников Г.П., Черникова Д.А.* Люди и власть. Кто владеет Россией? М., 1998. 503 с.
- [26] *Гребениченко С.Ф., Давыдов В. П.* Путинская Россия. М., 2007. 367 с.
- [27] *Гребениченко С.Ф.* К обновлению России! // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук в высшей школе. Сборник научных трудов. М., 2012. С. 65–75.

ESTABLISHMENT OF FINANCIAL-INDUSTRIAL GROUPS IN RUSSIA AT THE TURN OF THE 20TH–21ST CENTURIES

Sergei A. Lutoshkin¹

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

The article deals with the process of creating financial-industrial groups (FIGs) in the Russian Federation at the turn of the 20th – 21st centuries. It analyzes the historical specificity of the formation of large industrial and financial associations in the post-Soviet period. The structure and mechanism of FIGs functioning are considered there. The author shows in detail the main stages of FIGs development, which were caused by the objective economic and political processes in the country.

Despite the fact that all modern Russian industrial and financial associations appeared in the post-Soviet period, under the conditions of the USSR planned economy there was amassed some experience of construction and operation of large associations within the Soviet ministries of gas, aviation, automotive and other industries. In their scope and forms they resembled Western corporate structures. It was such an industrial base which formed the basis of Russian FIGs. There are bright examples of creating Russian financial-industrial groups on the basis of the former Soviet sectoral ministries – “Lukoil” and “Gazprom”. Among other things, FIGs were based on large commercial banks, that is public and private associations. Besides, the article describes the regional and interstate financial and industrial groups, as well as public corporations, which appeared in the 2000s.

Within a relatively short period of time, Russian FIGs managed to pass a difficult path from the simplest corporate structures to diversified financial-industrial associations. At the turn of the 2010s, it was the state policy in the field of FIGs which largely influenced

¹ E-mail address: moto-man@mail.ru (S.A. Lutoshkin).

the future of the Russian economy, its opportunity to “fit” in the world balance of forces in the conditions of the sanctions declared by the West, and, to some extent, Russia’s formation of the direction and essence of perspective macroeconomic processes of globalization. In the difficult economic conditions, FIGs became a donor of funds for the Russian economy.

Key words: financial-industrial groups, public corporation, bank capital, “Gazprom”, “Lukoil”

REFERENCES

- [1] Pappe Ya.Sh. *«Oligarkhi»: Ekonomicheskaya khronika, 1992–2000*. Moscow, 2000.
- [2] Grebenichenko S.F. Kuda i pochemu idet Rossiya? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1999; 7:33–43 (in Russian).
- [3] Grebenichenko S.F. K obnovleniyu Rossii! *Aktual’nye problemy prepodavaniya gumanitarnykh nauk v vysshei shkole. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 2012, pp. 65–75 (in Russian).
- [4] Grebenichenko D.K., Grebenichenko S.F. Consumer expectations: Russia has a long way to go. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998; 2:31–42.
- [5] Chernikov G.P., Chernikova D.A. *Lyudi i vlast’. Kto vladeet Rossiei?* Moscow, 1998 (in Russian).
- [6] Grebenichenko S.F., Davydov V.P. *Putinskaya Rossiya*. Moscow, 2007 (in Russian).
- [7] Davydov V.P., Grebenichenko S.F. Mirovoi krizis: «chuzhie» tseli i interesy Rossii. *Sotsial’no-gumanitarnyeznaniya*. 2009; 2:19–44 (in Russian).
- [8] Il’in M.S., Tikhonov A.G. *Finansovo-promyshlennaya integratsiya i korporativnye struktury: mirovoi opyt i realii Rossii*. Moscow, 2002 (in Russian).
- [9] Peregudov S.P., Lapina N.Yu., Semenenko I.S. *Gruppy interesov i rossiiskoe gosudarstvo*. Moscow; 1999 (in Russian).
- [10] Oleinik T.V. Gosudarstvo i formirovanie vedushchikh finansovo-promyshlennykh grupp Rossii (1993–1997 gg.): k istokam vzaimootnoshenii. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2009; 3:118–123 (in Russian).
- [11] Kurbatova M.V., Kislitsyn D.V. Integrirovannaya biznes-gruppa kak osnovnaya forma sushchestvovaniya rossiiskogo krupnogo biznesa. *Vestnik KemGU*. 2008; 2:238–244 (in Russian).
- [12] Tsvetkov V.A. Spetsificheskie osobennosti natsional’noi modeli rynochnoi ekonomiki. *Voprosy ekonomiki*. 2010; 2:2–11 (in Russian).
- [13] Khlebtsevich K.V. Oligarkhicheskii kapital i stanovlenie politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii (1993–1999 gg.). *Naukaishkola*. 2009; 6:77–78 (in Russian).
- [14] Izmailova M.A. Istoricheskii i mirovozzrencheskii aspekty evolyutsii korporativnykh struktur. *Nauchno-teoreticheskiizhurnal*. 2013; 6:150–156 (in Russian).
- [15] Prokopova O.V., Kurchenkov V.V. Tendentsiya razvitiya korporativnykh otnoshenii v rossiiskoi ekonomike. *Regional’naya ekonomika. Yug Rossii*. 2008; 9:154–163 (in Russian).
- [16] Nikolaeva I.P., Krivopalov V.A. Finansovo-promyshlennaya oligarkhiya kak sotsial’no-ekonomicheskaya kategoriya, ee sushechnost’, tseli i funktsii. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2006; 5:44–50 (in Russian).

- [17] Ashvanyan S.K. Transnatsionalizatsiya rossiiskogo kapitala. *Ekonomicheskie nauki*. 2004; 283:105–109 (in Russian).
- [18] Belyaeva I.Yu., Eskindaov M.A. *Kapital finansovo-promyshlennykh korporativnykh struktur: teoriya i praktika*. Moscow; 2001 (in Russian).
- [19] Mukhin A.A. *Biznes-elita i gosudarstvennaya vlast': Kto vladeet Rossiei na rubezhe vekov?* Moscow, 2001 (in Russian).
- [20] Grebenichenko S.F., Davydov V.P. *Rossiia na puti v tsivilizatsiyu: problem i perspektivy. Politologicheskie ocherki*. Chelyabinsk, 1992 (in Russian).
- [21] Grebenichenko S.F. Kuda i pochemu idet Rossiya? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1999; 7:33–43 (in Russian).
- [22] Grebenichenko D.K., Grebenichenko S.F. Consumer expectations: Russia has a long way to go. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998; 2:31–42.
- [23] Davydov V.P., Grebenichenko S.F. Mirovoi krizis: «chuzhie» tseli i interesy Rossii. *Sotsial'no-gumanitarnyeznaniya*. 2009; 2:19–44 (in Russian).
- [24] Pappé Ya.Sh. «Oligarkhi»: *Ekonomicheskaya khronika, 1992–2000*. Moscow; 2000.
- [25] Chernikov G.P., Chernikova D.A. *Lyudiivlast'. Kto vladeet Rossiei?* Moscow; 1998 (in Russian).
- [26] Grebenichenko S.F., Davydov V.P. *Putinskaya Rossiya*. Moscow, 2007 (in Russian).
- [27] Grebenichenko S.F. K obnovleniyu Rossii! *Aktual'nye problemy prepodavaniya gumanitarnykh nauk v vysshei shkole. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 2012, pp. 65–75 (in Russian).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-81-96

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В США В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1950-Е ГГ.)

А.А. Головкин¹

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В данной статье выявляются особенности нового миграционного законодательства США и степень влияния принятых норм на прибывших в послевоенный период в страну русских эмигрантов, показана зависимость адаптации мигрантов в социум страны-реципиента от политики правительства принимающей стороны. Статья написана на основе опубликованных источников из библиотеки и Бахметьевского архива русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета США, а также эмигрантских газет – «Наше время», «Новое русское слово», «Россия» – периода 1949–1950-х гг.

Ключевые слова: миграционное законодательство, беженцы, перемещенные лица, ДиПи

Введение. История русской эмиграции в США представляет собой одну из важных страниц в истории российского зарубежья XX в. Данная тема включает в себя историю судьбы его представителей, юридический статус эмигрантов, а также вопросы социализации и адаптации русских эмигрантов в социум.

В системе российского зарубежья американская диаспора занимает особое место по причине статуса крупнейшего центра русской эмиграции. На протяжении всего XX в. в США устремлялись миграционные потоки выходцев из России: сначала трудовые мигранты из Российской империи, послереволюционная эмиграция, далее Ди-Пи² и представители европейского и дальневосточного зарубежья [1], затем – политические и экономические эмигранты из СССР. Большинству из них, независимо от стартовых позиций, вхождение в американскую жизнь давалось нелегко. Одним из важнейших компонентов процесса адаптации выходцев из России в США являлся их правовой статус.

¹ Электронный адрес: 7141321@mail.ru (А.А. Головкин).

² Перемещенное лицо (Ди Пи от англ. displaced person) – лицо, внешними обстоятельствами (такими, как война или стихийное бедствие) вынужденное покинуть место постоянного проживания. Термин «перемещенные лица» лег в основу понятия «беженец», закрепленного в Уставе УВКБ ООН и Конвенции 1951 г. о статусе беженцев. в 1945–1950-е гг.

Актуальность изучения исторического опыта правовой адаптации русских эмигрантов в США определяется положением страны в структуре миграционных волн XX в. Америка наряду с Германией и Израилем занимала и занимает лидирующие позиции как страна-реципиент русских эмигрантов [1, с. 42].

Применение опыта правовых институтов адаптации изучаемой группы эмигрантов может помочь в совершенствовании миграционного законодательства России в XXI в. в условиях возрастания миграционных потоков в Российскую Федерацию.

В данной статье автор предпринимает попытку исследовать правовое положение русских эмигрантов, его обусловленность особенностями миграционного законодательства США в послевоенный период, а именно в 1945–1950-х гг.

В статье, в соответствии со сложившейся в отечественной, эмигрантской и западной историографии терминологией, употребляются понятия «русская эмиграция», «российская эмиграция», «зарубежная Россия» и т.п. При этом определение «русский» берется в кавычки, чтобы подчеркнуть факт принадлежности эмигрантов к числу бывших подданных Российской империи и граждан Советского Союза, а отнюдь не их национальность, поскольку среди беженцев и перемещенных лиц были не только собственно русские, но и представители других национальностей.

С конца 1980-х гг. начинают формироваться новые подходы к изучению истории зарубежной России, вопросов внутренней жизни эмигрантских диаспор, их правовой адаптации. Данная тенденция проявилась в работах А.Л. Афанасьева [2], В. Костикова [3], В. Александрова [4], а также в трудах Г. Башкирова и Г. Васильевой [5], Г. Литвиновой [6], посвященных судьбам российских эмигрантов в США.

Важным вкладом в историю Русской Америки стали исследования Н.Н. Болховитинова [7] и подготовленный под его редакцией труд «История Русской Америки (1732–1867 гг.)» [8], в котором «не только раскрывается существенный аспект истории российского колонизаторского движения дореволюционной эпохи, но и обосновывается ряд важных теоретических положений по данной проблеме» [8, с. 9–10].

В начале 1990-х гг. сформировалось несколько центров по изучению истории российской диаспоры: в Институте российской истории РАН под руководством академика Ю.А. Полякова, на историческом факультете МГУ под руководством профессора Е.И. Пивовара, в РУДН, Институте всеобщей истории РАН. Их сотрудниками в течение ряда лет был осуществлен комплекс научных исследований на основе современных научных подходов, в которых в том числе анализировались проблемы правовой, социально-экономической и культурной адаптации российских эмигрантов в США в период холодной войны [9–11]. Исследовались также проблемы адаптации различных социальных и профессиональных групп российской эмиграции. В частности, в трудах В.Ф. Ершова, посвященных военному зарубежью, раскрывается специфика правового положения российских военных эмигрантов [12].

В работах Е.И. Пивовара, О.А. Грибенчиковой, М.К. Шацилло и других авторов ставится вопрос о процессах адаптации мигрантов-предпринимателей, проблемах банковских счетов, активов и имущества Российской империи на территории США [13–16].

Ряд аспектов темы российского зарубежья 1945–1960-х гг., включая вопросы правовой адаптации российских эмигрантов в США, получил освещение в монографиях, посвященных анализу феномена зарубежной России в целом. Среди них следует выделить коллективный труд «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом», подготовленный Центром теоретических проблем исторической науки МГУ под руководством Е.И. Пивовара [17].

Важный вклад в изучение данной проблемы вносят исследования Г.В. Мелихова [18], Э.Л. Нитобурга [19–22], А.Б. Ручкина [23], Т.И. Ульянкиной [24] и др., в которых раскрываются многие существенные аспекты количественной и качественной динамики русской диаспоры в США в XIX–XX вв.

Особенности правовой и социальной адаптации российских эмигрантов на Тихоокеанском побережье США нашли отражение в статьях и монографиях А.А. Хисамутдинова [25–27].

Данная статья подготовлена на основе опубликованных источников из библиотеки и архива Бахметьева Колумбийского университета США, а также эмигрантских газет «Наше время», «Новое русское слово», «Бюллетеня Лиги борьбы за народную свободу», «Россия» периода 1949–1970-х гг.

Исследование проблемы. Проблема правовой адаптации русской эмиграции в США в послевоенный период была тесным образом связана с миграционным законодательством страны-реципиента. Регламентация юридического статуса мигрантов, получение гражданства, прав на медицинскую и социальную помощь, возможность трудоустройства и в конечном итоге возможности интеграции мигранта в общество – все это определяется законом и политикой властей принимающей стороны.

На завершающем этапе Второй мировой войны перед правительствами США, СССР и Великобритании встал вопрос о судьбах миллионов перемещенных лиц, находившихся в качестве военнопленных или рабочей силы из разных стран на территории Германии и других государств Европы. Поэтому на состоявшейся в феврале 1945 г. Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании в числе многих других решалась и проблема договоренности о процедуре репатриации военнопленных и гражданских перемещенных лиц на свою родину¹ [30, с. 264]. А еще в ноябре 1943 г.

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, 4–11 февраля 1945 г. С. 264.

делегации 44 стран, собравшиеся в Вашингтоне, подписали соглашение о создании Администрации помощи и восстановления при Объединенных нациях (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – UNRRA) [15, с. 158].

По окончании войны в Европе оказалось более 11 млн перемещенных лиц, среди которых около 5,5 млн человек – советские граждане. Военные власти в этих зонах и сотрудники UNRRA способствовали скорейшей репатриации военнопленных и гражданских ДиПи. В результате к концу октября 1945 г. из западных оккупационных зон в районы, находившиеся под советским контролем, были переданы уже более 2 млн граждан СССР [28, с. 343], часть из них осталась за рубежом.

Обычным гражданским беженцам разрешалось остаться на Западе. Из Вашингтона в Европу эта политическая установка поступила в качестве директивы Мак-Нарни-Кларка в декабре 1945 г., за которой последовала директива Г. Трумэна о приоритетном праве въезда в США более 40 тыс. беженцев Второй мировой войны.

В связи с окончанием осенью 1945 г. массовой репатриации миллионов ДиПи, началом холодной войны и ростом политических противоречий между бывшими союзниками созданная в годы войны UNRRA перестала отвечать интересам США. Именно поэтому, как отметили Д. Лошер и Д. Скэнлэн, в конце 1946 г. США предприняли в ООН меры к ликвидации UNRRA, отказавшись ее финансировать [29, с. 15].

В то же время, взяв на себя основную долю расходов по финансированию программы расселения «беженцев от коммунизма», Вашингтон и Лондон добились согласия на создание специальной организации для практической реализации этой программы со стороны большинства стран-членов ООН. 15 декабря 1946 г. ООН утвердила конституцию Международной организации по делам беженцев (IRO) [30, с. 111–112].

По мнению Д. Лошера и Д. Скэнлэна, администрация Трумэна, осуществляя замену UNRRA на IRO, превратила проблему беженцев в аспект холодной войны. Это происходило постепенно, по мере ухудшения советско-американских отношений и нарастания холодной войны. В конце 1946 г. вопрос о судьбе ДиПи стал серьезной проблемой в отношениях между Востоком и Западом [29, с. 14–15]. А. Бускарен замечает, что США помогали решать трудности с расселением перемещенных лиц исходя из идеологических и иных соображений [31, с. 4]. Эмигрантское сообщество тем временем предлагало правительству США создавать центры по изучению СССР (Институт по изучению России) из специалистов – бывших русских ДиПи, указывая и на возможные источники финансирования центров – фонд Рокфеллера и институт Карнеги [32, с. 3].

В частности, фонд Рокфеллера в дальнейшем субсидировал Русский институт при Колумбийском университете (так, в 1961 г. на исследование основ-

ных проблем советского общества фондом было выделено институту 300 тыс. долларов)¹.

До войны допуск в США беженцев никогда не был объектом специального законодательства. Как и другие иммигранты, они допускались в США на общих условиях иммиграционных законов 1917 и 1924 г., основанных на отборе иммигрантов в соответствии с их «расой и национальностью ради сохранения этнического равновесия» населения США. Первым шагом к грядущим переменам в этой политике стала директива Трумэна от 22 декабря 1945 г. Президент своим указом предписал 90% въездных виз в США, предназначенных в рамках квот для стран Центральной и Восточной Европы, предоставить ДиПи, находившимся в оккупационных зонах США. На основе этой директивы в 1946–1948 гг. в США въехало 40 324 беженцев².

В 1946 г. Г. Трумэн заявил, что намерен добиваться принятия специального закона о допуске на постоянное жительство в США беженцев из числа ДиПи вне рамок иммиграционных квот. В поддержку инициативы президента выступил Гражданский комитет по вопросу о ДиПи и Министерство труда, заверявшие общественность, что страна легко абсорбирует 400 тыс. беженцев без угрозы безработицы³.

24 июня 1948 г. Конгресс США после длительных дискуссий принял Закон о перемещенных лицах, ставший поворотным пунктом в иммиграционной политике страны. Фактически он впервые в XX в. ослабил жесткое ограничительное американское законодательство в этой сфере и резко увеличил приток в Америку переселенцев из других стран. Кроме того, он также впервые обещал переселенцам возможности для расселения, включая работу и жилье, а также обширную систему общественных и частных учреждений социального обслуживания с целью помочь новым американцам адаптироваться.

Закон разрешал допуск в США, помимо квотных иммигрантов, в течение последующих двух лет около 247,4 тыс. беженцев. При этом устанавливался критерий их отбора: не менее 30% виз предоставлялись лицам, занятым до войны в сельском хозяйстве, строительстве; во вторую группу входили люди специальных профессий и особой квалификации, а в третью – кровные родственники американских граждан. Внутри этих трех групп приоритет отдавался тем, кто сражался во Второй мировой войне против врагов США,

¹ Дотации Рокфеллеровского Фонда // Новое русское слово. Нью-Йорк. 17 августа 1961 г. № 17. С. 2 [Dotatsii Rokfellerovskogo Fonda. *Novoe russkoe slovo*. New-York. 1961 August 17:17 (in Russian)].

² Statistical Yearbook of the Immigration and Naturalization Service. Washington. 1981. P. 26.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, 4–11 февраля 1945 г. С. 5.

и их семьям¹. В это же время в эмигрантской прессе выходили большие статьи о «золотом фонде» ДиПи, обосновывалась ценность человеческих ресурсов для экономики, культуры и идеологической работы бывших беженцев в США [29, с. 3]. Кроме того, звучали призывы усилить давление на общественное мнение и государственные институты США, чтобы увеличить помощь в переселении русских беженцев [30, с. 7].

В 1950 и 1951 г. были приняты поправки в закон о перемещенных лицах, ликвидировавшие дискриминационные оговорки в отношении евреев и католиков, и увеличившие число допускаемых по нему в США беженцев до 415 744 человек, в том числе до 340 тыс. ДиПи [31, с. 367]. Многие из ДиПи, спасая свою жизнь, выдавали себя не за советских граждан и тем более не за русских, для чего им приходилось менять свои персональные данные, подтверждая это фиктивными документами [26, с. 423].

С осени 1948 г., после принятия в США Закона о перемещенных лицах, темпы переброски их через океан, особенно в США, резко возросли. В результате с 1 июля 1947 г. по 31 декабря 1951 г. по Программе помощи ИРО «беженцам от коммунизма» в США было расселено 328 тыс. человек (31,7% от общего состава). Из СССР в этом переселении приняло участие (не считая лиц, изменивших имя и гражданство по фиктивным документам) 41 300 человек, в том числе 15.600 человек переехало в США [31, с. 365]. Большинство этих людей (78,2%) разместили в десяти штатах: Нью-Йорк, Пенсильвания Массачусетс, Иллинойс, Мичиган, Нью-Джерси, Калифорния, Висконсин Огайо, Коннектикут². По официальным данным, с середины 1947 по конец 1951 г. в США при помощи ИРО было доставлено и расселено практически по всем штатам не менее 137,7 тыс. советских невозвращенцев [34, с. 437].

Однако в действительности численность бывших советских граждан, допущенных за указанные четыре с половиной года в США, была, несомненно, выше официальной, ибо тысячи их приехали по фиктивным документам и, по словам И. Дугаса и Ф. Черона, долгие годы старались не признаваться, что они советские, выдавая себя за поляка, прибалта и т.д. [28, с. 392–393]. Тем более что в наступившую в 1950-х гг. в США эпоху маккартизма рядовые американцы чуть ли не в каждом уроженце СССР, по свидетельству А.Л. Толстой, «видели коммуниста» и «агента России» [35, с. 56].-

Таким образом, в соответствии с Законом о ДиПи 1948 г. правительство США взяло на себя ответственность за создание условий для включения нескольких сотен тысяч иностранных граждан в американскую экономику и

¹ Советский Союз на международных конференциях... С. 141.

² Statistical Yearbook of the Immigration and Naturalization Service. Washington. 1981. P. 26.

их социальную и правовую адаптацию. Для этих целей в штатах были созданы местные комиссии и комитеты¹.

Важную роль в процессе правовой адаптации эмигрантов играли общественные организации и фонды. Прежде всего это Толстовский фонд, который взял на себя ответственность за прием и расселение русских ДиПи и оказание им правовой поддержки и помощи в консультировании [35, с. 276]. Данную работу осуществляли также Федерация русских благотворительных организаций в США, Объединенная служба новых американцев, православные и протестантские группы при поддержке Восточно-Европейского фонда и Фонда Форда. Всего существовало 19 аккредитованных при Комиссии по ДиПи американских общественных организаций, взявших на себя обязательства по финансированию и оказанию помощи в доставке беженцев к их месту жительства и адаптации к американскому образу жизни [34, с. 414].

Заметную работу по облегчению процесса адаптации вновь прибывших мигрантов осуществляли фонды поддержки Домов для престарелых русских эмигрантов, поддержки детей эмигрантов, фонд помощи русским военным инвалидам, Американско-русский союз помощи, Фонд помощи лицам, пострадавшим от коммунизма, Общество помощи русским военным и др. В регулярно публикуемых отчетах фонды указывали фамилии жертвователей, а также общие суммы собранных средств [36, с. 3].

Профессиональные фонды эмигрантов, такие, как Общество русских инженеров, Общество русских врачей, Литературный фонд, кроме проведения профессиональных мероприятий, оказывали поддержку и консультирование эмигрантов в рамках их профессиональной принадлежности. Многие русские инженеры – эмигранты послереволюционной волны – стали предпринимателями (Понятов А.М., Зароченцев М.Т., Сикорский И.И., Зворыкин В.К.). Расцвет их бизнеса пришелся на послевоенное время и связан был с развитием новых технологий. Кадры для своих предприятий они отбирали в том числе с помощью таких профессиональных общественных объединений. Не удивительно, что большинство сотрудников в конструкторских отделах были русского происхождения [36].

Литературный фонд регулярно освящал свою деятельность в русскоязычной прессе США, публикуя отчеты, письма жертвователей и заметки об адресной помощи писателям-эмигрантам. Из послевоенной литературной эмиграции отметим писателей В.С. Варшавского, Р.Б. Гуля, А.А. Кондратьева, И.В. Чиннова, Н.Н. Воробьева, С.А. Левицкого, литератора, критика и издателя «Новой газеты» М. Слонима, литературовед Г.П. Струве, обращавшихся за помощью в данный фонд².

¹ Советский Союз на международных конференциях... С. 414.

² 45 сбор литературного фонда // Новое русское слово. Нью-Йорк. 10 января 1963 г. № 18. С. 3.

Вопрос принятия гражданства являлся краеугольным камнем в рамках проблемы правовой адаптации русских эмигрантов в послевоенный период. Если у эмигрантов начала XX в. и послереволюционной эмиграции проблема принятия гражданства являлась либо малозначительной, либо дискуссионной, то для послевоенных эмигрантов вопрос принятия гражданства становился важным, осознанным этапом их адаптации и натурализации. Бывшие беженцы скорее пытались подать документы на гражданство, поскольку натурализованные граждане имели массу преференций над иностранцами (в том числе право занимать государственную и частную должность, право на социальную поддержку в области медицинского обслуживания и образования, право иметь загранпаспорт и соответственно защиту со стороны государства во время заграничных поездок, право голосовать, право быть присяжным и т.д.).

Статус беженца уже являлся первым этапом на пути к получению гражданства. Следующим этапом было получение вида на жительство. Именно после войны, в 1946 г., появляются широко известные «green card», удостоверение резидента США. Заключительным же этапом на пути к гражданству являлось собеседование, экзамен на знание языка и истории США, а также присяга в суде. После успешного выполнения этих процедур проситель становился полноправным гражданином США и получал соответствующие документы.

Не все проходило гладко. Например, юристу и публицисту М.В. Вишняку во время собеседования на получение гражданства представители ФБР задали вопрос: «состоял ли он в партии Керенского» и, получив утвердительный ответ, последовал дополнительный вопрос: «Значит, вы марксист?». Попытки разубедить «специалистов по русским делам» в антимарксистской направленности его партии, равно как и отписки из Большой Советской Энциклопедии, характеризующей подателя документов не иначе как «активного белогвардейца» и «неизменного врага Советской власти», не помогли убедить комиссию, и предоставление гражданства было отложено на год [23, с. 280].

Списки русских эмигрантов, успешно прошедших испытания и получивших гражданство, регулярно публиковались в эмигрантской прессе в отдельных колонках, что говорит о важности данного этапа правовой адаптации мигранта¹.

Эмигрантская периодика играла также важную роль в процессе правовой адаптации русских эмигрантов – прежде всего как источник информации. Так, в каждом номере ежедневной русскоязычной газеты «Наше время» публиковались объявления с инструкциями о регистрации вновь прибывающих иностранных граждан, сведения о получении гражданства (существовала

¹ Новые граждане // Новое русское слово. Нью-Йорк. 11 января 1963 г. № 18.204. С. 3; Новое русское слово. Нью-Йорк. 21 января 1963 г. № 18.214. С. 5.

постоянно обновляемая рубрика «Как стать гражданином Соединенных Штатов»), объявления с координатами фондов помощи беженцам, отчеты благотворительных организаций и др.¹

Предвыборная агитация на страницах эмигрантской печати (главным образом за кандидатов от Республиканской партии) с подробными биографиями, программами кандидатов (и разъяснением пользы данного кандидата для русской диаспоры) на выборах различного уровня играла свою роль в процесс идентификации эмигранта как гражданина США, способного влиять на политику и будущее государства [37, с. 3].

Ключевое значение в процессе оформления юридического статуса иммигранта имело знание им английского языка. В процессе получения гражданства умение читать, писать и изъясняться на английском языке было обязательным требованием. Помощь в деле изучения языка иностранцам оказывали специальные центры и курсы. Так, специализированный языковой центр для русских эмигрантов в Нью-Йорке предлагал усиленные дневные языковые курсы, а также вечерние курсы, курсы выходного дня, делового английского, встречи слушателей для практического общения и т.д.²

Говоря в целом об адаптации беженцев, обратимся к итоговому отчету 1952 г. Комиссии по перемещенным лицам, где приводятся фрагменты отзывов двух общественных организаций, помогавших расселению ДиПи в США. В одном из них говорилось: «Множество талантливых людей, переселенных на наши берега, представляют для свободного мира нечто такое, что невозможно оценить ни в статистическом, ни в денежном выражении...». В другом отмечалось: «По имеющимся сведениям, спонсируемые нами перемещенные лица не только становятся полезными гражданами США, но к тому же большинство бывших советских граждан, расселенных практически в каждом штате, в разговорах, своих лекциях, статьях в газетах ... распространяют антикоммунистическую пропаганду... Поэтому польза от этих перемещенных лиц из СССР, противодействующих коммунистической пропаганде в США, несомненна. Не приходится говорить и о символическом значении проявляемой дружбы к русским людям, бежавшим от развязанного их правительством террора» [35, с. 239].

К этому времени маховик холодной войны между Западом и Востоком уже быстро набирал обороты. Закон о перемещенных лицах 1948 г. был в 1950 и 1951 г. дополнен законами, продлившими срок его действия до середины 1952 г. и увеличившими число допускаемых в США вне квотных рамок ДиПи и беженцев почти вдвое – до 400 тыс. [34, с. 411].

¹ Наше Время. Нью-Йорк. 15–16 января 1960 г. № 423. С. 3–4; Наше Время. Нью-Йорк. 10–11 июля 1959 г. № 403. С. 2.

² Новый учебный центр. English as a second language // Новое русское слово. Нью-Йорк. 27 января, 1963 г. № 18.220. С. 3.

Видимо, тогда же в Вашингтоне созрело решение о создании новых механизмов, призванных в дальнейшем обеспечивать проведение политики, осуществлявшейся с помощью IRO, поскольку срок полномочий последней был ограничен 1951 г. По решению ООН от 28 июля 1951 г. была заключена конвенция о статусе беженцев, распространявшая практику IRO на всех лиц, спасавшихся бегством «от событий, имевших место в их стране до 1 января 1951 года». По этой конвенции беженцам и апатридам предоставлялись более значительные права, особенно в области трудовых отношений и передвижения, чем те, которыми до войны располагали обладатели паспорта Нансена¹ [25, с. 69].

В 1950 г. Конгресс принял Закон о внутренней безопасности, известный как Закон П.А. Маккарэна, предусматривавший депортацию из США любого лица, связанного с мировым коммунистическим движением.

Примерно к этому же времени определился исход длительного спора между сторонниками либерализации американской иммиграционной системы и рестрикционистами – сторонниками жестких ограничений в ней. В 1946 г. во главе юридического комитета Сената стал сенатор-демократ П.А. Маккарэн, который в 1950 г. представил Конгрессу проект закона об иммиграции, олицетворявший позицию рестрикционистов. Дебаты вокруг него, проходившие на фоне дальнейшего обострения холодной войны, привели к тому, что как рестрикционисты, так и их противники договорились, что новое иммиграционное законодательство должно исходить из факта идеологического и силового противоборства США с СССР. Результатом стало принятие 27 июня 1952 г. Закона Маккарэна-Уолтера об иммиграции и гражданстве, который американский исследователь Р. Дивайн назвал «триумфом национализма в американской внешней политике» [33, с. 190].

Несмотря на ряд появившихся в нем новых элементов, этот продукт начавшейся в США эпохи маккартизма, сведя воедино ряд положений базовых иммиграционных законов 1917 и 1924 г., сохранял ограничения, основанные на стране происхождения и расово-национальных принципах отбора иммигрантов. Кроме того, введенная в 1940 г. в связи с войной в Европе практика регистрации иностранцев теперь стала законодательно утвержденной и постоянной. С 1952–1981 гг. с них при въезде в США брали отпечатки пальцев. Был пересмотрен также и порядок натурализации иммигрантов².

Поскольку к середине 1952 г. IRO практически завершила свою деятельность, а приток беженцев от коммунизма из-за «железного занавеса» продолжался, Г. Трумэн 21 августа 1952 г. обратился к Конгрессу с просьбой решить

¹ Нансеновский паспорт – международный документ, который удостоверял личность держателя, впервые начал выдаваться Лигой Наций для беженцев без гражданства.

² US Department of Justice. *An Immigrant Nation: United States Regulation of Immigration, 1798–1991*. Washington. 1991. P. 19.

вопрос о допуске в США еще 300 тыс. беженцев вне рамок постоянных иммиграционных квот. Но соответствующий Закон о помощи беженцам от 7 августа 1953 г. был принят Конгрессом уже при администрации президента Д. Эйзенхауэра. Таким образом, к этому времени, по словам Р. Дивайна, использование иммиграционной политики стало признанной частью американской внешней политики в продолжавшейся энергичной борьбе с СССР [30, с. 145].

Принятые Конгрессом в 1954–1959 гг. еще три закона, дополнившие Закон 1953 г., определяли основы политики Вашингтона в вопросе о беженцах в тот период. Теперь вопрос о допуске беженцев в США отделили от общей «квотной» иммиграции; в страну допускались только политические «беженцы от коммунизма» при условии гарантии помощи им в обустройстве на месте со стороны общественных организаций, так как от правительства они ее не получали [38, с. 77–78].

Всего по Закону о помощи беженцам 1953 г. и дополнившим его законам, принятым в период с 1954 по 1970 гг., в качестве беженцев в США прибыло около 7 тыс. лиц «русского происхождения»¹.

Выводы. Анализ иммиграционного законодательства США 1945–1950-х гг. показал, что в условиях остро стоявшего вопроса о международном статусе беженцев в послевоенной Европе (более 11 млн человек) американские законодатели приняли специальный закон о ДиПи в 1948 г., не только либерализующий в целом иммиграционное законодательство, но и впервые гарантировавший беженцам помощь в расселении, поиске работы и адаптации. С этой целью в Европе была создана организация по делам беженцев IRO, в США – Комиссия по делам ДиПи, которая вместе с общественными организациями занималась выдачей виз мигрантам, а также вопросами их дальнейшего расселения и социализации. Об эффективности созданной модели работы с беженцами и их успешной адаптации свидетельствуют отчеты Комиссии по делам ДиПи и возростающий уровень переселенцев. Благодаря принятым в 1940–1950-е гг. в США иммиграционным законам о беженцах на территорию этой страны прибыло более 144 тыс. советских невозвращенцев, успешно расселившихся и получивших работу. Здесь оказались также и представители первой волны эмиграции – А.И. Деникин, экономист А.Д. Билимович, философ-богослов Г.Б. Флоровский, историки С.Г. Пушкарев и Н.С. Арсеньев, биолог М.М. Новиков, князя Д.А. Шаховской, В.П. Оболенский, С.М. Кочубей, С.С. Белосельский-Белозерский и др.

Также установлено, что вопрос о беженцах являлся политическим аспектом холодной войны. Чем более обострялись отношения между СССР и Западом, тем либеральнее по своей форме становились подходы администрации

¹ US Department of Justice. *An Immigrant Nation: United States Regulation of Immigration, 1798–1991*. Washington. 1991. P. 34.

США к вопросам беженцев, даже несмотря на эпоху маккартизма в Америке в 1950-е гг. При этом отметим, что мы отделяем политику американской администрации в отношении иностранцев и иммигрантов от аналогичной политики в отношении беженцев.

Принципиальными для представителей послевоенной волны эмиграции оставались вопросы признания за ними статуса беженцев, получения вида на жительство и затем гражданства. Правовую помощь в этом вопросе, а также в изучении языка, культурной адаптации оказывали эмигрантские благотворительные фонды. Важную роль в сфере информационной поддержки эмигрантов играла русскоязычная пресса.

Рассмотрение истории принятия специального закона о беженцах и изучение его статуса, знакомство с опытом лицензирования общественных организаций, оказывавших помощь беженцам и их взаимодействия с государством представляет также практический интерес в свете решения современных проблем с беженцами из Украины и других стран в Российской Федерации.

© Головкин А.А., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

45 сбор литературного фонда // Новое русское слово. Нью-Йорк. 10 января 1963 г. №18. С. 203.

Дотации Рокфеллеровского Фонда // Новое русское слово. Нью-Йорк. 17 августа 1961 г. № 17

Наше Время. Нью-Йорк. 10–11 июля 1959 г. № 403.

Наше Время. Нью-Йорк. 15–16 января 1960 г. № 423.

Новое русское слово. Нью-Йорк. 21 января 1963 г. № 18.214.

Новые граждане // Новое русское слово. Нью-Йорк. 11 января 1963 г. № 18.204.

Новый учебный центр. English as a second language // Новое русское слово. Нью-Йорк. 27 января, 1963 г. № 18.220.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, 4–11 февраля 1945 г.

Statistical Yearbook of the Immigration and Naturalization Service. Washington. 1981.

US Department of Justice. An Immigrant Nation: United States Regulation of Immigration, 1798–1991. Washington. 1991.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. Аналитический доклад «Эмиграция из России в конце XX – нач. XXI вв.». М., 2016. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2977>.
- [2] Афанасьев А. Полюнь в чужих полях. М., 1987.

- [3] *Костиков В.В.* Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990.
- [4] *Александров В.* На чужих берегах. М., 1987.
- [5] *Башкирова Г., Васильев Г.* Путешествие в русскую Америку. М., 1990.
- [6] *Литвинова Г.* Русские американцы. М., 1993.
- [7] *Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991.
- [8] История Русской Америки (1732–1867): В 3-х томах. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. М., 1997.
- [9] *Бочарова З.С.* «...не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2005.
- [10] *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М., 2011.
- [11] *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). Екатеринбург, 2008.
- [12] *Ершов В.Ф.* Российская военно-политическая эмиграция в 1920–1945 гг. М., 2003.
- [13] *Грибенчикова О.А.* Источники по истории российского предпринимательства в эмиграции // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 114–123.
- [14] *Пивовар Е.И., Грибенчикова О.А.* Некоторые проблемы истории русского бизнеса в зарубежной России (20-е – 30-е гг.) // Труды научных чтений, посвященных памяти авиаконструктора И.И. Сикорского, 25 – 29 мая 1999 г. М., 1999. С. 1–13.
- [15] *Шаццлло М.К.* Русские предприниматели в первые годы изгнания // Россия на рубеже XIX – XX веков: Материалы научных чтений памяти проф. В.И. Бовыкина, 20 января 1999 г. М., 1999. С. 233–242.
- [16] Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов / Алексеева Е.В., Демина Л.И., Евсеева Е.Н. и др. М., 2000
- [17] Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Пивовар Е.И., Алдюхова Е.И., Ершов В.Ф. и др. М., 1999.
- [18] *Мелихов Г.В.* Русские общины в США, Австралии, Китае: Общее и особенное // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: Сборник статей. М., 2001. С. 258–263.
- [19] *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в США: Вторая волна // США: Экономика, политика, идеология. 1998. № 8. С. 70–83.
- [20] *Нитобург Э.Л.* Судьба русских эмигрантов второй волны в Америке // Отечественная история. 2003. № 2. С. 102–114.
- [21] *Нитобург Э.Л.* Из истории русских общин в американском городе // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 120–134.
- [22] *Нитобург Э.Л.* Русские в США. История и судьбы. 1870–1970. Этноисторический очерк. М., 2005.
- [23] *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М., 2006.
- [24] *Ульянкина Т.И.* Дикая историческая полоса...: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010.
- [25] *Хисамутдинов А.А.* В Новом Свете или история русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток, 2003.

- [26] *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: История российской эмиграции первой волны в Китае, странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Южной Америке. Владивосток, 2004.
- [27] *Хисамутдинов А.А.* Русская диаспора на Тихоокеанском побережье США (первая половина XX в.) // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 109–114.
- [28] *Дугас И.А., Червон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж. 1994.
- [29] *Loesher G., Scanlan J.* Calculated Kindness. Refugees and America's Half-Open Door, 1945 to Present. London, 1986.
- [30] *Divine R.A.* American Immigration Policy, 1924–1952. New Haven, 1957.
- [31] *Bouscaren A.T.* International Migrations Since 1945. NY; 1963.
- [32] *Зензинов В.* Золотой Фонд Ди-Пи // Бюллетень Лиги борьбы за свободу. Новое русское слово. Нью-Йорк. 24 апреля 1949 г. № 4.
- [33] *Зензинов В.* Голоса Ди-Пи // Бюллетень Лиги борьбы за свободу. Новое русское слово. Нью-Йорк. 27 марта 1949 г. № 2.
- [34] *Holborn L.* The International Refugee Organization. NY, 1956.
- [35] *Tolstoy A.* Out of the Past. NY. 1981.
- [36] *Golovkin A.* The place of Russian Emigration in US Science and Technology. URL: <http://eurorussians.com/the-place-of-russian-emigration-in-us-science-and-technology>.
- [37] *Карский А.* Видный республиканский деятель. Edgar G. Osgood // Наше время. Нью-Йорк. 10–11 июня 1959 г. № 403.
- [38] *Тен В.А.* Иммиграционная политика США в XVIII–XX вв.: Краткий исторический очерк. М., 1998.

THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN IMMIGRANTS IN THE USA DURING THE POST-WAR PERIOD

Aleksandr A. Golovkin¹

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia 117198

The article deals with the legal status of the Russian emigrants in the USA in the post-war period. There are considered the peculiarities of the new immigration and refugee law, its features and influence on the new Russian emigration wave to America.

The author analyzes «Truman Directive», the Law about displaced persons («DP») of 1948 and the amendments to the Law. The directive envisaged special immigration quotas for DP (more than 11 million in the post-war Europe). The number of migrants to the USA extremely increased after the enactment of the Refugee Law.

The author shows the key role of the Refugee factor in the US policy during the Cold War and in the USSR – USA bilateral relations in particular. The article presents the scheme of collaboration between special Refugee organizations (United Nations Relief and Rehabilitation Administration and Committee of International Relief Association) to provide selection, transfer and adaptation of DP in the US.

¹ E-mail adress: 7141321@mail.ru (A.A. Golovkin).

The author provides examples from the reports of public, charity and religious organizations on the successful adaptation of Russian emigrants. There is shown how these organizations helped Russian emigrants in resettlement, job hunting, adaptation and socialization. It was the first time in the American history, when the migration law had exercised these functions.

The principal issues of the post-war wave of the Russian emigration were the ones of recognition of their refugee status, obtaining residency as well as citizenship. Legal assistance in this issue, as well as in the study of the language and cultural adaptation was provided by emigration charity organizations. An important role in the field of information support of immigrants was played by the Russian-language press.

The article is based on some statistics and sources from Bakhmeteff Archive at Columbia University, as well as emigrant newspapers “The Modern Time”, “New Russian Word”, “Russia” of 1949–1970.

Key words: immigration law, refugees, displaced persons, DP

REFERENCES

- [1] Vorob'eva OD., Grebenyuk AA. *Analiticheskii doklad «Emigratsiya iz Rossii v kontse XX – nach. XXI vv.»*. Moscow; 2016. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2977/> (in Russian).
- [2] Afanas'ev A. *Polyn' v chuzhikh polyakh*. Moscow; 1987 (in Russian).
- [3] Kostikov VV. *Ne budem proklinat' izgnan'e... Puti i sud'by russkoi emigratsii*. Moscow; 1990 (in Russian).
- [4] Aleksandrov V. *Na chuzhikh beregakh*. Moscow; 1987 (in Russian).
- [5] Bashkirova G., Vasil'ev G. *Puteshestvie v russkuyu Ameriku*. Moscow; 1990 (in Russian).
- [6] Litvinova G. *Russkie amerikantsy*. Moscow; 1993 (in Russian).
- [7] Bolkhovitinov NN. *Rossiya otkryvaet Ameriku. 1732–1799*. Moscow; 1991 (in Russian).
- [8] Bolkhovitinov NN., editor. *Istoriya Russkoi Ameriki (1732–1867): V 3-kh tomakh*. Moscow, 1997; 1.
- [9] Bocharova ZS. *«...ne prinyavshii inogo poddanstva»: Problemy sotsial'no-pravovoi adaptatsii rossiiskoi emigratsii v 1920–1930-e gody*. St-Petersburg; 2005 (in Russian).
- [10] Moseikina MN. *«Rasseyany, no ne rastorgnuty»: russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoi Ameriki v 1920–1960 gg.* Moscow; 2011 (in Russian).
- [11] Antoshin AV. *Rossiiskie emigranty v usloviyakh «kholodnoi voiny» (seredina 1940-kh – seredina 1960-kh gg.)*. Ekaterinburg; 2008 (in Russian)].
- [12] Ershov VF. *Rossiiskaya voenno-politicheskaya emigratsiya v 1920–1945 gg.* Moscow; 2003 (in Russian)].
- [13] Gribenchikova OA. *Istochniki po istorii rossiiskogo predprinimatel'stva v emigratsii. Istochnikovedenie i komparativnyi metod v gumanitarnom znanii*. Moscow; 1996, pp. 114–123 (in Russian).
- [14] Pivovarov EI., Gribenchikova OA. *Nekotorye problemy istorii russkogo biznesa v zarubezhnoi Rossii (20-e – 30-e gg.)*. *Trudy nauchnykh chtenii, posvyashchennykh pamyati aviakonstruktora I.I. Sikorskogo, 25 – 29 maya 1999 g.* Moscow; 1999, pp. 1–13 (in Russian).
- [15] Shatsillo MK. *Russkie predprinimateli v pervye gody izgnaniya // Rossiya na rubezhe XIX–XX vekov: Materialy nauchnykh chtenii pamyati prof. V.I. Bovykina, 20 yanvarya 1999 g.* Moscow; 1999, pp. 233–242 (in Russian).

- [16] Alekseeva EV., Demina LI., Evseeva EN., editors. *Russkie bez otechestva. Ocherki antibol'shevistskoi emigratsii 20-40-kh godov*. Moscow; 2000 (in Russian).
- [17] Pivovarov EI., Aldyukhova EI., Ershov VF. *Rossiya v izgnanii. Sud'by rossiiskikh emigrantov za rubezhom*. Moscow; 1999.
- [18] Melikhov GV. *Russkie obshchiny v SShA, Avstralii, Kitae: Obsheche i osobennoe. Natsional'nye diaspory v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv.: Sbornik statei*. Moscow; 2001, pp. 258–263 (in Russian).
- [19] Nitoburg EL. U istokov russkoi diaspory v SShA: Vtoraya volna. *SShA Ekonomika, politika, ideologiya*. 1998; 8: 70–83.
- [20] Nitoburg EL. Sud'ba russkikh emigrantov vtoroi volny v Amerike. *Otechestvennaya istoriya*. 2003; 2:102–114 (in Russian).
- [21] Nitoburg EL. Iz istorii russkikh obshchin v amerikanskom gorode. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2005; 2:120–134 (in Russian).
- [22] Nitoburg EL. *Russkie v SShA. Istoriya i sud'by. 1870–1970. Etnoistoricheskii ocherk*. Moscow; 2005 (in Russian).
- [23] Ruchkin AB. *Russkaya diaspora v Soedinennykh Shtatakh Ameriki v pervoi polovine XX veka*. Moscow, 2006 (in Russian).
- [24] Ul'yankina TI. *Dikaya istoricheskaya polosa...: sud'by rossiiskoi nauchnoi emigratsii v Evrope (1940–1950)*. Moscow, 2010 (in Russian).
- [25] Khisamutdinov AA. *V Novom Svete ili istoriya russkoi diaspory na Tikhookeanskom poberezh'e Severnoi Ameriki i Gavaiskikh ostrovakh*. Vladivostok; 2003 (in Russian).
- [26] Khisamutdinov AA. *Po stranam rasseyaniya: Istoriya rossiiskoi emigratsii pervoi volny v Kitae, stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona i Yuzhnoi Amerike*. Vladivostok, 2004 (in Russian).
- [27] Khisamutdinov AA. Russkaya diaspora na Tikhookeanskom poberezh'e SShA (pervaya polovina XX v.). *Voprosy istorii*. 2005; 2:109–114 (in Russian).
- [28] Dugas IA., Chervon FYa. *Vycherknutye iz pamyati: Sovetskie voennoplennye mezhdru Gitlerom i Stalinym*. Parizh; 1994 (in Russian).
- [29] Loesher G., Scanlan J. *Calculated Kindness. Refugees and America's Half-Open Door, 1945 to Present*. London; 1986.
- [30] Divine R.A. *American Immigration Policy, 1924–1952*. New Haven; 1957.
- [31] Bouscaren A.T. *International Migrations Since*. 1945. New York; 1963.
- [32] Zenzinov V. Golosa Di-Pi. *Byulleten' Ligi bor'by za svobodu. Novoe russkoe slovo*. New-York. 1949 March 27:2 (in Russian).
- [33] Zenzinov V. Golosa Di-Pi. *Byulleten' Ligi bor'by za svobodu. Novoe russkoe slovo*. New-York. 1949 March 27:2 (in Russian).
- [34] Holborn L. *The International Refugee Organization*. New York; 1956.
- [35] Tolstoy A. *Out of the Past*. New York; 1981.
- [36] Golovkin A. *The place of Russian Emigration in US Science and Technology*. URL: <http://eurorussians.com/the-place-of-russian-emigration-in-us-science-and-technology>.
- [37] Karskii A. Vidnyi respublikanskii deyatel'. Edgar G. Osgood. *Nashe vremya*. New-York. 1959 June 10–11:403.
- [38] Ten VA. *Immigratsionnaya politika SShA v XVIII–XX vv.: Kratskii istoricheskii ocherk*. Moscow; 1998 (in Russian).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-97-109

**«ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЯ В ВОСТОЧНУЮ СТРАНУ РОССИИ
КОНЕЧНО БУДЕТ ДЛЯ ПУБЛИКИ ИНТЕРЕСЕН...»:
ОБ УЧАСТИИ Г.И. СПАСКОГО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ**

С.А. Пономарева¹

Гуманитарный институт
Сибирского федерального университета
пр. Свободный, 82А, г. Красноярск, Россия, 660041

В статье повествуется о начале творческого пути Григория Ивановича Спасского – известного исследователя Сибири и издателя первого в России журнала, посвященного данному региону. В этой связи рассмотрена переписка Г.И. Спасского с членами Вольного Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств (ВОЛСНХ) для обоснования тезиса о сильном влиянии, которое оказало Общество на становление Г.И. Спасского как ученого-сибироведа.

Ключевые слова: Г.И. Спасский, Вольное Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств (ВОЛСНХ), «Сибирский вестник»

Введение. Настоящее биографическое исследование посвящено Григорию Ивановичу Спасскому, знатоку Сибири и ее древностей, этнографу и лингвисту, учредителю первого в Российской империи периодического издания, посвященного вопросам изучения Сибири. Внимание к личности Г.И. Спасского объясняется возросшей актуальностью темы русского освоения Сибири; в то же время биографический метод дает уникальную возможность для рассмотрения научной деятельности и трудов ученого через призму его мировоззрения, особенностей его характера и личных качеств. Однако до сих пор не известны все обстоятельства жизни Г.И. Спасского. В том числе остается недостаточно изученным его участие в деятельности Вольного Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств (далее ВОЛСНХ), которое, по мнению автора настоящего исследования, оказало решающее влияние на формирование научных интересов Г.И. Спасского и на его становление как ученого-сибироведа.

¹ Адрес электронной почты: vadjima72@gmail.com (С.А. Пономарева).

Об участии Г.И. Спасского в деятельности ВОЛСНХ впервые упомянул Б. Смирнов, который привел небольшую цитату из его автобиографического очерка [1]. Деятельность самого ВОЛСНХ и биографии его членов были весьма подробно описаны исследователями истории отечественной литературы. Советская историография [2; 3; 4] дала этому литературному сообществу имя «поэтов-радищевцев» и характеризовала его как «гнездо молодых писателей и публицистов, продолжавших своей деятельностью линию философского и социально-политического радикализма, связанного на русской почве в первую очередь с именем Радищева» [2, с. 198].

Однако в этих исследованиях нет упоминания имени Г.И. Спасского, а его вклад в развитие российской словесности недооценен. В настоящее время современные исследователи Янушкевич и Анисимов признают значимость трудов Спасского и, более того, ставят его фигуру «у истоков сибирской темы» [5–8] и рассматривают труды Г.И. Спасского в контексте проникновения сибирской темы в российскую словесность и ментальность.

Косвенные свидетельства о вкладе Г.И. Спасского в формирование русской исторической традиции в отношении присоединения регионов Сибири и Дальнего Востока встречаются и в публикациях зарубежных историков [9; 10]. Но и в настоящее время влиянию, которое было оказано членами ВОЛСНХ на развитие мировоззрения будущего исследователя Сибири, не уделялось должного внимания.

Исследование проблемы. «Дружеское общество любителей изящного» было образовано 15 июля 1801 г. в Санкт-Петербурге, появившись как своеобразное «братство», состоящее из «нескольких студентов, выпущенных из бывшей при Академии наук гимназии... переименованное впоследствии обществом любителей словесности, наук и художеств, – пишет в своих “Воспоминаниях” секретарь ВОЛСНХ А.Х. Востоков (Остенок). Первые члены общества были В.В. Попугаев, И.М. Борн, В.В. Дмитриев, А.Г. Волков, В.И. Красовский, М.К. Михайлов...» [11, с. 40].

Общество было задумано «основателями» как просветительское, его деятельность должна была основываться – подобно Земле, покоящейся на трех китах, – на трех «столпах» культуры: Науке, Словесности и Художествам. Члены Общества ставили целью, кроме взаимного самоусовершенствования, «споспешествовать по силам своим к усовершенствованию сих трех отраслей, то есть, просвещая себя, углубить различные области знаний, а тем самым просвещать и других» [4, с. 7].

Своим девизом общество избрало латинское изречение «Concordia res parvae crescunt, discordia magna dilabuntur» (Согласьем дела малых укреплены, разногласьем величайшие повержены).

В сентябре 1803 г. Общество было утверждено указом Александра I, но по-прежнему продолжало именоваться «вольным». Среди членов Общества в 1802–1803 гг. числились такие видные литераторы и деятели культуры,

как П.И. Пнин, А.Х. Востоков (Остенек), А.Е. Измайлов, Н.Ф. Остолопов, Д.И. Языков, Н.А. Радищев (сын опального писателя); из числа вступивших в Общество позднее: Н.И. Греч, В.И. Панаев, В.Г. Кюхельбекер, А.А. Дельвиг, А.С. Пушкин. Собрания Общества проходили по воскресеньям на квартире И.М. Борна, в здании лютеранской школы св. Петра, что на Невском проспекте. На заседаниях члены Общества представляли свои опыты в словесности, давали дружеские рекомендации. Наиболее удачные произведения по решению Общества публиковались в «Периодическом издании ВОЛСНХ» (в 1804 г. вышел единственный его номер), «Санкт-Петербургском вестнике» (1812 г.) и еще в нескольких журналах, являвшихся его «официальными» изданиями: «Свиток муз» (1802–1803 гг.), «Цветник» А.П. Бенитского и А.Е. Измайлова (1810–1812 гг.), «Благонамеренный» (1818–1826 гг.). В 1805–1806 гг. члены Общества печатались в «Журнале российской словесности» Н.П. Брусилова, «Любитель словесности» Н.Ф. Остолопова, а также в журналах «Северный вестник» и «Лицей», издаваемых И.И. Мартыновым. Решения Общества фиксировались в протоколах, которые хранятся ныне в архивах Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета и Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

В 1802 г., по рекомендации одного из «основателей» В.В. Дмитриева, членом Общества стал никому не известный провинциал Г.И. Спасский – уроженец г. Егорьевска Рязанской губернии, воспитанник Коломенской духовной семинарии, оставивший ее движимый желанием «произвесть дальнейшее усовершенствование в науках»¹. Для начала Г.И. Спасский летом 1799 г. пытался поступить в Московский университет, но не преуспел в этом. Он решил остаться в Москве и «в службу вступил в Московский уездный суд 1799 в октябре» копиистом «сверх комплекта» (т.е. без жалованья)². После второй неудачной попытки поступления в университет Спасский был вынужден «по недостаточному состоянию своему» в ноябре 1800 г. покинуть службу в Москве и отбыл в Санкт-Петербург, где в начале декабря того же года получил место подканцеляриста в Государственной Берг-коллегии.

В Петербурге Спасский посещал в качестве вольного слушателя публичные лекции, проводимые при Императорской академии наук. Кроме того, имея склонность к литературе, Спасский брал уроки изящной словесности у бывшего своего преподавателя из Коломенской семинарии А.С. Лубкина, который с 1801 г. также служил в Петербурге в новообразованной Армейской семинарии. Здесь Г.И. Спасский познакомился с молодым литератором В.В. Дмитриевым, бывшим выпускником гимназии при Академии наук, который служил здесь в должности инспектора, имея «неотлучное в ней пребывание» [12, с. 5–27].

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 805. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

² ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

Как один из «основателей» ВОЛСНХ В.В. Дмитриев ходатайствовал пред членами Общества о принятии Спасского. Согласно протоколу заседания от 9 марта 1802 г.: «...Избран членом общества словесности Г.И. Спасский, по представленным В.В. Дмитриевым опытам его сочинений»¹. Сам Спасский, отзываясь о своих литературных опытах, писал с иронией: «...Публика обязана единственно справедливому наставнику моему в словесности, что я освободил ее от них. Не по успехам моим в науках [и] словесности, но боле по уважению склонности моей к ним, принят был членом в учрежденном тогда в С.П.-бурге обществе любителей наук, словесности и художеств имевшем целью и самое образование своих членов»².

Достижения молодого литератора были скромны: с марта по июнь 1802 г. Спасский представил на суд любителей изящного следующие произведения: стихотворение «Чижик и орел», сочинение в прозе «О письмах», несколько «писэс», а также объявил своей целью написание романа «Пармен и София» с целью «показать пороки людей, являющиеся в разных видах» и даже прочел несколько писем из предполагаемого романа. При этом Общество нашло «...план сего романа слишком обширным и весьма много в частные подробности входящим...», а потому и посоветовало ему «... оный оставить, тем более что еще не окончен»³. Сложно судить о достоинствах петербургских произведений Спасского, но, думается, они вряд ли были велики.

В октябре 1803 г. Спасский поступил на службу в новообразуемую Томскую губернию, и в середине ноября отбыл из Петербурга в Томск. На новой службе опыт, полученный в ВОЛСНХ, оказался весьма полезным: пользуясь обретенными навыками стихосложения, Г.И. Спасский написал на торжественное открытие Томской губернии стих, впервые обратив на себя внимание начальства [13, с.146]. С тех пор губернатор В.С. Хвостов выделял молодого чиновника из числа прочих: «Во время бытия моего в Томской губернии 1804 года в октябре был командирован Томским гражданским губернатором Хвостовым с согласия господина Сибирского Генерал Губернатора, Сенатора и Кавалера Селифонтова по званию моему члена Санкт-Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств по Красноярскому и Кузнецкому уездам для собрания нужных господину губернатору топографических и хозяйственных сведений»⁴.

¹ Протоколы заседаний ВОЛСНХ за 1801–1802 гг. // Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ) // www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot02.html (Дата обращения: 07.07.2016). Л. 3 об.

² ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

³ Протоколы заседаний ВОЛСНХ за 1801–1802 гг. // Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ) // www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot02.html (Дата обращения: 07.07.2016). Лл. 2–10.

⁴ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 4. Лл. 1–1 об.

Г.И. Спасский регулярно отправлял отчеты о своей деятельности в ВОЛСНХ: первый из них, отправленный из Енисейска, был получен в Петербурге 17 декабря 1804 г. Об этом заседании Общества в кратком отчете сообщил «Северный Вестник», и это была первая заметка в печати о молодом ученом¹.

Текст письма, зачитанного на заседании, никогда ранее не был опубликован, хотя представляет некоторый интерес для раскрытия обстоятельств начального этапа научной деятельности Г.И. Спасского. Здесь письмо приводится с незначительными сокращениями (орфография подлинника сохранена): «...Имею честь уведомить почтеннейшее общество, что я получил от Г. Томскаго Губернатора Василья Семеновича Хвостова... все нужное мне в намерениях моих обществу известных, могу видеть самая лучшая места Сибири и сделать им описания. Уже вкупе с Его Превосходительством Г. Губернатором, проехал я от Томска до Енисейска, описал все места и обстоятельства на пути встретившиеся – достойныя примечания. До Красноярска мы ехали сухим путем, а отсель до Енисейска плыли на плотках рекою Енисеем. Последний путь не менее перваго имеет мест достойных примечания, естли не ошибаюсь, никем еще не описанных. Из Енисейска Г. Губернатор намерен проехать к некоторым из поколений, кочующих по степи вверху Енисея, оттуда возвратиться в Томск, а меня там оставить, для того чтобы я сделал описание народов, кочующих в сей стране, проживая между ими нужное время. Народы, между которыми я буду обращаться суть: Качинцы, Телеуты, Белтирцы, Койбалы и Сагайцы. В содержание Журнала моего путешествия по Сибири, будут входить Историческия и Естественныя описания мест и народов в них обитающих, нравственность и образ жизни народов, языки, ими употребляемая, успехи в просвещении, в промышленности и торговле, описания картинных или по каким-нибудь случаям примечательных мест в пригороде; также растений и других вещей особливо употребительных в кругу домашнем между жителями – лучше сказать все предметы, я описать постараюсь, как по физической так и нравственной части, которыя только окажутся того достойными. Журнал мой я начал с Тобольска... В Томск я приехал в феврале месяце и прожил в нем до 4 сентября, следственно моя вина, есть ли описание Томска не будет удовлетворительно. Что же касается до Красноярска, то это такое место, которое подлежит перу великаго поэта; я чувствую, что не могу описать достойно величия и красот природы, среди которых лежит Красноярск... Я надеюсь, что Общество с своей стороны почтит меня наставлением в моих упражнениях; так же уведомить должен ли я мои упражнения доставлять в Общество немедленно или могу оныя представить лично по возвращению – приняв в уважение отдаленность моего пребывания. Член Общества Григорий Спасский»².

¹ [Отчет о заседании ВОЛСНХ 17 декабря 1804 г.] // Северный Вестник. СПб, 1805. Ч. 7. № 9. С. 361–362.

² Отдел редких книг Научной Библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета (ОРК НБ СПбГУ). Ф. «Архив ВОЛСНХ». Д. 123.2. Лл. 2–3.

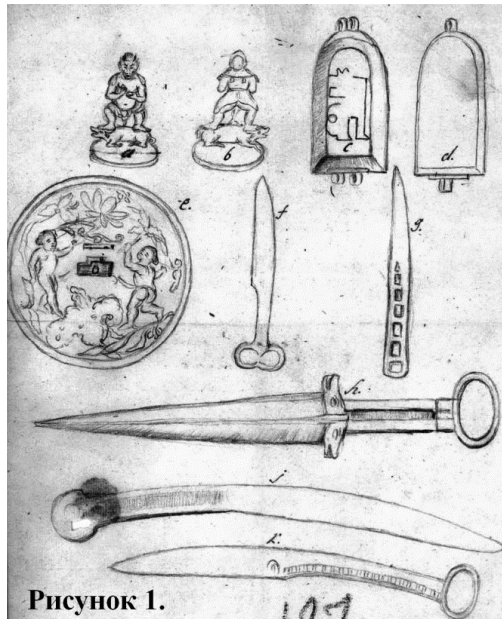

Рисунок 1.

Как видно из письма, Г.И. Спасский считал, что проводит свою научную деятельность от имени ВОЛСНХ; делился планами, запрашивал инструкции. Коллеги по Обществу давали ему советы, надо признать, довольно противоречивые. «Уже красоты природы начали иметь действие свое в душе вашей – уже жизнь сельская пленила вас... чем далее от шума, роскоши, от испорченного человечества, тем сильнее мысль наша, тем покойнее сердце.... занимайтесь, занимайтесь описанием всего достойного чувствительности»¹, – советовал В.В. Дмитриев в письме от 17 марта 1804 г. Другой литератор, Н.Ф. Остолопов, в начале 1805 г. рекомендовал противоположное: «Предпринимаемый вами Журнал путешествия в восточную страну России конечно будет для публики интересен, тем более, что верно он напишется приятнее многих “Путешествий”, верно вы не будете подражать [им]..., верно не будете проливать слезы чувствительности над каждым мотыльком и травинкой – теперь слезы несколько выходят из моды»².

Будучи на службе в Красноярском уездном суде, Спасский занимается раскопками древних курганов, о чем в апреле 1805 г. он уведомляет Общество, отправляя рисунки найденных древних вещей (рис. 1) и краткое их описание³.

С августа 1805 по январь 1806 гг. Г.И. Спасский принимает участие в работе Научной части при Посольстве графа Ю.А. Головкина в Китай.

¹ ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 293. Лл. 1–1 об.

² ГАКК. Ф.805. Оп. 1. Д. 322. Лл. 1–1 об.

³ ОРК НБ СПбГУ. Ф. «Архив ВОЛСНХ». Д. 123.4. Лл. 5–6.

Действуя по поручению томского губернатора В.С. Хвостова в интересах руководителя Научной части И.О. Потоцкого, Спасский составляет для него словари языков койбалского и моторского племен. Словари были отправлены в Петербург в мае 1807 г.; одновременно через Н.Ф. Остолопова Спасским были переданы в ВОЛСНХ отчеты о написании этих словарей и о других «упражнениях ... с отъезда из Петербурга до самого того времени»¹. В июньском номере «Вестника Европы» отмечалось: «В С.Петербурге получены два словаря, один Койбалскаго языка, другой Моторскаго... Упомянутые словари весьма тщательно составлены г-м Спасским, Ассессором, служащим в Бийске...»². В октябре 1807 г. Обществу был прислан «Словарь ойретскаго языка собранный Григорием Спасским ... в 1807 году»³ и примечания к нему⁴. В письме Спасский выражал надежду, что Общество не преминет «учинить известным» этот словарь для любителей истории. Дополнительно Спасский уведомил о том, что им окончены две статьи для ВОЛСНХ: «О курганах или могилах, оставшихся от древних обитателей Сибири» и «О письменах изображенных краскою и знаках, высеченных на камнях». Однако на заседании ВОЛСНХ, прошедшем 16 ноября 1807 г., было решено лишь «поблагодарить Спасского за письмо»⁵.

Статья о сибирских письменах, принесшая Спасскому первую известность в научной среде, была опубликована с большим запозданием лишь в 1810 г. Предыстория ее появления в печати такова: в период с 1808–1809 гг. деятельность Общества почти прекратилась. Наступающая в России аракетевская реакция и «эпоха разочарований» совокупно с внутренней борьбой «партий» в ВОЛСНХ послужили причиной утраты интереса его членов к заседаниям.

А.Х. Востоков, один из старейших членов ВОЛСНХ, отмечал в дневнике, что 13 июня 1808 г. члены Общества собрались «...после трехмесячной праздности» [11, с. 25], а 15 июля «...тщетно пришли в собрание. Языков запискою своею разпустил оно...» [11, с. 26]; 14 августа 1809 г. «было собрание в обществе, где присутствовали Языков, Измайлов, Попугаев и я. После полугодовой праздности собрались только для того, чтоб разойтись, ничего не сделавши...» [11, с. 31]. Около двух лет ВОЛСНХ провело в своеобразной летаргии.

К середине 1810 г. деятельность Общества несколько оживилась в связи с приемом новых членов: Н.И. Греча, Д.В. Дашкова и уже упомянутого выше П.А. Никольского, издателя журнала «Цветник». Г.И. Спасский по делам

¹ ОРК НБ СПбГУ. Ф. «Архив ВОЛСНХ». Д. 86. Л. 1.

² [Извещение о получении койбалского и моторского словарей] // Вестник Европы. СПб., 1807. № 11. С. 195.

³ ОРК НБ СПбГУ. Ф. «Архив ВОЛСНХ». Д. 86. Лл. 2–5.

⁴ ОРК НБ СПбГУ. Ф. «Архив ВОЛСНХ». Д. 86. Лл. 5 об. – 7.

⁵ ОРК НБ СПбГУ. Д. 78 // www.library.spbu.ru (Дата обращения: 07.07.2016). Лл. 62–62 об.

службы находился в это время в столице, куда прибыл в январе 1810 г., сопровождая казенный караван с серебром, отправленный из Барнаула¹. На первом же в этом году заседании Общества, состоявшемся 7 мая, Спасским была прочитана статья «о письменах», а на втором заседании 14-го мая – «о сибирских древних могилах». Об этих событиях А.Х. Востоков записал в своем дневнике следующее: «Май. 7-го в субботу было собрание общества по экстраординарному созыву и довольно многолюдное... Июнь. 4-го в субботу с Никольским был у Спасского» [11, с. 33]. Результатом чтений стало опубликование первой прочитанной статьи под названием «Сибирския древности» в июньском номере журнала «Цветник» [14]. Так, летом 1810 г. Г.И. Спасский получил в литературных кругах столицы репутацию знатока Сибири. Спасский присутствовал еще на нескольких заседаниях Общества, а затем в начале июля отбыл к месту службы в Барнаул.

Эта история имела продолжение. Министр просвещения выразил обеспокоенность бездеятельностью Высочайше утвержденного Общества и потребовал отчета о проделанной работе. На заседании Общества 28 января 1811 г. было решено «поднять» старые готовые статьи из архивов и рассмотреть их заново с целью напечатания. Для этого было решено издавать в 1812 г. новый журнал «Санктпетербургский вестник». В числе прочих были извлечены «из-под сукна» и рукописи Г.И. Спасского «О древностях сибирских» и «Ойретский словарь», которые взял на личное рассмотрение президент ВОЛСНХ Д.И. Языков².

Однако в ВОЛСНХ вновь обострилась борьба различных «партий», в результате которой Общество покинули и президент, и несколько видных его деятелей.

Кризисные явления в Общества усугубились надвигавшейся военной грозой 1812 г. Большинство его членов разъехались, а к концу 1813 г. Общество вновь закрылось на несколько лет. «Ойретскому словарю» было суждено навсегда остаться в архиве ВОЛСНХ. Тем не менее, Г.И. Спасский все еще связывал надежды на опубликование своих исследований именно с ВОЛСНХ. В апреле 1813 г. им было прислано новое письмо со статьей «...о древних сибирских курганах с принадлежащими к ним рисунками. Кроме того, им же присланы: а) надписи, снятые в пещере Бухтарминской; б) рисунок утеса, называемого Писаным камнем; с) изображение развалин Аблайкита»³. Однако и эта статья долгое время оставалась неопубликованной.

Решающим для Г.И. Спасского стал 1817 г. – год его возвращения из Сибири. Более чем за 12 лет пребывания в Сибири Спасским было собрано колоссальное количество материалов об этой «восточной стране отечества»,

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 18. Д. 552. Л. 6.

² ОРК НБ СПбГУ. Д. 204. // www.library.spbu.ru (Дата обращения: 07.07.2016). Лл. 62–64.

³ ОРК НБ СПбГУ. Д. 199. // <http://www.library.spbu.ru> (Дата обращения: 07.07.2016). Лл. 26–26 об.

написаны многие статьи, привезены коллекции древних вещей – всему этому требовалось дать известность. Совместно с бывшим основателем ВОЛСНХ В.В. Дмитриевым Спасский приступил к изданию собственного журнала «Сибирский вестник». Одновременно с июня 1817 по февраль 1818 г. он посещает заседания Общества, прозванного в публике «Михайловским», кое-как возродившегося из пепла войны. Здесь он читает свои работы: «О древних начертаниях и надписях, открытых в полуденной Сибири близ Саянских и алтайских гор», «О Сибирских курганах», «О древних сибирских начертаниях и надписях», «Изображение обитателей Сибири», а в середине марта преподносит в подарок Обществу первый номер своего журнала «Сибирский вестник».

Однако интерес Г.И. Спасского к ВОЛСНХ постепенно проходил. Он уже занимался самостоятельной научной деятельностью и не нуждался более в поддержке. Спасский все реже появлялся на заседаниях «Михайловского общества»: в 1817 и 1818 г. он посетил 19 заседаний, в 1819 – 6 заседаний, а за четыре последующих года (1820–1823 гг.) присутствовал в собраниях всего 8 раз. Кажется, он уже тяготился своей обязанностью поставлять новые сочинения для Общества, чаще «откупаясь» дарением Обществу нового номера своего журнала, а в одно из последних его заседаний Г.И. Спасский прочел «Сельский день» – довольно безвкусную и пафосную пастораль, сочиненную им в Томске еще в 1804 г. «Михайловское общество» и не могло уже ничего дать Спасскому, ибо, состоящее к тому времени из третьеразрядных литераторов, оно вновь угасало. Формально Общество прекратило свою деятельность в 1826 г., но заседания его завершились гораздо раньше – в 1823 г.

Выводы. Влияние Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств на судьбу Г.И. Спасского было довольно ощутимым, особенно в период с 1804–1817 гг.

ВОЛСНХ явилось своеобразным братством, корпорацией единомышленников, принадлежность к которому если и не давала ее членам настоящей защиты, то по меньшей мере придавала уверенности в себе. Звание «Члена Императорского Санкт-Петербургского Вольного Общества...», громко звучавшее в сибирской глуши, дало молодому чиновнику Спасскому возможность обратить на себя внимание сибирского начальства. Но главное, ВОЛСНХ привило молодому человеку мысль о необходимости вести упорядоченную научную работу; своими рекомендациями члены Общества определили направления и методы предполагаемых исследований Сибири. Общество дало Г.И. Спасскому возможность заявить о себе первыми публикациями, а также натолкнуло на идею о создании собственного издания.

Знакомство Г.И. Спасского и дружеские отношения с бывшим «любителем словесности и наук» В.В. Дмитриевым сделали возможным появление уникального по своему содержанию, первого в России периодического

издания, посвященного Сибири и «странам с ней сопредельными». В целом, неизвестные страницы из жизни Г.И. Спасского могут представлять научный и практический интерес для всех интересующихся историей исследования Сибири.

© Пономарева С.А., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 805. Оп. 1. Д. 1.

ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 4.

Протоколы заседаний ВОЛСНХ за 1801–1802 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) // www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot02.html (Дата обращения: 07.07.2016).

[Отчет о заседании ВОЛСНХ 17 декабря 1804 г.] // Северный Вестник. СПб, 1805. Ч. 7. № 9. С. 361–361.

Отдел редких книг Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета (ОРК НБ СПбГУ). Ф. «Архив ВОЛСНХ». Д. 123.2

ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 293.

ГАКК. Ф.805. Оп. 1. Д. 322.

ОРК НБ СПбГУ. Ф. «Архив ВОЛСНХ». Д. 123.4.

ОРК НБ СПбГУ. Ф. «Архив ВОЛСНХ». Д. 86.

[Извещение о получении койбалского и моторского словарей] // Вестник Европы. СПб., 1807. № 11. С. 195.

ОРК НБ СПбГУ. Д. 78 // www.library.spbu.ru (Дата обращения: 07.07.2016).

Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 18. Д. 552.

ОРК НБ СПбГУ. Д. 204. // www.library.spbu.ru (Дата обращения: 07.07.2016).

ОРК НБ СПбГУ. Д. 199. // <http://www.library.spbu.ru> (Дата обращения: 07.07.2016).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Смирнов Б.* «Григорий Иванович Спасский: Материалы к биографии» // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 1. С. 110–122.
- [2] *Орлов В.Н.* История Вольного общества любителей словесности, наук и художеств // Поэты-радищевцы. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1935.
- [3] *Орлов В.Н.* Вольное общество любителей словесности, наук и художеств // История русской литературы: В 10 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 198–224.
- [4] *Орлов П.А.* Поэты-радищевцы / Под ред. В.С. Киселева. Л.: Изд-во «Советский писатель», 1979.
- [5] *Анисимов К.В.* У истоков Сибирской темы в русской литературе XIX века: журнал Г.И. Спасского «Сибирский вестник» // Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). 2004. Вып. 3(40). С. 65–71.
- [6] *Анисимов К.В.* Поэтика литературы Сибири 10–30-х годов XIX столетия (особенности становления региональной литературной традиции). Томск, 2004.

- [7] *Анисимов К.В.* Между Тобольском и Санкт-Петербургом: Из истории эстетического самоопределения ранней сибирской литературы (П.А. Словцов vs. Г.И. Спасский) // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки (филология)*. 2008. № 3(4). С. 64–72.
- [8] *Янушкевич А.С.* Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // *Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства*. Иркутск, 2004. URL: <http://mion.isu.ru>.
- [9] *Bassin M.* *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge University Press, 2004.
- [10] *Znamenski A.A.* The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the «Rock People», 1791–1878 // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / Ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York, 2007. P. 106–127.
- [11] *Срезневский В.И.* Заметки А.Х. Востокова о его жизни // *Сборник Отделения Русского Языка и Словесности Имп. Акад. Наук*. Т. 70. СПб., 1902. С. 1–114.
- [12] *Боголюбов А.* *Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 год*. СПб., 1901.
- [13] *Пономарева С.А.* Научная деятельность Г.И. Спасского в Томской губернии (1804–1808 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки (филология)*. 2015. № 401. С. 145–150.
- [14] *Спасский Г.И.* Сибирския древности // *Цветник*. СПб., 1810. Ч. 6. № 5. С. 233–247.

**“THE JOURNAL OF TRAVELS TO RUSSIA’S EASTERN LAND
IS SURE TO BE INTERESTING FOR THE PUBLIC...”:
ON GRIGORY I. SPASSKY’S PARTICIPATION IN THE ACTIVITY
OF THE FREE SOCIETY OF LOVERS
OF LITERATURE, SCIENCE AND THE ARTS**

Svetlana A. Ponomareva¹

Institute of Humanities
Siberian Federal University
82A Svobodny Av., Krasnoyarsk, Russia, 660041

The present research is dedicated to the initial period of the academic career of Grigory I. Spassky (the editor of the first magazine about Siberia in Russia). The main issue studied in the present article is Grigory I. Spassky’s participation in the activity of the Free Society of Lovers of Literature, Science and the Arts (VOLSNNKh) in 1803–1823. This particular issue has never been studied; in the Russian historiography there are a few works where this fact was only mentioned.

The author has been considered and analyzed the correspondence of Grigory I. Spassky with the members of VOLSNNKh, as well as the contents of periodicals of the time, which were connected with VOLSNNKh, such as “Svernny Vestnik” [Northern Bulletin], “Tsvetnik” [Flower

¹ E-mail address: vadjima72@gmail.com (S.A. Ponomareva).

Garden], “Vestnik Evropy” [European Bulletin]. The research has revealed the facts of Grigory I. Spassky’s close collaboration with the Free Society; and in the beginning the Society played a leading role in the choice of the young scientist’s research areas. Through the VOLS NKh, on the pages of the Society’s periodicals there were published Spassky’s first articles, which brought him fame in the literary and research circles. Under the influence of the VOLS NKh banders’ recommendations, Grigory I. Spassky got the idea to publish his Siberian Sketchbook. This idea transformed into the plan of a periodical about Siberia and “some countries adjacent to it”. The publication made by Grigory I. Spassky on his return from Siberia in 1817 was called “Sibirskiy Vestnik [Siberian Bulletin]”, and Spassky’s co-editor was one of the VOLS NKh members, Vasily V. Dmitriev.

Thus, the analysis of the correspondence and the articles of some periodicals, connected with the VOLS NKh undoubtedly convinces that the members of the VOLS NKh made a great influence on the formation of the scientific worldview of the explorer of Siberia, Grigory I. Spassky.

Key words: G.I. Spasskii, VOLS NKh, «Sibirskii vestnik»

REFERENCES

- [1] Smirnov B. «Grigorii Ivanovich Spasskii: Materialy k biografii». *Sibirskie ogni*. Novosibirsk, 1927; 1:110–122 (in Russian).
- [2] Orlov VN. *Istoriya Vol'nogo obshchestva lyubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv. Poety-radishchevtsy. Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya*. Leningrad, 1935 (in Russian).
- [3] Orlov VN. *Vol'noe obshchestvo lyubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv. Istoriya russkoi literatury: V 10 t.* Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1941; vol. 5; ch. 1:198–224 (in Russian).
- [4] Orlov PA. *Poety-radishchevtsy*. Ed. by VS. Kiselev. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1979 (in Russian).
- [5] Anisimov KV. At the Sources of the Siberian Subject in Russian Literature of the XIXth Century: G.I. Spassky’s Magazine «The Siberian Bulletin». *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Humanities (Philology)*. 2004; 3(40): 65–71 (in Russian).
- [6] Anisimov KV. *Poetika literatury Sibiri 10–30-kh godov XIX stoletiya (osobennosti stanovleniya regional'noi literaturnoi traditsii)*. Tomsk, 2004 (in Russian).
- [7] Anisimov KV. Between Tobol'sk and Saint Petersburg: From the History of Self-determination of the Early Siberian Literature (P.A. Slovtsov vs. G.I. Spassky). *Tomsk State University Journal of Philology*. Tomsk, 2008; 3(4): 64–72 (in Russian).
- [8] Yanushkevich A.S. *Sibirskii tekst: vzglyad izvne i iznutri. Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva*. Irkutsk, 2004. URL: mion.isu.ru. Accessed: 7 July 2016.
- [9] Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge University Press, 2004.
- [10] Znamenski A.A. The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the «Rock People», 1791–1878. *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007; pp. 106–127.

- [11] Sreznevskii VI. Zametki A.Kh. Vostokova o ego zhizni. *Sbornik Otdeleniya Russkago Yazyka i Slovesnosti Imperstorscoi Akademii Nauk*. St-Petersburg, 1902. 70: 1–114 (in Russian)].
- [12] Bogolyubov A. *Ocherki iz istorii upravleniya voennym i morskim dukhovenstvom v biografyakh glavnykh svyashchennikov ego za vremya s 1800 po 1901 god*. St. Petersburg, 1901 (in Russian).
- [13] Ponomareva SA. Scientific activity of G.I. Spassky in Tomsk Province (1804–1808). *Tomsk State University Journal*. 2015; 401: 145–150 (in Russian).
- [14] Spasskii GI. *Sibirskiya drevnosti*. *Tsvetnik*. St-Petersburg, 1810; ch. 6; 5: 233–247 (in Russian).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-110-120

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МУАММАРА КАДДАФИ И ОТНОШЕНИЯ ЛИВИИ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И РОССИЕЙ (1969–2003 гг.)

Фатума М. М. Мамлук¹

Посольство Ливии

15127 Россия, Москва, ул. Мосфильмовская, 38

В статье осуществлен ретроспективный анализ внутренней и внешней политики Ливии в период с 1969 г. (приход к руководству страной правительства во главе с М. Каддафи) и до 2003 г. (отмены международных санкций в отношении Ливии). На примере отношений с СССР и РФ автор показывает, что с введением санкций объемы российско-ливийского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества сократились практически до нуля. Была прекращена подготовка ливийских военных и гражданских специалистов в РФ, последовал отзыв из Ливии российских военно-технических специалистов и консультантов. В результате Ливия оказалась не в состоянии выплачивать свой внешний долг.

Ключевые слова: Ливия, международные отношения, экономические санкции, СССР, Россия

Введение. Взвешенная оценка исторического опыта, выявление позитивных и негативных составляющих в развитии тех или иных процессов значимы как для объяснения настоящего, так и определения возможных вариантов их развития в будущем. Данная аксиома может быть применена и к анализу отношений между Ливией и другими государствами, в том числе СССР и Россией на современном этапе. В связи с этим автор ставит целью осуществить ретроспективный анализ внутренней и внешней политики Ливии в период после антимоноархической революции 1969 г. и до 2003 г., когда с Ливии были сняты экономические санкции.

Изучение внешней политики Ливии в советской историографии началось только в конце 1970-х – начале 1980-х гг. и отличалось преимущественно изучением отношений Ливии со странами Запада, главным образом с США в контексте антиколониальной и антиимпериалистической борьбы [1]. При

¹ Адрес электронной почты: fatomamm@yahoo.com (Фатума М. М. Мамлук).

освещении вопроса советско-ливийских отношений авторы фокусировались на проблеме зарождения, становления и углубления дружественных отношений между народами Советского Союза и Ливии [2]. После крушения Советского Союза авторы в своих работах по истории Ливии начали рассматривать причины прекращения советско-ливийских отношений, в частности, А.З. Егорин видел причину в политике перестройки в СССР и сближении Москвы и Вашингтона [3]. Другой российский автор – В.И. Бартенев – показал, что Советский Союз еще до начала перестройки предпочел дистанцироваться от Ливии, хотя и продолжал развивать с ней военное сотрудничество, что было продиктовано «отчетливым нежеланием» СССР вовлекать себя в американо-ливийскую конфронтацию [4, с. 137].

Большинство западных авторов, исследовавших советско-ливийские отношения, выступали в поддержку тезиса о зависимости ливийской политики от Москвы [5, р. 101–105; 6], хотя между ними нет единства относительно того, насколько «близким» союзником для СССР была Ливия.

Исследование проблемы. После революции 1969 г. руководство Ливии во главе с М. Каддафи провозгласило курс на построение «исламского социалистического государства» [7], основанного на «равенстве элементов экономического производства и равном потреблении продуктов природы людьми» [8, с. 8]. Задачей внутренней политики Ливии стало создание государственного сектора в экономике и вытеснение из нее иностранных монополий. В итоге, по официальным данным, государственные предприятия Ливии в 1980-е гг. обеспечивали около 90% ВВП страны; свыше 70% валовой продукции промышленности и более 80% валовых вложений в экономику приходилось на госсектор. Однако с конца 1980-х гг. началась политика либерализации экономики¹.

Фундаментом для сотрудничества между СССР и Ливией был антиамериканизм и политика СССР поддержки арабских государств в их антиизраильских устремлениях. Вместе с тем были сильны идеологические расхождения: М. Каддафи имел собственный взгляд на социализм, он не разделял, как известно, атеизм советских коммунистов. К тому же в Триполи не забывали, что СССР представляет собой сверхдержаву, а согласно доктрине ливийского лидера любая сверхдержава представляет угрозу идеям всеарабского единства. В качестве примера можно привести высказывания М. Каддафи о том, что этап борьбы с капиталистическим Западом «ушел в прошлое» и в «будущем борьба будет идти с коммунизмом».

Так или иначе, но в отношениях Ливии и СССР на первый план вышел прагматизм. Генеральным направлением сотрудничества с Ливией стала военная помощь оружием и специалистами этой стране.

¹ Аль-Джамахирия Аманат ан-Тахтыт. Тараблус, 1984. С. 58.

В 1970-е гг. Ливия стала стратегическим партнером СССР среди африканских государств. 4 марта 1972 г. был дан старт военному сотрудничеству – подписано советско-ливийское соглашение, одним из пунктов которого было сотрудничество в военной области. Как результат, к концу этого года Ливия получила первую партию танков Т-54.

Основным содержанием своей политики в отношении стран арабского мира М. Каддафи определил создание единого арабского государства на основе принципов свободы, независимости и равноправия народов, однако главным препятствием на этом пути был колониализм западных держав. Напомним, что еще в 1969 г. постоянный представитель Ливии на 24-й сессии Генассамблеи ООН произнес в адрес империалистических государств обличительную речь, заявив о намерении ликвидировать на территории своей страны все иностранные военные базы. М. Каддафи также считал, что ООН не способна эффективно разрешать международные конфликты.

Поэтому в 1982 г. ливийское руководство предложило создать организацию «Международный оплот борьбы против империализма, сионизма, расизма, реакции и фашизма» (МОБПИСРРФ). Подготовительная сессия МОБПИСРРФ состоялась в феврале, а учредительная – в августе того же года.

В создании МОБПИСРРФ нашла отражение идея М. Каддафи о формировании международной организации «народов, а не правительств» как определенной альтернативы ООН. Учредители МОБПИСРРФ рассматривали ее как реальную силу «противостояния империализму и реакции по всем азимутам». Это была утопия, но она дала повод правящим кругам Запада оценить ее как доказательство приверженности Ливии «международному терроризму». Опасность этой идеи заключалась в том, что она вносила раскол в движение неприсоединения, которое и было по факту той самой «третьей силой», за которую ратовал М. Каддафи.

В августе 1981 г. США организовали провокационные учения у побережья Ливии. 19 августа американские истребители, принимавшие участие в учениях, сбили два ливийских самолета, несших патрульную службу. Это было грубейшее нарушение норм международного права. Ливия обратилась с жалобой в СБ ООН. В 1986 г. после авианалета американцев на ливийские города, вызвавшего возмущение во всем мире, Ливия вновь обратилась к авторитету ООН. В итоге она была осуждена в СБ ООН как акция международного терроризма, но реальных мер по противодействию агрессии принято не было.

Не все решения ООН устраивали ливийское руководство. Так, обращаясь к истории вопроса, можно вспомнить, что Ливия осудила СССР за поддержку компромиссной резолюции Генассамблеи ООН № 242 (от 22 ноября 1967 г.), обвиняя его в стремлении совместно с США установить положение «ни мира, ни войны» в арабо-израильском конфликте. И в дальнейшем Ли-

вия отвергала резолюции ООН, прямо или косвенно признававшие существование Израиля¹.

Ливию и ее лидера неоднократно обвиняли в подготовке и организации терактов, в помощи террористическим организациям. Помощь из Триполи этим организациям имела место, но большинство обвинений были голословными.

Таким образом, характеризуя ливийско-советские отношения в эти годы, отметим, что СССР было выгодно существование на Ближнем Востоке политического режима, ставшего знаменем борьбы против Запада. Москва даже игнорировала некоторые антикоммунистические заявления М. Каддафи. Несмотря на серьезные идеологические расхождения между Москвой и Триполи, Ливия с готовностью принимала военную помощь со стороны СССР. Вторая половина 1970-х – 1980-е гг. стали временем тесного сотрудничества Ливии с СССР, которое развивалось, в первую очередь, в военно-технической сфере (поставка военной техники, откомандирование на работу военных специалистов и др.). Кроме того, из СССР в страну поставлялись машины, транспортные средства, энергетическое оборудование, стройматериалы, прокат и др., а из Ливии в Советский Союз – в счет оплаты и в качестве импорта – нефть.

Отношения Ливии с СССР складывались непросто. Достигнув пика к середине 1980-х гг., они пошли на убыль после начала перестройки. Несмотря на то, что М. Каддафи «строил» социалистическое общество, к материализации идей К. Маркса в СССР он относился отрицательно. В вопросах идеологии он оставался непримиримым противником Москвы. Однако это не мешало ливийскому лидеру восхищаться силой советского оружия, закупать его у СССР и приглашать в страну военных специалистов. Советские лидеры с пониманием относились к подобным установкам лидера Джамахирии и шли на контакт. Прагматизм преобладал с обеих сторон.

В 1990 г. США подняли шумиху вокруг производства Ливией химического оружия на фармацевтических предприятиях страны и использования этого оружия в Чаде. ЦРУ утверждало, что на фармацевтической фабрике в местечке Рабт (40 км юго-восточнее Триполи) выпускается до 10 т отравляющих веществ в сутки. США в своей антиливийской политике пытались привлечь и ООН.

В это же время М. Каддафи в числе немногих мировых политиков поддержал действия ГКЧП в Москве, что в дальнейшем не могло не сказаться на отношениях с новым российским руководством. В результате после распада СССР отношения с Россией как правопреемницей СССР отошли для Ливии на второй план. Тому были серьезные причины: во-первых, руководство РФ во главе с Б.Н. Ельциным проводило прозападный курс, надеясь получить материальную и политическую поддержку со стороны Запада для проведения

¹ Security Council Official Records. 1382 meeting: 22 November 1967. S/Pv. 1382, pp. 1–19.

реформ, т.е. фактически шло в фарватере политики США. Во-вторых, Россия перестала играть роль поставщика вооружений Ливии, а именно в этом качестве интересовал Ливию когда-то Советский Союз. К тому же сотрудничество с Москвой было выгодно Триполи как обеспечение поддержки антиамериканской политики. Учитывая ранее сказанное, интерес М. Каддафи к Российской Федерации заметно угас. Единственное, на что мог рассчитывать М. Каддафи, так это на поддержку российского руководства в вопросе отмены санкций против ливийского государства.

В ноябре 1991 г. США, Великобритания и Франция предъявили Ливии обвинение в причастности ее граждан к взрывам самолета США над Шотландией в 1988 г. и авиалайнера французской авиакомпании UTA в 1989 г. В итоге в январе 1992 г. СБ ООН – по инициативе США, Великобритании, Ирландии и Франции – единогласно принял Резолюцию № 731, призывавшую Ливию содействовать в расследовании событий вокруг обеих катастроф. В документе, в частности, говорилось: «Совет Безопасности... настоятельно призывает все государства в индивидуальном и коллективном порядке поощрять ливийское правительство дать исчерпывающий и эффективный ответ на эти просьбы»¹.

Ливия отказалась выполнять эти ультимативные требования, поэтому в феврале 1992 г. СБ ООН принял резолюцию № 748 о введении экономических санкций в отношении Ливийской Джамахирии². Они предполагали введение запрета на авиасообщение, военно-техническое сотрудничество, сокращение дипломатических представительств в Ливии и т.п. Десять членов Совета безопасности (в том числе представитель России) проголосовали «за», воздержались пять государств (среди них – Китай, Индия, Марокко, Зимбабве, Кабо-Верде).

В ноябре 1993 г. СБ ООН принял резолюцию № 843 о введении дополнительных санкций против Ливии³, в соответствии с которой были заморожены активы Ливии за рубежом, ужесточено эмбарго на воздушные перевозки, запрещены определенные виды оборудования, используемые на терминалах и нефтеперерабатывающих заводах и др., тем самым был нанесен удар по основному источнику пополнения бюджета страны – нефтяной отрасли [9].

Введение санкций против Ливии повлекло за собой и прекращение сотрудничества в атомной сфере [10]. Регламент на процедуру снятия санкций предусматривал, что они могут быть сняты полностью в течение 90 дней после единогласного решения СБ ООН [11, с. 62–63].

¹ Items Relating to the Libyan Arab Jamahiriya. Resolution 731 (1992). URL: <https://documents-dds-ny.un.org>. Accessed: 12 April 2016.

² Резолюция СБ ООН, 31 марта 1992 г., № 731 // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru>. Дата обращения: 29.04.2016.

³ Резолюция СБ ООН, 11 ноября 1993 г., № 843 // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org>. Дата обращения: 29.04.2016.

По оценкам ливийских экспертов, эмбарго против страны лишили экономику Ливии 33 млрд долл. По данным источника в ООН, их кумулятивный эффект в виде прямого ущерба и недополучения дохода оценивался примерно в 24–26 млрд долл. [6, с. 10]. По данным мирового банка, сумма ущерба была почти в два раза меньше – 18 млрд. долл. [12] Даже если допустить, что последняя цифра точнее отражает объективную реальность, масштабы ущерба впечатляют.

В результате эмбарго были существенно ослаблены и усилия правительства Ливии по диверсификации национальной экономики, направленные на преодоление ее монокультурного, ориентированного преимущественно на продажу нефти характера [13].

Экспорт нефти и продажа нефтепродуктов обеспечивали более 90% валютных поступлений Ливии, доля нефтяной и газовой промышленности, а также непосредственно связанных с нею отраслей составляла около 40% ВВП страны. Ливия серьезно пострадала от падения мировых цен на нефть в период с осени 1997 г. по весну 1999 г. Так, при стабильной добыче на уровне 1,38–1,40 млн баррелей в сутки, что соответствовало 69–70 млн т в год, доходы от экспорта нефти в 1998 г. упали до 5,8 млрд долл. Это впервые за долгие годы не покрывало объема зарплаты госслужащих, чья численность составляла 700 тыс. человек [11, с. 66].

В нефтедобыче наиболее существенно санкции сказались на состоянии нефтепромыслов, принадлежащих Национальной нефтяной корпорации (ННК) – государственной компании, контролирующей до двух третей добычи нефти на территории Ливии. В связи с дефицитом необходимых запасных частей и материалов (большая часть полученных в обход санкций была использована для обустройства новых месторождений) и ограничением доступа к современным технологиям себестоимость добычи одного барреля нефти на «старых» крупных месторождениях, эксплуатируемых ННК, возросла до 2,5 долл.¹

Серьезно отразилось эмбарго и на нефтеперерабатывающем комплексе страны, мощность которого составляла около 21 млн т в год. Построенные в основном в 1970-е гг. ливийские нефтеперерабатывающие заводы устарели и требовали модернизации и замены технологического оборудования. Большая часть номенклатуры необходимых для нефтеперерабатывающей промышленности запасных частей и вспомогательных материалов в Ливии не производилось, и вызванный санкциями их дефицит привел к существенному сокращению объемов ремонтных и профилактических работ. Ливийские заводы характеризовались низкой глубиной переработки нефти – менее 50%. Структура производства не соответствовала потребностям в нефтепродуктах,

¹ Middle East Economic Digest. 16 April 1999. С. 29–34.

поэтому Ливия вынуждена была импортировать более 50% потребляемого страной бензина и некоторые другие виды нефтепродуктов.

Санкции не могли не повлиять на внешнюю политику Ливии. Их введение и последовавшее вслед за этим ухудшение экономической ситуации в стране вынудили М. Каддафи внести существенные коррективы в свой внешнеполитический курс. Сократились возможности для внешнеполитических маневров, образовавшийся дефицит валюты резко ограничил возможности оказания материальной помощи многочисленным организациям подрывной и экстремистской ориентации, что, безусловно, сказалось на политической ситуации в арабском мире.

Среди тех, кто больше всего из иностранных партнеров Ливии пострадал от санкций, была Россия. Ее присоединение к санкциям приостановило выполнение уже достигнутых договоренностей между странами. РФ пришлось отказаться от воплощения в жизнь совместных проектов в нефтегазовой сфере, электроэнергетике и в области транспортной инфраструктуры.

С введением санкций Ливия была вынуждена переориентировать свою внешнюю торговлю на западноевропейские страны (Францию, Италию и т.д.). Объемы российско-ливийского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества сократились практически до нуля. Урон был нанесен сотрудничеству и в военной области. Отныне Россия не могла поставлять в Ливию авиационную технику (причем как военную, так и гражданскую), запасные части к поставленной ранее военной технике. Была прекращена подготовка ливийских военных и гражданских специалистов в РФ, последовал вывод из Ливии российских военно-технических специалистов и консультантов, численность которых к 1992 г. составляла около 2,8 тыс. человек. Ливия оказалась не в состоянии выплачивать свой долг перед СССР, который по разным источникам составлял от 3,5 до 4,6 млрд долл. До введения эмбарго Ливия исправно платила СССР около 1 млрд долл. ежегодно за поставки оборудования и вооружения и работу военных специалистов [14].

В целом, общие потери для СССР и ее преемницы России от применения санкций составили примерно 40 млрд долл., т.е. значительно больше, чем для Ливии, против которой они были направлены. Со времени принятия санкций, когда представитель РФ в СБ ООН ни разу не воздержался от голосования, отношения между странами носили ограниченный характер.

Противоливийские санкции имели определенные последствия и для стран Европы и США. Так, группа американских сенаторов, вошедших в историю под названием «экономисты», обращали внимание на обоюдность экономических санкций [15].

С приходом в 1996 г. на пост министра иностранных дел РФ Е.М. Примакова Россия принимает определенные шаги к возобновлению двусторонних отношений. Так, в марте 1996 г. состоялся визит заместителя председателя правительства О. Давыдова в Триполи [16], в результате которого был достиг-

нут ряд договоренностей на сумму в 10–11 млрд долл. (об участии российских компаний в реализации проектов по строительству на территории Ливии железных дорог, электростанций, реконструкции ранее построенных при помощи России промышленных объектов и др.) [17].

Выводы. Завершая анализ истории вопроса о санкциях, укажем, что действие международных санкций против Ливии были приостановлены только в апреле 1999 г. Россия вышла из режима международных санкций в мае 1999 г., когда Президент РФ, сославшись на резолюцию СБ ООН № 1192, подписал Указ, предписывающий всем юридическим и физическим лицам, находящимся под юрисдикцией РФ, «исходить в своей деятельности из того, что с 5 апреля 1999 г. и до особого распоряжения приостанавливается действие мер» в отношении Ливии. Это дало новый толчок в развитии политического диалога между Ливией и Россией, активизировались встречи на различных уровнях, началась реализация многих контрактов, заключенных ранее.

В марте 2003 г. Ливия согласилась выплатить денежные компенсации семьям погибших при авиакатастрофах в 1988 и 1989 г., при этом одним из условий выплаты было то, что Госдепартамент США официально исключит Ливию из списка стран, поддерживающих терроризм.

Полная отмена санкций против Ливии произошла 12 сентября 2003 г., когда 13 из 15 членов СБ ООН (представители США и Франции воздержались) проголосовали за проект резолюции, предложенный Великобританией [18].

В результате анализа внутренней и внешней политики Ливии в период 1969–2003 гг. установлено, что:

1) руководство страны во главе с М. Каддафи пыталось осуществить курс на развитие и укрепление Ливии как свободного, экономически и политически независимого государства. Однако оценка избранных М. Каддафи и его сторонниками стратегий и тактик достижения поставленных целей не может быть однозначно позитивной;

2) основным направлением во внешней политике Ливии стал юнионизм – стремление создать единое арабское государство. Все остальные направления были подчинены этой линии. США рассматривались при этом как флагман Западного мира, противодействие с ними повышало авторитет Ливии в арабском мире, занявшей лидирующие позиции среди государств Ближнего Востока в борьбе с их историческим врагом – Израилем;

3) несмотря на то, что между Москвой и Триполи существовали серьезные идеологические расхождения, Ливия с готовностью принимала военную помощь со стороны Советского Союза;

4) введение противоливийских санкций имело отрицательные последствия не только для самой Ливии, но и для других государств, в том числе России.

В целом во внешней политике Ливии было немало резких поворотов, трудно объяснимых зигзагов. М. Каддафи периодически делал резкие заявления в отношении своих реальных и потенциальных союзников, что не только создавало вокруг него образ непредсказуемого политика, но и подрывало авторитет Ливии на международной арене.

© Мамлук М.М. Фатума, 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Аль-Джамахирия Аманат ан-Тахтыт. Тараблус, 1984.

Security Council Official Records. 1382 meeting: 22 November 1967. S/Pv. 1382: 1–19.

Items Relating to the Libyan Arab Jamahiriya. Resolution 731 (1992). URL: <https://documents-dds-ny.un.org>. Accessed: 12 April 2016.

Резолюция СБ ООН, 31 марта 1992 г., № 731 // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru>. Дата обращения: 29.04.2016.

Резолюция СБ ООН, 11 ноября 1993 г., № 883 // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org>. Дата обращения: 29.04.2016.

Middle East Economic Digest. 16 April 1999.-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Зверева А.А.* Особенности антиимпериалистической борьбы СНЛАД. М., 1986.
- [2] *Шведов А., Румянцев В.* Советско-ливийские отношения. М., 1986.
- [3] *Егорин А.З.* История Ливии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999.
- [4] *Бартенев В.И.* «Ливийская проблема» в международных отношениях (1969–2008). М., 2009.
- [5] *Campbell J.C.* Soviet Policy in Africa and the Middle East // *Current history*. 1977; 72(430).
- [6] *Bianco M.* Gaddafi: Voice from the desert. London, 1975.
- [7] *Смирнова Г.И.* Новые тенденции в социально-экономическом развитии Ливии // *Арабский мир в конце XX века: Матер. I конф. арабистов Ин-та востоковедения РАН.* М., 1996. С. 257–270.
- [8] *Муаммар Аль-Каддафи.* Зеленая книга. М., 1989. Ч. 2.
- [9] *Вотякова А.В.* Экономические санкции ООН против Ливии и их последствия // Сб. матер. конф. «ООН: история и вызовы современности (к 60-летию Организации Объединенных Наций)». М., 2005. С. 138–143.
- [10] *Гелескул Е.* Бомба для Каддафи: история одной игры // *Индекс безопасности*. 2009. № 1(88). Т. 15. С. 143–152.
- [11] *Кеворков Л.С.* Экономические санкции против Ливии и их последствия // *Ближний Восток и современность: Сб. статей.* М., 2000. Вып. 9. С. 60–69.
- [12] *Takeyh R.* The rogue who come in from the cold // *Foreign Affairs*. 2001; 3 vol. 80:62–72.
- [13] *Егорин А.* Ливия. Блокада // *Азия и Африка сегодня*. 1996. № 9. С. 19–25.

- [14] *Резчиков А., Федосеев Р.* Взгляд из Триполи в Сардинию // *Деловая газета*. 17 апреля 2008 г.
- [15] *Helms J.* What sanction epidemic? *Foreign Affairs*. 1999; 78(1):2–8.
- [16] *Смирнов А.* Перевоспитание Каддафи, или Сизифов труд // *Коммерсантъ*. URL: <http://kommersant.ru/doc/12994/> (Дата обращения: 14.03.2016).
- [17] *Амин Базин.* Резолюции СБ ООН № 731 в отношении Ливии и позиция России // *Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: Материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 75-летию образования кафедры истории Нового и Новейшего времени*. Минск. 2012. С. 6–9.
- [18] *Юрченко В.П.* О снятии с Ливии международных санкций // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/29-09-03.htm> (Дата обращения: 03.04.2016).

MUAMMAR GADDAFI'S FOREIGN POLICY AND RELATIONS OF LIBYA WITH THE USSR AND RUSSIA (1969–2003)

Fatuma M.M. Mamlouk¹

Embassy of Libya
38 Mospilmovskaya St., Moscow, Russia, 15127

This article presents a retrospective analysis of Libya's domestic and foreign policy in the period starting from the government headed by Gaddafi in 1969 until the lifting of international sanctions against Libya in 2003. The author gives a generalized description of the development of Libya during the given period, analyzes some features of its relations with Arab countries, West European countries and the USA, as well as with the United Nations. Particular attention is paid to the assessment of the Libyan-Soviet/Russian relations, and in connection with the imposing of sanctions and their lifting.

The author shows that the Russian-Libyan trade-economic and scientific-technological cooperation was reduced to almost zero since the sanctions were imposed. From then on, Russia could not supply to Libya aviation equipment (both military and civilian) and spare parts for military technology. There was stopped the training of the Libyan military and civilian personnel in the Russian Federation, there were withdrawn the Russian military and technical experts and advisers from Libya. Libya became insolvent.

Russia pulled out of the regime of international sanctions in May 1999. The total lifting of sanctions against Libya took place 12 September 2003. It gave a new impetus to the development of the political dialogue between Libya and Russia, there were intensified meetings at various levels and there began the implementation of many contracts signed earlier.

Key words: Libya, international relations, economic sanctions, USSR, Russia

¹ E-mail adress: fatomamm@yahoo.com (Fatuma M. M. Mamlouk).

REFERENCES

- [1] Zvereva AA. *Osobennosti antiimperialisticheskoi bor'by SNLAD*. Moscow; 1986 (in Russian).
- [2] Shvedov A., Rumyantsev V. *Sovetsko-liviiskie otnosheniya*. Moscow: Progress, 1986 (in Russian).
- [3] Egorin AZ. *Istoriya Livii. XX vek*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 1999 (in Russian).
- [4] Bartenev VI. «Liviiskaya problema» v mezhdunarodnykh otnosheniyakh (1969–2008). Moscow: LENAND, 2009 (in Russian).
- [5] Campbell J.C. Soviet Policy in Africa and the Middle East. *Current history*. 1977; 72(430).
- [6] Bianco M. *Gaddafi: Voice from the desert*. London, 1975.
- [7] Smirnova GI. Novye tendencii v social'no-ekonomicheskom razvitii Livii. *Arabskii mir v konce XX veka: Materiali I konferentsii arabistov Instituta vostokovedeniya RAN*. Moscow, 1996:257–270 (in Russian).
- [8] Muammar Al'-Kaddafi. *Zelenaya kniga*. Moscow, 1989; 2 (in Russian).
- [9] Votyakova AV. Ekonomicheskie sanktsii OON protiv Livii i ikh posledstviya. *Sbornik materialov konferentsii «OON: istoriya i vyzovy sovremennosti (k 60-letiyu Organizatsii Ob'edinennykh Natsii)»*. Moscow: Izd-vo RUDN, 2005: 138–143 (in Russian).
- [10] Geleskul E. Bomba dlia Kaddafi: istoriya odnoi igry. *Indeks bezopasnosti*. 2009; 15(1(88)): 143–152 (in Russian).
- [11] Kevorkov LS. Ekonomicheskie sanktsii protiv Livii i ikh posledstviya. *Blizhnii Vostok i sovremennost': Sbornik statei*. Moscow, 2000; 9: 60–69 (in Russian).
- [12] Takeyh R. The rogue who come in from the cold. *Foreign Affairs*. 2001; 3 vol. 80:62–72.
- [13] Egorin A. Liviya. Blokada. *Aziya i Afrika segodnya*. 1996; 9: 19–25 (in Russian).
- [14] Rezhnikov A., Fedoseev R. Vzglyad iz Tripoli v Sardiniyu. *Delovaya gazeta*. 17 April 2008 (in Russian).
- [15] Helms J. What sanction epidemic? *Foreign Affairs*. 1999; 78(1): 2–8.
- [16] Smirnov A. Perevosпитание Kaddafi, ili Sizifov trud. *Kommersant*. URL: <http://kommersant.ru/doc/12994/>. Accessed: 14 March 2016 (in Russian).
- [17] Amin Bazin. Rezolyucii SB OON № 731 v otnoshenii Livii i pozicija Rossii. *Aktual'nie problemy i perspektivy izucheniya novoi i noveishei istorii zarubezhnyh stran: Materialy mezhdunar. nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posviashhennoi 75-letiyu obrazovaniya kafedry istorii Novogo i Noveishego vremeni*. Minsk: Izd. centr BGU, 2012: 6–9 (in Russian).
- [18] Yurchenko VP. *O sniatii s Livii mezhdunarodnykh sankcii*. Institut Blizhnego Vostoka. URL: www.iimes.ru/rus/stat/2003/29-09-03.htm Accessed: 03 April 2016) (in Russian).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-121-125

Веселов А.А.
«Московские профессиональные объединения
художественной интеллигенции
во второй половине XIX – первой четверти XX вв.»
М.: Издательский дом ГУУ, 2016. 128 с.

С.Н. Бледный¹

Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»
111250, Россия, ул. Красноказарменная, Москва, 14

Изучение истории формирования и деятельности отечественной интеллигенции является актуальной проблемой как с точки зрения научного анализа, поскольку с момента своего возникновения интеллигенция играет одну из ведущих ролей в обществе в плане его духовно-нравственного и общественно-политического развития, так и с практической точки зрения – осмысление складывания и функционирования профессиональных союзов творческой интеллигенции и форм взаимодействия их с властью и сегодня вызывает оживленнейшие дискуссии в обществе.

Монография кандидата исторических наук Веселова Александра Александровича вызывает значительный научный интерес новизной подхода к изучению этого вопроса. Всегда интересно и познавательно читать работы, которые несут в себе системно изложенный и по-исследовательски глубокий материал, подающийся в очевидном авторском концептуальном оформлении. В монографии А.А. Веселова очевидна авторская попытка вывести рассмотрение как бы частного вопроса о формировании и деятельности только московских профессиональных объединений художественной интеллигенции на уровень постижения коренных причинно-следственных связей, способствовавших (как и препятствовавших) утверждению в России XIX – начала XX в. корпоративных союзов творческих, неординарных людей. Тем более исследовательская цель, которую поставил перед собой автор: «рассмотреть историю создания и деятельности Московских объединений художественной интеллигенции, их организационной основы в общественно-политической

¹ Адрес электронной почты: bsn3010@rambler.ru (С.Н. Бледный).

обстановке середины XIX – первой четверти XX вв.» (С. 2), обязывают его не только руководствоваться поистине гигантским периодом, знаменовавшим собой по крайней мере две эпохи российской истории, но и быть доказательным в рассмотрении общих вопросов современного интеллигентоведения.

При внимательном прочтении монографии очевидно умение автора последовательно и убедительно определять актуальность и новизну проделанной работы, демонстрировать ее практикоориентированную значимость, доказывать правомерность применения основополагающих для историка методологических принципов, методов, подходов. Веселов А.А. четко определил свой подход, который естественным и необходимым образом и должен был быть использован при разработке столь тематически и хронологически сложной проблемы.

Таким образом, монография представляет не некую схему-процесс, а дает читателю развернутую картину общественных и политических пертурбаций, которые естественным образом не только сопровождали творческие и организационные устремления российских художников, литераторов, ученых и др., но в принципе определяли возможность/невозможность их проявления.

Первая глава *«Московские объединения художественной интеллигенции в общественно-политической обстановке середины XIX – первой четверти XX вв.»* посвящена проблемам формирования объединений творческой интеллигенции как особого исторического феномена. Глава состоит из двух параграфов: 1. Процесс формирования сообществ творческой интеллигенции: середина XIX – первые десятилетия XX вв.; 2. Организационные основы Московских союзов творческой интеллигенции в период революций и гражданской войны.

Автор классифицирует различные типы художественных объединений и дает собственную периодизацию их формирования. Важно, что классификация естественным образом определяется общественно-политическими характеристиками того или иного из четырех предлагаемых периодов в развитии профессиональных объединений художественной интеллигенции (С. 8).

1) 1840–1870-е гг. – период появления первых обществ и кружков, представлявших собой просветительские организации дворянства и интеллигенции;

2) 1870–1890-е гг. – создание первых независимых художественных объединений, где становились нормой коммерческие и правовые аспекты их деятельности;

3) 1890–1917 гг. – время наивысшего расцвета объединений творческой интеллигенции самых разных направлений, стилевых тенденций и творческих ориентаций;

4) 1917 – первая половина 1920-х гг. – попытки новых обществ объединить в своем творчестве накопленные традиции прошлых лет и новые революционные веяния.

Анализируя деятельность творческих союзов на разных этапах, исследователь приходит к выводу, что, зародившись как частные кружки, союзы творческой интеллигенции постепенно превратились в «профессиональные объединения с четко выраженной творческой специализацией и конкретными коммерческими целями» (С. 58). Но вставший вслед за экономической свободой вопрос об идейно-политической свободе не стал поводом для раскола. Главными линиями водораздела были эстетические, а не политические идеи.

Во второй главе «*Законодательная регламентация объединений интеллигенции во второй половине XIX – первой четверти XX вв.*» дан анализ основных проблем законодательной регламентации деятельности групп и объединений художественной интеллигенции в конце XIX – первой четверти XX в. Глава состоит из трех параграфов: 1. Правовые основы функционирования союзов художественной интеллигенции; 2. Государственная политика в первые годы советской власти по отношению к творческим объединениям; 3. Структура управления творческой интеллигенцией в новых условиях революционной России.

Таким образом, автор ввел в канву своего научного повествования специальное рассмотрение и правительственной политики, и той законодательной базы в отношении всевозможных творческих объединений, что перманентно изменялась в силу конкретики политической ситуации. А она-то была в эти десятилетия самой разной. Поэтому даже определение крайней хронологической точки исследования связано как раз с радикальным решением уже даже не правительства, а большевистской партии. Новой власти искусство было необходимо лишь в той степени, в тех качественных и организационных параметрах, в каких оно было способно отражать масштабы и задачи социалистического строительства, способствовать ему: «Со временем органы Советской власти пришли к необходимости создания аппарата управления искусством и творчеством художественной интеллигенции» (С. 89). Прежние потуги в этом отношении самодержавной власти в сравнении предстают перед умеющим думать читателем неким «разгулом» либерализма и демократии. Все познается в сравнении, даже столь сложные, сопряженные с очевидно значительным субъективным фактором процессы.

В Заключении автор подводит итоги исследования и делает обобщающие выводы, которые являются объективными и аргументированными. Ему удалось изучить деятельность Московских профессиональных сообществ художественной интеллигенции рубежа веков, показать роль творческих объе-

динений Москвы в системе общественно-политических реалий Российского государства на широком общеисторическом фоне, доказать, что при создании своих объединений художественной интеллигенции приходилось оглядываться на власть – от императорской до пролетарской.

В целом, в монографии сделана успешная попытка решить важную научную проблему – рассмотреть процесс создания и функционирования профессиональных объединений художественной интеллигенции Москвы второй половины XIX – первой четверти XX вв. в связи с исторической ролью и местом художественной интеллигенции и ее профессиональных объединений в жизни общества.

Убеждают в научной значимости данной монографии более двух десятков публикаций А.А. Веселова, из которых пять из списка российской ВАК, а также богатая источниковая база работы (С. 123–127), которая включает: 1) опубликованные документы – законодательные акты царского правительства, решения советских и партийных органов в области культуры и искусства, мемуары творческой интеллигенции, 2) неопубликованные документы – материалы центральных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ), Центрального государственного архива Московской Области (ЦГАМО), Российского государственного исторического архива (РГИА), а также материалы фонда отдела научной информации и библиографии Государственной Третьяковской галереи. Это – уставы, декларации, манифесты, каталоги выставок, ежегодные отчеты и другие документы, изданные обществами, а также художественные журналы, альманахи и сборники XIX – первой четверти XX в. И это не говоря о россыпи конкретных имен, которые встречаются в монографии. Стоит только приветствовать авторский подход: сама тема предполагает обращение к истории творческих судеб российских интеллектуалов, Мастеров, тех, кто в работе проходит под термином «художественная интеллигенция».

Нет возражений в отношении главной составляющей монографии: А.А. Веселову удалось проследить главные тенденции в формировании значительного количества (почти 65) профессиональных объединений художественной интеллигенции Москвы как главного культурного центра дореволюционной России, выявить непосредственную связь между «процессом снизу» и реакцией на него «сверху».

Монография Александра Александровича Веселова – качественное научное издание, автор опирается на обширный корпус разнообразных источников и на внушительный объем исследовательской литературы. Монография может быть интересна и полезна как историкам, так и всем интересующим-

ся историей художественной интеллигенции, поскольку охватывает широкий круг проблем и вопросов.

© Бледный С.Н., 2017

Veselov A.A.
Moskovskie professional'nye ob'edineniya
khudozhestvennoi intelligentsii
vo vtoroi polovine XIX – pervoi chetverti XX vv.
(Moscow: Izdatel'skii dom GUU, 2016. 128 p.)

Sergei N. Bledny¹

Moscow Power Engineering Institute of National Research University
14 Krasnokazarmennaya St., Moscow, Russia, 111250

¹ E-mail address: bsn3010@rambler.ru (S.N. Bledny).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-126-130

В.Ф. Ершов
«Русский мир и Северокавказское зарубежье
в XX – начале XXI века»
М.: ИНФРА-М, 2016. 420 с.

М.Л. Галас¹

Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
125993 ГСП-3, Россия, Москва, Ленинградский пр., 49

Размышления и дискуссии о сущности понятия «Русский мир», вошедшего в международное информационное пространство в середине 2000-х гг., явились стимулом для выхода в свет ряда научно-теоретических трудов, посвященных неизвестным страницам истории и культуры российского зарубежья XIX – XX вв. Среди них особого внимания заслуживают работы, отражающие сущность этого уникального культурно-исторического явления и изучающие процессы структурной и социально-культурной трансформации глобального сообщества российского зарубежья после 1991 г., которые собственно и привели к возникновению концепта «Русский мир», призванного отразить новое видение феномена российского зарубежья как сообщества, неразрывно связанного с Россией как через историческую ретроспективу, так и через современное международное пространство экономики, политики и культуры [1; 2; 3].

Новая монография доктора исторических наук, профессора В.Ф. Ершова, с одной стороны, представляет читателю значительный объем исторического материала, с другой – раскрывает характер и перспективы участия Русского мира в глобальном диалоге культур и цивилизаций XXI в.

Рецензируемая монография привлекает внимание самой постановкой проблемы и широким спектром, представленных в книге исторических фактов и теоретических положений. Концепция книги выстраивается на основе авторского подхода к северокавказскому зарубежью XX – начала XXI в. как к структурному компоненту Русского мира, что позволяет выделить ряд но-

¹ Адрес электронной почты: lucera2008@yandex.ru (М.Л. Галас).

вых ракурсов в изучении проблем этничности, языковой и культурной самобытности сообществ российских соотечественников за рубежом.

Данный подход опирается на положение Федерального закона РФ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», согласно которому в состав российского зарубежья входят постоянно проживающие за рубежом лица, «относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации», в том числе народы Северного Кавказа.

Кроме того, авторская концепция убедительно подтверждается представленными в тексте монографии данными о многообразных общественных, культурных и личных связях северокавказских диаспор с миром российского зарубежья и республиками Северного Кавказа. Автор подчеркивает также, что начавшееся в 1990–2000-е гг. расширение контактов современных северокавказских диаспор с исторической родиной – Адыгеей, Кабардино-Балкарией, Карачаево-Черкесией и другими северокавказскими республиками – является частью более широкого процесса сближения России с миром зарубежных соотечественников.

Монография В.Ф. Ершова состоит из двух частей. В первой части – «Русский мир в глобальном измерении» – на конкретно-историческом материале рассматриваются те характеристики феномена российского зарубежья XX в., которые определяют его значение в глобальном диалоге культур и цивилизаций. Значительное внимание автор уделяет проблеме сложных идентичностей, которые формировались в результате исхода с территории Российской империи и СССР представителей различных национальностей, конфессий и социально-профессиональных групп, которые в процессе адаптации за рубежом становились носителями новых языков и культур, сохраняя в то же время память о своих исторических корнях.

Большой интерес представляет системное исследование автором картины институционального развития Русского мира на рубеже XX–XXI вв., освещающее особенности организации и деятельности общественных организаций российских соотечественников в странах Европейского Союза, США, Израиле, Аргентине, Австралии и других регионах мира, автор раскрывает ряд важных тенденций в жизни современного российского зарубежья. В частности, в монографии сделан важный вывод о становлении глобальной коммуникативной системы Русского мира, включающей комплекс региональных и международных организаций и сетевых структур, взаимодействие которых способствует формированию единого информационно-культурного пространства России и российского зарубежья. Отдельная глава посвящена русскоговорящим сообществам Ближнего зарубежья, которые, по мнению автора, в настоящее время «выходят на первый план в системе международного Рус-

ского мира и как демографический ресурс, и в качестве общественной силы, продвигающей российские интересы за рубежом» (С. 129–130). Рецензируемая монография включает также исследование характера и степени участия русскоговорящих ученых за рубежом в диалоге России с глобальным интеллектуальным сообществом. В частности, освещен процесс становления корпоративных объединений представителей отечественной науки, работающих в США, Германии, Великобритании, участие российских соотечественников в международных научных проектах и др.

Вторая часть книги «Северный Кавказ в судьбе зарубежной России» представляет собой первый в отечественной историографии опыт обобщенного исследования мира северокавказского русскоговорящего зарубежья как компонента российской эмиграции XX в. В данном разделе освещен процесс становления и деятельности, повседневной жизни северокавказских общин в Европе и США в 1920–1970-е гг. Это увлекательный рассказ об эмигрантских судьбах черкесов, чеченцев, осетин и представителей других народов Северного Кавказа – офицерах и казаках, воевавших в составе Белых армий, о попытках продолжения за рубежом политической борьбы бывшими участниками Гражданской войны на Северном Кавказе, о научной и литературной работе северокавказской интеллигенции за рубежом, кавказских землячествах, благотворительных организациях и др. Значительная часть материала впервые вводится в научный оборот, как, например, архивные документы о деятельности «Частного совещания политических деятелей кавказских республик» начала 1920-х гг., «Общества кавказоведения» в Праге и др. Используются также материалы эмигрантской прессы и мемуарной литературы.

Надо сказать, что в современной Кабардино-Балкарии, Адыгее, Чечне имена Гайдара Баммата, генерала Константина Хагондокова, Тапы Чермоева и других деятелей северокавказского зарубежья в Европе 1920–1930-х гг. достаточно хорошо известны специалистам и тем пользователям Интернета, которые увлечены историей своих народов [4; 5]. Однако для большинства читателей в других регионах нашей страны, интересующихся историей и культурой русского зарубежья, монография откроет целый пласт событий и имен, неразрывно связанных с миром российской эмиграции XX в. В свою очередь, научно-образовательное пространство Северного Кавказа также обогащается и представленным в книге новым фактологическим материалом, и важными теоретическими положениями.

Рецензируемая книга представляет собой в высшей степени актуальное научное исследование, в котором историческая часть органично соединяется с исследованием проблем современных миграционных процессов и международной политической обстановки, определяющих эволюцию русского зарубежья в начале XXI в. В завершающей главе монографии автор анализи-

рует развитие диалога современных республик Северного Кавказа с миром зарубежных соотечественников в 1990–2000-е гг. и на современном этапе как часть государственной политики России на федеральном и региональном уровне. В том числе рассматриваются основные направления культурного, образовательного и экономического сотрудничества с черкесскими и другими северокавказскими национальными диаспорами в Турции, Иордании и ряде других стран, проблемы адаптации черкесских репатриантов, прибывших на Кавказ в 1990-е гг. из Косово, а в настоящее время прибывающих из Сирии и других «горячих точек» арабского мира.

Книга апеллирует к исторической памяти, чувству родины и гражданской ответственности сообщества народов Северного Кавказа, проживающих как в Российской Федерации, так и за ее пределами. Автор подчеркивает, что и простые люди, и выдающиеся деятели черкесского зарубежья – Кумык Мамдух, Берзедж Нихад Мустафа и др., возвращаясь на родину предков уже в современный период истории в 1990–2000-е гг., становятся гражданами Российской Федерации и включаются в своей деятельности не только в этнокультурное пространство своей малой родины, но и в мир русского языка и общероссийской цивилизации.

В монографии В.Ф. Ершова сформулирован ряд важных теоретических положений: обоснована оценка Русского мира как «особого, в определенной степени – нового явления в мировой истории и политике», выявлена роль национальных диаспор народов России и постсоветских государств, в данном случае – северокавказских общин за рубежом – как участников глобального диалога культур и цивилизаций, охарактеризованы ключевые социальные и культурно-ментальные аспекты воссоединения диаспор Северного Кавказа с их исторической родиной.

Монография вносит важный вклад в научную дискуссию о сущности историко-культурного феномена российского зарубежья XX в. и перспективах современного Русского мира как фактора глобального развития.

© Галас М.Л., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008.
- [2] *Зацепина О.С., Ручкин А.Б.* Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк: РАКСИ-Пресс, 2012.
- [3] *Русский мир в XX веке. В 6-ти томах / Под ред. М.Н. Мосейкина, З.С. Бочарова, А.В. Антошин, Г.А. Бордюгов, А.Ч. Касаев.* М.: АИРО-XXI; СПб: Алетейя, 2014.

- [4] *Алиев Б.П.* Северокавказская диаспора: История и современность (вторая половина XIX – XX вв.). Махачкала, 2001.
- [5] *Шеуджен Эмилия.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Майкоп, 2010.

REFERENCES

- [1] Pivovarov EI. *Rossiiskoe zarubezh'e: social'no-istoricheskij fenomen, rol'i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii*. Moscow: RGGU, 2008 (in Russian).
- [2] Zatssepina OS, Ruchkin AB. *Russkie v SShA. Obshchestvennyye organizatsii russkoi emigratsii v XX–XXI vv.* New-York: RAKSI-Press; 2012 (in Russian).
- [3] Moseikina MN., Bocharova ZS., Antoshin AV., Bordyugov GA., Kasaev ACh., editors. *Russkii mir v XX veke*. In 6 volumes. Moscow: AIRO-XXI; St-Peterburg: Aleteiya; 2014 (in Russian).
- [4] Aliyev BR. *Severokavkazskaya diaspora: Istoriya i sovremennost' (vtoraya polovina XIX – XX vv.)*. Makhachkala; 2001 (in Russian).
- [5] Sheudzhen Emiliya. *Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoi pamyati*. Maikop, 2010 (in Russian).

V.F. Ershov
Russkii mir I Severokavkazskoe zarubezh'e
v XX – nachale XXI veka
(Moscow: INFRA-M, 2016. 420 p.)

Marina L. Galas¹

Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993, GSP-3

¹ E-mail address: lucera2008@yandex.ru (M.L. Galas).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-131-133

ПРОМЕЛЬКНУВШИЙ МЕТЕОР...

*Светлой памяти
профессора С.Ф. Гребениченко*

Не стало Сергея Федоровича Гребениченко – нашего коллеги, доктора исторических наук, профессора кафедры истории России РУДН. В это трудно поверить, зная его как энергичного, доброго, отзывчивого, заботливого и в тоже время принципиального товарища.

Сергей Федорович родился 19 октября 1962 г. в Камчатской области в семье служащих. После окончания средней школы поступил на исторический факультет Дальневосточного государственного университета. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова под руководством крупнейшего ученого в области источниковедения И.Д. Ковальченко. В 1996 г., после окончания докторантуры Института российской истории РАН, блестяще защищает докторскую диссертацию в диссоте по историческим наукам при кафедре истории России

факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, а через полтора года избирается по конкурсу профессором этой же кафедры.

До прихода в большую науку С.Ф. Гребениченко прошел серьезную школу государственной работы: заведующий лабораторией криминалистики и криминологии ДВГУ; старший научный сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС; консультант ЦК КПСС; помощник члена ЦК КПСС – Председателя Центральной Контрольной Комиссии КП РСФСР; референт Заместителя председателя КГБ СССР; старший референт Председателя Комитета по работе с личным составом Министерства обороны РФ; старший научный сотрудник Института Российской истории РАН; заведующий информационно-социологического сектора Российской академии государственной службы при Президенте РФ; руководитель аппарата Председателя Комиссии по городскому хозяйству и жилищной политике Московской городской Думы.

Его научная и педагогическая деятельность охватывала широкий круг исторических проблем и была неразрывно связана с интересами кафедры истории России. В результате им был предложен и внедрен целый ряд новых подходов в исторической науке и историческом образовании. Научные интересы профессора С.Ф. Гребениченко лежали в области экономической истории, теории и истории международных отношений со странами дальнего и ближнего зарубежья, социальных проблем современной России, а также формирования ее властных структур. Им опубликовано более 300 научных трудов, в числе которых 25 монографий и учебных пособий.

Научная деятельность Сергея Федоровича активно продолжалась до последних дней его жизни. В частности, только в одном 2016 г. им было опубликовано более 20 актуальных научных и методических статей в ведущих российских журналах. Профессором было подготовлено 2 доктора и 21 кандидат исторических и социологических наук, среди которых 7 представителей зарубежных государств.

Кроме этого, в прошедшем году под научным руководством Сергея Федоровича Гребениченко была успешно защищена докторская диссертация, имеющая исключительно важное актуальное, научное и практическое значение на тему: «Исторический опыт сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в сфере экономической безопасности в 1990-е – 2010-е годы», подготовленная известным дипломатом и ученым Сагиндиковым Рустановом Елеусиновичем, а также 2 кандидатские диссертации наших аспирантов.

До настоящего времени С.Ф. Гребениченко являлся членом диссертационного совета по историческим наукам при кафедре истории России РУДН, в течение многих лет выполнял обязанности члена редколлегии журнала «Вестник РУДН. Серия: История России». И везде его научный авторитет был непререкаем, а профессиональный опыт – бесценен.

Большую плодотворную работу он творчески сочетал с учебным процессом на факультете гуманитарных и социальных наук университета. Предме-

том его особой заботы и гордости было преподавание магистрам-историкам ряда актуальных курсов (в числе которых был, в частности, курс «Современная история исторической науки»), которые отличались академизмом и высоким профессионализмом.

Активная работа профессора С.Ф. Гребениченко позволила кафедре истории России развить широкие и прочные связи с ведущими университетами Москвы – МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, Государственным университетом по землеустройству, Российским государственным университетом нефти и газа им. И.М. Губкина и др.; а также Московской городской Думой, рядом редколлегий ведущих научных изданий, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ, в частности международным журналом «Информационное общество», федеральным журналом «Социально-гуманитарные знания» и др., в которых он участвовал на правах члена редколлегии. Профессор С.Ф. Гребениченко был избран действительным членом (академиком) Российской академии естественных наук по отделению «Сословие и национальные традиции», где проводил исключительно важную работу, обеспечивая факультету гуманитарных и социальных наук, кафедре истории России весомый авторитет и научную значимость.

Одновременно Сергей Федорович активно участвовал на правах членства в Российской ассоциации «История и компьютер», российском обществе социологов, международном союзе профессиональных журналистов и др.; являлся соруководителем и разработчиком 8 федеральных опросов общественного мнения, научным редактором «Вестника» института социальных инициатив.

Сергей Федорович Гребениченко был полон дальнейших планов, связанных с научной и педагогической активизацией факультета гуманитарных и социальных наук, кафедрой истории России, написанием нового учебника и завершением монографического издания, деятельным участием в подготовке методических пособий, а также реализацией своих личных начинаний.

В расцвете творческих сил ушел из жизни известный ученый, талантливый организатор профессионального исторического образования и прекрасный человек. В памяти коллег, друзей и учеников Сергей Федорович останется глубоко порядочным, честным, доброжелательным и отзывчивым человеком.

Деканат факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, коллектив кафедры истории России, диссертационный совет по историческим наукам выражают глубокое соболезнование в связи с безвременной кончиной академика Сергея Федоровича Гребениченко. Его светлый образ навсегда останется в наших сердцах.

© Редколлегия журнала, 2017

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-134-135

НАШИ АВТОРЫ

Roman Avilov (Vladivostok, Russia), *Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS* / **Авилов Роман Сергеевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; главный библиотекарь Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (Владивосток, РФ).

Farid Asadullin (Moscow, Russia), *The Council of Muftis of Russia* / **Асадуллин Фарид Абдулович** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, заместитель Председателя Духовного управления мусульман Европейской части России (Московского муфтията), советник Председателя Совета муфтиев России (Москва, РФ).

Sergei Bledny (Moscow, Russia), *Moscow Power Engineering Institute of National Research University* / **Бледный Сергей Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Научно-исследовательского университета «Московский энергетический институт» (Москва, РФ).

Marina Galas (Moscow, Russia), *Financial University under the Government of the Russian Federation* / **Галас Марина Леонидовна** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, РФ).

Aleksandr Golovkin (Moscow, Russia), *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)* / **Головкин Александр Андреевич** – аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Москва, РФ).

Sergei Loutoshkin (Moscow, Russia), *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)* / **Лутошкин Сергей Александрович** – аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Москва, РФ).

Pavel Merkulov (Orel, Russia), *Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration* / **Меркулов Павел Александрович** – доктор исторических наук, доцент, директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, РФ).

Svetlana Ponomareva (Krasnoyarsk, Russia), Institute of Humanities Siberian Federal University / **Пономарева Светлана Альбертовна** – аспирантка кафедры Всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, РФ).

Aleksandr Saran (Orel, Russia), *Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration* / **Саран Александр Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, РФ).

Yanina Taimasova (Moscow, Russia), *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)* / **Таймасова Янина Викторовна** – аспирантка кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Москва, РФ).

Fatuma M. M. Mamlouk (Tripoli, Libya), *Embassy of Libya in Russia* / **Фатума М.М. Мамлук** – временная поверенная в делах Ливии посольства Ливии в РФ (Триполи, Ливия).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10 000 знаков, статьи и историографические обзоры объемом 40 000 знаков, включая сноски и межсловные интервалы (пробелы), в форматах PDF и MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены три файла.

Первый файл должен содержать в себе статью с указанием автора и информацией о нем. Файл направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала: rushistj@rudn.university.

Структура рукописи:

- ✓ название;
- ✓ инициалы и фамилия автора/авторов;
- ✓ место работы автора (для каждого автора);
- ✓ рабочий адрес автора (индекс, страна, город, улица, номер дома);
- ✓ аннотация статьи на русском языке (150–200 слов);
- ✓ список ключевых слов (5–10);
- ✓ текст статьи.

Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, обзор литературы (включая зарубежную) и источников, цель и задачи исследования), «Исследование проблемы», «Выводы».

После основного текста статьи размещается раздел «Источники [Sources]» и «Библиографический список». Последний должен включать в себя не менее 20 наименований публикаций. Каждому наименованию присваивается порядковый номер, заключенный в квадратные скобки. Перечень источников располагается в алфавитном порядке, перечень публикаций в «Библиографическом списке» располагается в порядке следования в тексте.

Ссылки на литературу внутри текста статьи также оформляются в виде квадратных скобок. Внутри скобок указывается порядковый номер издания из «Библиографического списка» и через запятую – страница текста.

Дополнения автора, документы без авторства (архивные источники, официальные документы, инструкции, интернет-материалы) оформляются в виде постраничных автоматических сносок.

Вторым файлом по электронному адресу корпоративной почты журнала направляются:

- ✓ название статьи на английском языке;
- ✓ транслитерация имени и фамилии автора/авторов;
- ✓ место работы автора на английском языке (для каждого автора);
- ✓ транслитерация рабочего адреса автора (номер дома, улица, город страна, индекс);
- ✓ аннотация статьи на английском языке в **300** слов;
- ✓ список ключевых слов на английском языке (дублирует список на русском языке);
- ✓ название статьи на русском языке и русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ✓ References, который дублирует «Библиографический список» на латинице.

Если у публикации существует официальный перевод названия на английском языке, то именно он используется для размещения в references. Если официальный перевод отсутствует, то название статьи транслитерируется + дается самостоятельный перевод на английский язык, заключенный в квадратные скобки. Транслитерацию необходимо выполнять в режиме BSI;

✓ информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность, название организации, электронная почта автора).

Третий файл должен содержать текст статьи **без** указания ФИО автора и информации о нем. Данный анонимный файл автор прикрепляет на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Образец оформления ссылок

При оформлении книг используется следующая модель: ФИО автора. [Переводное название книги на английском языке]. Транслитерированное название книги [Переводное название книги на английском языке]. Место издания на английском языке: Транслитерированное название издательства; год (in Russian).

ПРИМЕР:

Библиографический список	<i>Розанов В.В.</i> Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2015.
References	<i>Rozanov VV. Apokalipsis nashego vremeni</i> [Apocalypse of our time]. Moscow: Eksmo Publ.; 2015 (in Russian).

При оформлении журнальных статей используется модель: ФИО автора. [Переводное название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала*[переводное название журнала на английском языке]. Год; том (номер): диапазон страниц статьи в журнале (in Russian).

ПРИМЕР:

Библиографический список	<i>Кознова Н.Н.</i> Мемуарная проза русских писателей-эмигрантов: осмысление революционной стихии в России XX века // Преподаватель XXI век. 2007. № 4. С. 110–116.
References	<i>Koznova NN. Memuarnaya proza russkikh pisatelei-emigrantov: osmyslenie revolyutsionnoi stikhii v Rossii XX veka</i> [Memoir Prose Russian emigre writers: comprehension of the revolutionary element in the XX century Russia]. <i>Prepodavatel' XXI vek</i> [Teacher XXI Century]. 2007; (4): 110–116 (in Russian).

В случае, если у статьи и/или журнала есть официальный перевод названия, то англоязычное(-ые) название(-я) статьи и/или журнала дается/даются без квадратных скобок, а транслитерированное название журнала опускается:

ПРИМЕР:

Библиографический список	Козьменко В.М., Мосейкина М.Н. Кафедре истории России РУДН – 45! // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. Том 15. № 4. С. 7–17.
References	45th anniversary of the Department of Russian history! <i>RUDN Journal of Russian History</i> . 2016; 15(4): 7–17 (in Russian).

Такой же принцип оформления применяется и к русскоязычным книгам.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Адрес электронной почты: rushistj@rudn.university

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
